Подається російською мовою!

Филиппа Пирс

Том и полночный сад

Глава 1

ИЗГНАНИЕ

Один, стоя на заднем крыльце, он, может, и смахнул слезинку-другую, да только это были злые слезы. Том Лонг прощался с садом и ужасно сердился, что приходится уезжать — от сада и от Питера. Каникулы начинались отвратительно!

У городских домов садики совсем маленькие, их не был исключением — одна грядка с овощами, другая с зеленью, цветочная клумба и в глубине у забора высокая старая яблоня на заросшей сорняками лужайке. Яблоки появлялись так редко, что мальчикам разрешалось забираться на дерево, когда душе угодно. Вот они и задумали соорудить на каникулах дом на дереве.

Том еще раз напоследок оглядел сад и вернулся в дом. Проходя под лестницей, крикнул: "Пока, Питер!" Из спальни на втором этаже донесся хриплый ответ.

Мальчик вышел на крыльцо, там его ждала мама с чемоданчиком. Он потянулся за чемоданом, но мама ручки не выпустила, ей хотелось, чтобы сначала он ее выслушал.

— Я понимаю, Том, кому охота из дома уезжать, даже если это для его же блага? Для нас с отцом это тоже удовольствие маленькое. Мы

будем по тебе скучать, а о Питере уж и говорить нечего. Ему-то болеть совсем не весело.

— Я же не говорил, что вы тут без меня веселиться будете. Я только сказал...

— Ш-ш-ш, — мама глянула поверх головы сына на дорогу, где уже ждала машина. Она протянула Тому чемоданчик, наклонилась поправить съехавший набок галстук. Мама наклонилась к уху сына.

— Том, милый мой, — сказала она чуть слышно, зная, что ему предстоят несколько нелегких недель, — помни, ты — гость. Постарайся вести себя… как бы тебе сказать… постарайся себя вести хорошо.

Она его поцеловала, легонько подтолкнула в сторону машины и сама пошла следом. Пока Том забирался в автомобиль, миссис Лонг смотрела не на него, а на человека за рулем.

— Передай мой привет Гвен. Скажи ей, Алан, что мы вам обоим страшно благодарны. Очень любезно с вашей стороны, что вы сразу же согласились взять к себе Тома.

— Очень благородно, — с горечью повторил Том.

— В доме, где есть больной, — продолжала миссис Лонг, — всегда так тесно.

— Мы рады помочь, — кивнул Алан и завел мотор.

Том опустил стекло дверцы автомобиля.

— До свидания, мама.

— Том! — губы ее дрожали. — Мне так жалко. Летние каникулы, а начало совершенно испорчено.

Машина тронулась, он обернулся и закричал:

— Лучше бы мне тоже корью заболеть! Куда лучше!

Он сердито махнул рукой на прощание, сначала матери, а потом, невзирая на возможные последствия — не для себя, для брата, — красному от жара лицу, прилипшему к окну спальни. Миссис Лонг взглянула наверх, в отчаянии всплеснула руками — Питеру полагалось все время лежать в постели — и заторопилась в дом.

Том поднял боковое стекло и откинулся на спинку сиденья. Дядя кашлянул, прочищая горло, и сказал:

— Надеюсь, мы неплохо поладим.

Это был не вопрос, а утверждение, поэтому Том не дал себе труда ответить.

Он понимал, что ведет себя просто невежливо, но сразу же придумал немало оправданий: дядя Алан ему никогда особенно не нравился, а теперь и вовсе неохота изображать хорошее отношение. Вот бы дядюшка оказался злобным и жестоким. "Побил бы он меня, что ли, — размечтался Том, — тогда можно будет удрать обратно домой, никто и слова не скажет, карантин там или не карантин. Но он меня ни за что не ударит, я уж знаю, а тетя Гвен и того хуже — детей любит и вообще добрая. Целый месяц, а то и больше торчать взаперти в тесной квартирке вместе с дядей Аланом и тетей Гвен..." Он никогда у них раньше не был, но знал, что дядюшка с тетушкой снимают квартиру и сада там нет.

Поездка проходила в молчании. Дорога шла через Или, но они остановились там только на минутку, Алан Китсон купил открытку с видом знаменитого кафедрального собора — для Тома. Тому было до слез обидно, что ему не разрешили подняться на верхушку башни, но дядя весьма резонно заметил, что об этом даже речи быть не может — он на карантине. Дома оставаться нельзя, чтобы не подхватить корь, но и с другими людьми общаться не следует — вдруг он уже заразился. К счастью, дядюшка с тетушкой оба корью переболели в детстве.

После Или дорога до самого Каслфорда шла среди болот. Китсоны жили на окраине городка, в большом доме, разделенном на квартиры. Кругом теснились новые, совсем маленькие домики, окружавшие высокий дом волнами эркеров, фронтонов и башенок. Это был единственный большой дом в округе — прямоугольный, мрачный, безо всяких украшений.

Алан Китсон нажал на клаксон и свернул в подъездную аллею — впрочем, она была такая короткая, что и аллеей-то трудно назвать.

— Тут раньше было куда больше места, пока напротив дом не построили да дорогу не расширили, — объяснил дядя.

Он заглушил мотор у парадного входа с колоннами. В дверях появилась тетя Гвен, бросилась к Тому с поцелуями, втащила в дом. Дядя Алан шел позади и нес чемодан.

Под ногами — холодные плиты пола. Застарелый запах пыли — видимо, до уборки ни у кого не доходят руки. У Тома холодок пробежал по спине. Собственно, ничего страшного или безобразного, просто прихожая ужасно неуютная. Это же самое нутро дома — широкий коридор от парадной двери до черного хода, посередине поворот к лестнице, ведущей наверх, — пустое, холодное, мертвое. К высоким серым стенам приколоты кнопками яркие плакаты с видами городов, в углу забыта корзинка для грязного белья с квитанцией из прачечной, у

задней двери теснятся пустые молочные бутылки с запиской для молочника. Да только все эти предметы словно никакого отношения к дому не имеют. Прихожая остается пустой и безмолвной — несмотря на болтовню тети Гвен. Она без умолку тараторит о маме Тома, о Питере, о его кори.

Но стоило ей на минутку замолчать, как Том услышал — тишину нарушает один-единственный звук: тик, потом так и снова тик старинных напольных часов. Том остановился, чтобы получше разглядеть часы.

— Нет-нет, не трогай их, Том, — предупредила тетя Гвен и громким шепотом добавила: — Это часы принадлежат старой миссис Бартоломью, которая живет наверху. Она очень о них печется.

Том так и не увидел, что внутри часов, но успокоил себя — этим делом можно заняться попозже, когда кругом никого не будет, просто поглядеть, что там и как. Теперь, повернувшись к часам спиной и продолжая невинно беседовать с тетушкой, он ковырнул ногтем дверцу, за которой скрывался маятник. Надо все-таки попробовать…

— Если миссис Бартоломью так заботится о своих часах, почему они тут, а не наверху, в ее квартире? — Том тихонечко пошевелил ногтем, дверца не поддавалась…

— Потому что часы привинчены к стене, а винты заржавели, — объяснила тетя. — Хватит тут стоять. Пора пить чай.

— Конечно-конечно.

Сделав невинное лицо, как будто он случайно задержался у часов, Том пошел за тетей. Все равно дверца заперта.

Все трое поднялись по лестнице в квартиру Китсонов, а позади старинные часы пробили один раз — размеренный, полный собственного достоинства звук. Дядя Алан нахмурился и язвительно заметил, что часы идут точно, стрелки, как положено, стоят на пяти часах вечера — да вот только точное время они отбивают редко. На бой вообще внимания обращать не стоит, хотя бьют часы так громко, что и ночью в постели услышишь. Громко и всегда неверно.

Вот и второй этаж. Дальше шла лестница в мансарду, где обитала миссис Бартоломью, владелица старинных часов и, кстати говоря, всего огромного дома. Она была домовладелицей, а Китсоны и другие обитатели большого дома — квартиросъемщиками.

— Вот наша квартира, Том, милый, — объяснила тетя Гвен. — А вот гостевая комната, тут будет твоя спальня. Я вазу с цветами поставила, приготовила тебе разных книжек.

Она улыбнулась, глаза ее умоляли — пусть тебе здесь у нас понравится.

Комната маленькая, а потолок высокий. Вторая дверь, широкое, с большими стеклами окно — одно из тех, что он видел снаружи. Том уже приготовился изобразить из себя благодарного гостя, как…

— На окне решетки! — завопил мальчик. — Как в детской! Я вам не младенец!

— Нет, конечно. Конечно, нет, — тетя ужасно расстроилась. — Решетку не для тебя поставили, Том. Она тут уже была, когда мы только въехали. В ванной комнате на окне тоже решетка.

Однако подозрения Тома не вполне рассеялись.

Распаковывая чемодан перед чаем, Том успел повнимательнее осмотреть комнату. Вторая дверь вела в стенной шкаф для одежды, книги оказались девчачьими историями про школу, тетя Гвен их, наверно, хранила с детства, но хуже всего — что бы там тетушка ни говорила — решетки на окнах, как в детской.

Чаепитие отчасти вернуло Тому хорошее расположение духа. Тетя Гвен приготовила чай по-девонширски: к нему полагались крутые яйца, свежеиспеченные домашние булочки и домашнего же приготовления клубничное варенье со взбитыми сливками. Тетя объяснила, что любит готовить и получается у нее неплохо, так что, пока мальчик тут, она собирается побаловать его всякой вкуснятиной.

После чая Том написал матери письмо, сообщая о благополучном прибытии. В письмо он вложил открытку для Питера, где подробно описал свое новое положение. "Надеюсь, твоя корь полегче уже, — писал он. — На открытке башня собора в городе Или. (Он знал, что Питер заинтересуется — они оба обожали взбираться на башни всех церквей, не говоря уже о всевозможных деревьях.) Мы проехали через Или, но д. А. не позволил мне подняться на башню. Они тут живут в квартире, но сада нет и в помине. На окнах спальни решетки, как в детской, но т. Г. говорит, это не нарочно. Кормят вкусно".

Перечитав написанное, Том решил ради справедливости по отношению к тете подчеркнуть последнее предложение дважды. Вместо подписи он нарисовал вытянутого кота — он всегда так подписывался, потому что его имя, Том Лонг, и означало "длинный кот".

Он еще дорисовывал детали, когда снова услышал бой старинных часов. Да, звук доносился снизу громко и отчетливо, можно легко сосчитать удары. Том снисходительно улыбнулся, часы опять пробили совершенно неверное, просто невероятное время.

Глава 2

ЧАСЫ БЬЮТ ТРИНАДЦАТЬ

Том скоро привык к бою старинных часов, особенно в ночной тиши, когда все кругом давно спят. Только он никак не мог заснуть. Мальчик ложился в постель в положенное время и долгие часы лежал совсем без сна или в странной полудреме. Он никогда раньше не страдал бессонницей и никак не мог понять, что с ним происходит, тяжесть и не слишком приятные ощущения в желудке могли бы подсказать правильный ответ. Иногда он впадал в дремоту и тогда в полусне словно раздваивался — один Том никак не мог заснуть и ради собственного удовольствия держал без сна другого Тома. Этот первый Том непрестанно бормотал что-то о взбитых сливках, креветочном масле, ромовом соусе, домашнем майонезе и прочих жирных-прежирных составляющих его "диеты". Лучше уж совсем не спать.

Бессонница Тома объяснялась стряпней тети Гвен — вдобавок к отсутствию свежего воздуха и физических упражнений. Тому приходилось все время сидеть в квартире, разгадывая кроссворды и складывая головоломки. Ему не разрешалось даже открывать дверь молочнику — а то вдруг бедняга подхватит корь. Единственным упражнением стала помощь тете Гвен на кухне, где она готовила обильные жирные блюда — куда обильнее и жирнее, чем Том когда-либо раньше ел.

Том плохо разбирался в причинах бессонницы и способах борьбы с ней, так что ему и в голову не пришло пожаловаться. Сначала он пытался усыпить себя, читая припасенные тетей Гвен девчачьи книжки. Они были скучными, но не настолько, чтобы его усыпить, и он упорно продолжал их читать. Но тут дядя Алан обнаружил, что мальчик в половине двенадцатого ночи читает в постели. На голову Тома обрушился справедливый гнев тетушки, и чтение в постели было сокращено до десяти минут, он пообещал не зажигать свет после того, как тетушка его потушит и пожелает ему спокойной ночи. Том не слишком сожалел о книжках, но время в темноте тянулось еще медленнее.

Однажды ночью он, как обычно, лежал без сна, раздраженно уставившись в темноту — особенно обидно знать, что тетя и дядя сейчас сидят и читают, а может, разговаривают или чем еще приятным занимаются, и в гостиной горит яркий свет. А он тут, лежит с широко открытыми глазами, и заняться решительно нечем. Он уже столько ночей терпит, но сегодня, казалось, терпеть больше нет мочи. Том сел, откинул одеяло и вылез из кровати, еще сам не понимая зачем. Тихонько прокрался к двери спальни, без скрипа открыл и выбрался в крошечный коридорчик.

Из-за двери гостиной до Тома доносились дядины уверенные интонации, скорее всего, он читал вслух что-нибудь особенно умное из любимой вечерней газеты. Тетушка преданно слушала, если только не дремала.

После минутного раздумья Том проскользнул в кухню, а оттуда в кладовку. Дома они с Питером нередко баловались такими налетами. У тети Гвен в кладовой лежали две холодные свиные отбивные, половинка бисквита, пара бананов, булочка и три кекса. Том старался убедить самого себя, что медлит лишь от сложности выбора, но на самом деле он совсем не чувствовал голода. Просто для порядка мальчик взял простую черствую булку, но почувствовав, что страшно устал от еды, положил булочку обратно — пусть еще денек-другой поживет.

Все это время он двигался совершенно бесшумно — при его высоком мастерстве было бы позором попасться. Но ему не повезло: выйдя из кухни, он нос к носу столкнулся с дядюшкой, только что покинувшим гостиную. Дядя даже вскрикнул от неожиданности и недовольно позвал тетю Гвен.

Том знал, что провинился, но стоит ли поднимать такой немыслимый шум из-за пустяков? Тетя Гвен страшно расстроилась — мальчик залез в кладовку оттого, что проголодался. Она плохо его кормит, вот он и проснулся от голода.

Дядя Алан, между тем, не раз уже замечал поведение Тома за столом и знал, что дело тут не в голоде. Да и сам Том честно признался, что ничего не взял. Зачем же он туда полез? Просто так? Как это, просто так?

Тому так и не удалось их убедить, что все мальчишки залезают в кладовки, даже если им совершенно не хочется есть. Все равно, уже поздно, а он все еще не в постели, возмущались тетя с дядей. Его препроводили в спальню, и дядюшка начал было длинную речь:

— Том, чтобы ничего подобного больше никогда не повторялось. Не смей зажигать свет после того, как он потушен, и вставать с постели, конечно же, не смей. Ты должен признать справедливость…

— Даже утром с постели не вставать? — прервал речь Том.

— Утром другое дело. Не валяй дурака. Но ночью вставать нельзя. Видишь ли…

— Даже если мне очень-очень надо?

— Конечно, если тебе надо в уборную, можешь встать. А потом сразу же обратно в кровать. Будешь ложиться в девять и вставать в семь утра. Десять часов сна. Тебе положено спать не менее десяти часов, потому что…

— Но, дядя Алан, я не могу заснуть!

— Помолчишь ты хоть минутку! — закричал дядюшка, окончательно потеряв терпение. — Я пытаюсь говорить с тобой разумно! Ну, на чем я остановился?

— На десяти часах сна, — покорно напомнил Том.

— Ребенку твоего возраста полагается десять часов сна, ты должен это понять, Том. По этой причине тебе положено находиться в кровати десять часов в день, как я уже сказал. Я тебе пытаюсь объяснить, что мы с Гвен хотим, для твоего же блага, чтобы ты проводил в постели и по возможности спал десять часов, не меньше, начиная с девяти вечера. Ты понял, Том?

— Да.

— Пожалуйста, пообещай, что ты будешь поступать так, как тебе сказано. Обещаешь, Том?

Не может же маленький мальчик спорить с такими разумными доводами.

— Наверно. Ну, да.

— Отлично, — вставила свое слово тетя Гвен.

— Хорошо, я знал, что тебя можно убедить доводами разума, — кивнул дядя Алан.

— Но я все равно не могу заснуть!

— Все дети спят, — недовольно возразил дядя Алан.

— Это просто твое воображение, Том, — куда ласковей добавила тетя Гвен.

Том мог бы начать спорить, но неразумность такого поведения была очевидна.

Они вышли из комнаты.

Он лежал в темноте и сочинял письмо маме: "Забери меня отсюда. Немедленно".

Нет, на такое малодушие он не способен, мама будет страшно волноваться. Лучше обо всем написать Питеру, хотя Питер из-за кори ответить не сможет. Он напишет Питеру, как ужасно ему тут живется, скука смертная, даже по ночам: делать нечего, пойти некуда, поговорить не с кем, поиграть не с кем. "Хуже дыры не придумаешь, — продолжал он мысленно писать письмо. — Что угодно отдам, только бы убраться отсюда поскорее, куда угодно, лишь бы здесь не оставаться". Казалось, мечты о свободе уже заполнили все вокруг и сейчас выльются наружу, смоют стены и впрямь выпустят его на волю.

Они ушли и теперь, наверно, ложатся спать. Дядя Алан принимает ванну. Том лежит, прислушиваясь, и умирает от ненависти. Он всегда слышит, если кто-то идет в ванную комнату, отделенную от его спальни лишь тонкой перегородкой, но сегодня ему кажется, что он прямо там, принимает ванну вместе с дядюшкой. Ему слышно, как они ворочаются и разговаривают, но, наконец, полоска под дверью спальни исчезает, значит, во всей квартире потушили свет на ночь.

Полное молчание, только старинные часы бьют двенадцать раз. К полуночи дядя с тетей обычно в постели и спят. Только Том лежит с широко открытыми глазами, угрюмый, сдавленный тисками бессонницы.

Ну вот уже час ночи! Часы бьют один раз, а потом, словно в доказательство независимости своих взглядов, продолжают — Два! Тома неправильные удары часов совершенно не радуют — Три! Четыре! "Сейчас час ночи, — сердито шепчет мальчик, высунув нос из-под одеяла. — Отчего бы этим часам не пробить час ночи, как положено?" Нет же — Пять! Шесть! Даже в полном раздражении Том не перестает считать — это уже вошло в привычку. Семь! Восемь! Получается, что ночной порой с ним разговаривают только часы. Девять! Десять! "Ну и ну, все еще бьют", — Том невольно приходит в восторг и неожиданно зевает. Но на этом дело не кончается. Одиннадцать! Двенадцать. "Охота

была отбивать полночь два раза сряду", — сонно язвит Том. Тринадцать! Тут часы умолкают.

Тринадцать? Быть такого не может — часы и впрямь пробили тринадцать? Даже старые, выжившие из ума часы так себя не ведут. Наверно, почудилось. Вдруг он все-таки заснул, а может, и сейчас спит. Нет-нет, наяву или в полусне, он считал — тринадцать, без сомнения, тринадцать.

Тому становится весьма неуютно, это происшествие не проходит для него даром — аж до костей пробрало. Теперь тишина полна какого-то непонятного ожидания, да и дом, кажется, затаил дыхание. Темнота словно давит на мальчика, настойчиво задает вопрос: "Как это так, Том, часы вдруг пробили тринадцать раз? И что ты по этому поводу собираешься предпринять?"

— Ничего, — громко произнес Том и тут же сам себя одернул: "Глупости какие!"

Что он может предпринять? Ему велено оставаться в постели, спит он или не спит, десять часов сряду, не меньше, с девяти вечера до семи утра. Он сам пообещал дяде, когда тот убеждал его доводами разума.

Дядя Алан уверен, что у Тома с разумом все в порядке, но у самого Тома уже закрались кое-какие сомнения… Дяде Алану по этому вопросу не нужно особого обсуждения, он твердо знает — в сутках двадцать четыре часа, два раза по двенадцать. Но если предположить, например, что их два раза по тринадцать? Тогда с девяти вечера до семи утра — если считать тринадцать часов за полдня — пройдет не десять часов, а больше, одиннадцать. Он будет лежать в постели десять часов, и еще час останется — час свободы.

Стоп! Стоп! Глупость какая, в сутках не может быть дважды тринадцать часов, это каждому известно. Тогда почему напольные часы

пробили тринадцать, как будто так и надо? Этого так просто из головы не выкинешь. Конечно, все знают, что старинные часы отбивают время невпопад — бьют час, когда на самом деле пять, и всякое такое. "Общеизвестно, — вступил в спор второй Том — тот, что всегда мешал сонному Тому заснуть, — общеизвестно, что часы отбивают неверное время, но всегда обычное — настоящее, существующее на самом деле время. А теперь они пробили тринадцать, что убеждает нас в существовании — хотя бы разочек — тринадцатого часа".

— Быть такого не может, — возражает вслух мальчик. Дом, который, похоже, внимательно следит за дискуссией, нетерпеливо вздыхает. — По крайней мере, мне кажется, что такого быть не может, иначе будет полная неразбериха.

"Пока суд да дело, ты такую возможность упускаешь", — шепчет дом.

— Сказать по чести, не могу ею воспользоваться, потому что не верю, что напольные часы говорят правду, отбивая тринадцатый час.

"Понятно, понятно, — холодно бормочет дом, — полагаешь, они врут?"

Уже немного рассердившись, Том сел в постели:

— Придется разобраться, что тут правда, а что неправда. Надо на стрелки часов посмотреть. Я иду вниз.

Глава 3

В ЛУННОМ СВЕТЕ

Это была настоящая экспедиция. Том надел домашние тапочки, но халат решил не брать, лето все-таки. Он тщательно прикрыл за собой

дверь спальни, чтобы та невзначай не хлопнула в его отсутствие. Перед тем как покинуть квартиру, он снял одну тапочку и засунул под дверь, а то если дверь закроется, обратно не попасть.

Лампы на площадке второго этажа и в коридоре уже не горели, все жильцы мирно спали в своих постелях, спала и хозяйка, миссис Бартоломью. Сквозь узкое окно над лестницей проникало немного лунного света. Том ощупью спустился вниз и оказался на первом этаже.

Здесь он остановился. Напольные часы — высокий старинный черный силуэт — выступали из полумрака, но циферблата он разглядеть не мог. Если удастся открыть верхнюю дверцу и нащупать стрелки, можно понять, сколько времени они показывают. Том поковырял сначала с одной стороны дверцы, потом с другой — бесполезно, не откроешь. Он помнил, что та дверца, где маятник, тоже не поддалась в первый день. Похоже, обе заперты.

Быстрей! Быстрей! Казалось, сам дом шепчет эти слова. Время бежит, час проходит…

Том оставил часы в покое и попытался найти выключатель. Куда он запропастился? Пальцы шарили по стенке, ничего не находя.

Свет, свет, нужен свет. Единственный еле видимый лунный лучик пробивался сквозь лестничное окошко, безо всякого толка освещая кусочек стены под подоконником.

Том внимательно смотрел на лунный луч, и тут ему в голову пришла светлая мысль. Ясно, что луна взошла с той стороны дома, где черный ход. Отлично, тогда можно открыть заднюю дверь и впустить немного лунного света. Если повезет, света хватит, чтобы разглядеть циферблат.

Он добрался по коридору до черного хода — при нем эту дверь никогда не открывали, Китсоны пользовались парадной. Они объяснили,

что через нее неудобно выходить на улицу, там только узенький мощеный дворик с мусорными баками и навесом, под которым жильцы с первого этажа держат машину.

Том ни разу не пользовался этой дверью и понятия не имел, запирается ли она на ночь. Если она заперта, и ключа в замочной скважине нет… Нет, не заперта, просто закрыта на засов. Он отодвинул засов и медленно, бесшумно повернул ручку.

Быстрей, быстрей, шептал дом, а старинные часы позади тревожно тикали — тик-так, тик-так.

Том открыл дверь пошире и впустил лунный свет. Он хлынул внутрь, и сразу стало светло, словно наступил тот предрассветный час, когда солнце только-только показывается из-за горизонта. Теперь света будет предостаточно. Только Том не спешил обернуться и посмотреть на часы. Вместо этого он вышел через черный ход. Мальчик широко распахнул глаза. Сперва он просто удивился, потом возмутился. Они его обманули, солгали, так вот прямо взяли и солгали. Они сказали: "Там ничего интересного для тебя нет, Том". Пояснили, как бы между прочим: "Там только задний двор, маленький и грязный, со всяким мусором. Нечего и глядеть".

Нечего… Только огромная лужайка и клумбы со множеством цветов, высоченная ель и толстенные, раскидистые тисы вдоль двух сторон лужайки, а с третьей стороны, справа, огромная теплица, чуть ли не с дом величиной. От лужайки вглубь сада разбегаются дорожки, и там еще больше деревьев.

Том непроизвольно шагнул вперед, еле переводя дух от изумления. Наконец он сумел немного успокоиться. Он выберется в сад завтра же, когда рассветет. Они пытались его сюда не пустить, но это им больше не удастся — ни тетушке, ни дядюшке, ни жильцам с первого этажа, ни даже самой миссис Бартоломью. Он будет носиться по траве, прыгать

через клумбы, попробует разглядеть через блестящие стекла, что растет в теплице, а то и дверь в теплицу откроет и войдет внутрь. Он залезет в каждый уголок и под каждую низко нависающую тисовую ветку, будет карабкаться на деревья и перебираться с одного на другое по толстым переплетенным ветвям. А когда за ним придут, затаится, незаметный, как птичка, в мешанине густой листвы, узловатых сучьев и толстых стволов.

Как хотелось отправиться туда прямо сейчас! Сад призывно раскинулся перед ним в лунном свете — широкие хвоинки тисов, закрученные лепестки гиацинтов на угловых клумбах в форме полумесяцев. Но Том помнил о положенных десяти часах и о честном слове. Он печально повернулся к саду спиной и вошел в дом посмотреть наконец, который час на старинных часах.

Еще переполненный впечатлениями от увиденного в саду, он перешагнул порог и сразу даже не понял, что и в доме что-то переменилось — перед глазами совсем иные предметы, босая нога по-иному ощущает пол…

Старинные часы стояли все там же, пора уже посмотреть, который час. Наверно, двенадцать или час ночи, посерединке ничего нет и быть ре может. Тринадцатого часа не существует.

Но до часов Том так и не добрался, по понятной причине напрочь забыв об их существовании. Его отвлек звук открывшейся двери — двери квартиры на первом этаже, выходящей окнами на улицу. Оттуда появилась горничная.

Том никогда не видел горничных — только на картинках, но сразу же узнал белый передник, чепчик, манжеты и черные чулки. (Том не слишком разбирался в модах, но ему показалось, что платье чуток длинновато.) Она несла бумагу, щепки для растопки и коробок спичек.

Он мгновенно заметил все эти детали и тут же понял — пора прятаться. Только укрыться было совершенно негде. Сейчас его заметят, значит, лучше заговорить первому и сразу объяснить свое присутствие в неположенном месте.

Горничной он не боялся. Она подошла поближе, и стало ясно — перед ним еще совсем девочка. Чтобы не испугать ее звуком голоса, Том предупредительно кашлянул. Но она не обратила на кашель ни малейшего внимания. Том шагнул ей навстречу, она смотрела в его сторону, но сквозь него, словно мальчика тут нет. Сердце Тома беспокойно забилось. Горничная уже была совсем рядом.

— Эй, я к тебе обращаюсь, — громко окликнул Том, но она, не повернув головы, прошла мимо него к двери той квартиры, что выходила на задний двор. Взялась за дверную ручку и вошла внутрь. В дверь не звонила, ключа не доставала.

Том в себя не мог прийти от изумления, а тут еще и всякие другие совсем непонятные странности — он знал, что пол каменный и холодный, нет же, ноги утопают в чем-то мягком и теплом. Он опустил глаза и увидел коврик в форме тигровой шкуры. На полу лежали и другие ковры. Он оглядел прихожую — все было по-иному, ни корзинки для грязного белья, ни плакатов с видами городов. Стены изобильно украшены разнообразными предметами — высокий, в готическом стиле барометр, веер из павлиньих перьев, огромная гравюра, изображающая какую-то битву (гусары, кони, изрешеченные пулями знамена), и множество других картин. Там же висит обеденный гонг, а рядом с ним обтянутая замшей палочка. Из большой подставки для зонтов торчат зонты и трости, зонтик от солнца, духовое ружье и что-то вроде пары удочек. Вдоль стен на высоте обычного стола расположились подвесные полки, все кроме одной дубовые. Та, что рядом с часами, — белая, мраморная, на ней стоят стеклянные витрины с чучелами птиц и зверей. На холодном мраморе разыгрываются жестокие драмы — сова когтит мышь, хорек гордо смотрит на убитого кролика, в средней витрине рыжая лисица тащит в пасти какую-то птицу.

В заставленной разнообразными предметами прихожей Том узнавал только старинные часы. Он подошел поближе, не проверить время, а просто коснуться футляра — убедиться, что тут осталось что-то знакомое.

Он почти дотронулся до часов, когда услышал за спиной тихий вздох. Это горничная возвращалась обратно, только звук шагов теперь почему-то был гораздо тише, чем раньше. Послышался больше похожий на шепот голос: "Я разожгла камин в гостиной".

Она возвращалась к той двери, откуда сначала вышла. Том проводил горничную глазами. Что-то в ней было очень странное, вот она дошла до двери, взялась за ручку. И тут — да, именно так — исчезла из виду. Не в дверь вошла, а просто растаяла в воздухе, и нет ее.

Даже не сводя глаз с двери, Том почувствовал, что вокруг него что-то незаметно и тихо происходит. Он огляделся: прихожая менялась на глазах, исчезали картины, ковры и мебель. Они еще не совсем исчезли, но их словно почти уже не было. Барометр, например, еще висел на стене, когда он повернулся посмотреть на рыжую лисицу. Снова взглянул на барометр и заметил, что тот еще на месте, но очертания начинают расплываться, и сквозь него виднеется стена. Тут и лисица пропала в неведомые дали, а вслед за ней и другие создания. Резко повернув голову к барометру, Том и его уже не обнаружил.

За пару секунд прихожая вернулась к прежнему виду. Ошеломленный, мальчик замер на месте. Очнулся он от сквозняка, холодившего спину. Тут он вспомнил, что дверь в сад еще открыта. Что бы там ни происходило, дверь он открыл, и теперь ее надо запереть. А еще нужно попасть в спальню.

Последний разок бросив взгляд на сад, он закрыл дверь. "Я вернусь", — молчаливо пообещал он деревьям, лужайке и теплице.

Наверху, лежа в постели, он размышлял обо всем, что видел в прихожей. Может, это был сон? Еще одно возможное объяснение — привидения. Наверно, в этом-то и дело — привидения. В прихожей обитают призраки — горничной, барометра, набитого чучела лисы, совы и кучи других предметов. Если прихожая — прибежище призраков, там от них просто не протолкнуться.

Привидения… Том высунул руку из-под одеяла, проверить, стоят ли волоски дыбом. Нет, не стоят. И гробового холода он не почувствовал, когда заметил, как маленькая служанка глядит, не видя, сквозь него.

Собственные объяснения его не удовлетворили, и вообще, зачем понадобились какие-то объяснения? Да и прихожая его не так уж заинтересовала, есть там горничная и куча барахла или нет ничего. Дело было в саде. Сад был настоящим. Завтра он туда пойдет, он уже почти чувствует ладонями кору дерева, на которое заберется. Он уже почти ощущает запах гиацинтов на клумбах по углам лужайки. Он помнит их запах — дома мама к Рождеству и Новому году выращивала гиацинты в цветочных горшках, а в их маленьком садике на единственной клумбе они расцветали в конце весны. Мальчик заснул, мечтая о родном доме.

Глава 4

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Утром Том проснулся и, пока не вспомнил про сад, никак не мог сообразить, почему ему так весело. Теперь призраки в прихожей казались совершенно невероятными, но сад все еще стоял перед глазами. Он, однако, опасался, что пробраться в сад будет не так легко, как представлялось ночью. Дядя и тетя, безусловно, постараются помешать, они явно не хотят, чтобы он там гулял, иначе почему про сад и словом не обмолвились.

Тут Том пришел в совершенную ярость, уж он их пристыдит, это точно. Надо только хорошенько сыграть роль — якобы невинными замечаниями бить в одну точку, пусть поймут, что он все про сад знает и намерен немедленно туда отправиться.

Он начал наступление во время завтрака.

— Как вы считаете, врать всегда нехорошо?

— Конечно, Том, — ужаснулась тетушка. — Всегда!

— Я хочу сказать, в некоторых случаях ложь может оказаться правильным делом?

— Бывает ли ложь оправдана? — дядюшка обожал подобные дискуссии. Он сложил салфетку и прочистил горло. — Я полагаю, Том, ты спрашиваешь о явлении, повсеместно известном как ложь во спасение?

— Пожалуй, нет, — покачал головой Том. — Скорее, когда от кого-то скрывают что-нибудь особенно приятное, потому что не хотят ему об этом рассказать. Ну скажем, одни люди даже прямо заявляют, что ничего подобного не существует, лишь бы тот человек до этого не добрался.

Тетя Гвен явно не понимала, о чем он толкует:

— Не добрался? Одни люди не хотят, чтобы другие люди узнали и смогли до чего-то добраться? До чего?

— Один человек, а не другие люди, — поправил Том. — А эта штука… она…

— Грелка с горячей водой, например? — предположила тетушка.

— При чем тут грелка, скорее… — Том задумался, пытаясь вообразить что-нибудь посерединке между грелкой и огромным зеленым садом. — Скорее скамейка такая, большая, рядом с домом посидеть.

— Большая такая скамейка? — недоуменно протянула тетушка.

— Не важно, что это такое, Гвен, — нетерпеливо перебил ее дядюшка. — Если я правильно понял Тома, речь идет о ситуации, в которой какой-то человек или несколько людей лгут просто для собственного удовольствия, чтобы навредить другому человеку или нескольким людям сразу. Да, Том?

— Именно. Просто интересно, может ли такая ложь быть правильным делом? Просто интересно.

— Из всех возможных форм лжи, — важно произнес дядя Алан, — подобная ложь ни за что не может быть оправдана. Вот именно, ни за что и никогда не может быть оправдана.

Он строго посмотрел на Тома и добавил:

— Даже удивляюсь, почему ты об этом спрашиваешь.

Дядюшка собрал газеты и утреннюю почту и отправился на работу.

— Он не сердится, Том, — сказала тетя Гвен. — Просто у дяди Алана высоко развито чувство справедливости. Он сам так говорит. Когда вырастешь, у тебя тоже будет хорошо развито чувство справедливости.

— У меня оно уже развито, — возмутился Том. — А вот у кое-кого другого его явно не хватает.

Без дяди Алана Том не собирался заводиться с тетей Гвен — она казалась слишком легкой добычей. Это было проявлением благородства с его стороны, но даже благородству не всегда удается устоять под напором мелочной досады, не говоря уже об обуревавшей Тома ярости. Он во всем прав, а его выставляют виноватым. И кто? Те самые люди, которые сами кругом виноваты перед ним.

Том помог убрать со стола и устроился рядом с раковиной — вытирать посуду. Настроение у него было боевое.

— Тетя Гвен!

— Да, Том?

— Как мило с вашей стороны поставить мне в комнату цветы.

— Дорогой мой, я даже не надеялась, что ты заметишь.

— Вы их купили, да?

— Конечно, но тебе не надо беспокоиться по этому поводу.

— Наверно, проще было бы срезать цветы в саду.

— Это уж точно, только сада у нас нет.

— Нет?

— Что ты имеешь в виду, Том?

— Я хотел сказать, какая жалость. Вот бы рядом с домом оказался сад — с лужайкой, деревьями, цветами, даже с теплицей.

— Еще лучше, если б мы умели летать.

— Вот бы сейчас, в эту самую минуту, выйти через черный ход, оказаться на лужайке и нарезать живых гиацинтов с цветочных клумб, маленьких таких клумб, похожих на дольки апельсина. Как бы вам это пришлось по вкусу, тетя Гвен? Что скажете?

Он разве что ей прямо не сказал, что все знает про сад. Открыто бросил вызов.

Тетя Гвен даже не покраснела и ни капельки не смутилась, просто рассмеялась:

— Начать с того, что вряд ли бы удалось срезать гиацинты с клумбы прямо сейчас.

— Как так?

— В это время года гиацинты на клумбах не цветут, их пора — самое-самое начало лета. Смотри, куда тебя завело твое воображение!

— Но я в-в-видел гиацинты на клумбе как раз в это время года, — Том даже заикаться начал от испуга.

— Нет, милый, не мог ты их видеть. Они уже все отцвели.

Том положил на стол тарелку — еще не вполне вытертую — и кухонное полотенце:

— Я спущусь вниз, хорошо?

— Зачем, Том?

— Просто так. Я ничего дурного не замышляю.

— Только не сегодня. Сегодня миссис Бартоломью пойдет в прихожую заводить напольные часы.

Тетушкино предупреждение только сильнее разозлило Тома — он уже не сомневался, что она старается подольше удержать его в неведении и не пустить в сад. В душе у него шевельнулся страх, хотя боялся он вовсе не миссис Бартоломью.

Спускаясь вниз, он представил себе гиацинты — закрученные лиловые лепестки стояли у него перед глазами, он, казалось, ощущает их аромат. Ночью он точно гиацинты видел, самые настоящие гиацинты. Стоит только открыть дверь в сад, и они там снова окажутся. Гиацинты и все остальное.

Он добрался до задней двери, дернул за ручку. Заперто. Он, как прошлой ночью, нащупал засов, только теперь он не был задвинут. Металлический, шершавый на ощупь, весь покрыт какой-то коростой. Ржавчина — откуда за одну ночь взялось столько ржавчины? Том попытался сдвинуть засов, но тот застрял намертво. Сразу можно было догадаться, он тут много лет ржавеет.

Дверь, оказывается, заперта на самый обычный автоматический замок, Том отпер замок, но дверь не открыл. У него даже живот заболел, будто он что-то не то съел за завтраком — может, лучше вернуться наверх и лечь в постель? Голова немножко кружится и познабливает.

— Не будь дураком, — прикрикнул он на самого себя. — Он тут, говорю тебе. Сад тут!

Он рывком распахнул дверь и замигал от яркого солнца.

Перед ним узкая мощеная полоска дворика, деревянный заборчик с воротами, выходящими в переулок. Пять мусорных ящиков, рядом старый автомобиль, из-под которого виднеются ноги в брюках. По двору носится залетевший снаружи обрывок газеты, отсюда ему некуда деться. Маленький двор пропах раскаленным на солнце камнем, ржавчиной и креозотом, которым пропитаны доски забора.

На звук открывшейся двери человек, лежавший под машиной, выбрался наружу. Короткая рыжая бороденка, а так ничего особенного.

— Привет, — спросил рыжебородый. — Ты кто такой?

Том не ответил.

— Знаю, знаю, парнишка со второго этажа, у Китсонов живешь. Заскучал тут, небось?

— Да. А вы на первом этаже живете?

— Ага, — кивнул рыжебородый и внимательно взглянул на Тома — больно странный у мальчика был голос.

— И у вас служанка есть, камины вам разжигает?

— Что?

— И у вас… у вас тоже нет сада?

К полному изумлению рыжебородого, мальчишка, не дожидаясь ответа, громко заревел.

— Эй, парень, что с тобой такое?

— Отвяжитесь от меня! — Том взялся за ручку двери.

— Постой… А ну, постой. Слушай… — повелительным интонациям в голосе трудно было противостоять.

Том всхлипнул и затих.

— Так-то лучше, — мягко сказал рыжебородый.

В тишине слышно было тиканье старинных часов внутри дома. Кто-то шаркал ногами, спускаясь по лестнице.

— Это старая миссис Бартоломью, — шепнул рыжебородый. — Спешит завести свои драгоценные часы. Негоже тебе с ней сталкиваться. Тут никогда детишек не было, ей это может прийтись не по вкусу.

Том отодвинулся от двери, чтобы его из прихожей не заметили. Он все еще, стесняясь слез, закрывал щеки ладонями, но глаза уже широко раскрыл.

Шаркающие шаги приближались, показалась маленькая фигурка миссис Бартоломью, сгорбленной старушки, одетой во все черное.

Она подошла к часам, вынула из сумочки ключ и открыла ту дверцу, за которой находился маятник. Достала изнутри что-то маленькое и блестящее, похожее на рукоятку, которой заводят моторчик игрушечного автомобиля. Снова засунула руку внутрь и на этот раз нажала на рычажок, открывающий стеклянную дверцу отделения с часовым циферблатом. Та распахнулась настежь.

Старушка вложила часовой ключ в особую скважину в правой половинке циферблата и принялась ее поворачивать. Раздался тонкий

мелодичный звон. Слева была такая же скважина, и миссис Бартоломью повторила завод.

Потом она закрыла стеклянную дверцу, убрала заводной ключ-рукоятку в отделение с маятником, заперла большую дверцу и удалилась шаркающей походкой, унося ключ от часов. Слышно было, как она взбирается по лестнице на второй этаж. Наконец, и шаги затихли.

Следя за тем, как старушка заводит часы, Том успел прийти в себя. Теперь он мучительно пытался понять, что же случилось с садом. Выходит, утром никакого сада нет. Но ночью-то он был, с гиацинтами и всем прочим. Мальчик обернулся, еще раз оглядел дворик, стараясь найти хоть какую-нибудь связь между ночным садом и утренним двором. По другую сторону забора теснились малюсенькие садики, а за ними особнячки из розоватого кирпича на две семьи. В одном из садиков рос старый-престарый тис. Видно было, что когда-то, давным-давно, его стригли, чтобы придать нужную форму.

С надеждой в глазах Том уставился на дерево.

— Какая муха тебя укусила, парень?

— Никакая, — буркнул Том. — Спасибо, что предупредили насчет миссис Бартоломью. До свидания.

Он задумчиво вернулся в прихожую. А вдруг дерево — связующее звено? Только до него не добраться, там чужой сад. Конечно, сам дом тоже связующее звено, но толку от этого еще меньше. Он уже ступил на первую ступеньку лестницы, когда бой часов напомнил — часы, вот главная зацепка.

Он вернулся к старинным часам и принялся их внимательно изучать. Футляр совершенно обыкновенный, ничем не украшенный. На

циферблате двенадцать цифр, не меньше и не больше. Но сам циферблат поразил воображение Тома. Под полукруглой аркой стояло некое человекоподобное существо с огромными широко раскинувшимися крыльями. Тело укутано во что-то белое, лицо — золотой круг, а между золочеными ногами циферблат. Одна нога на зеленеющем лугу, другая уходит в море — Том заметил нарисованных рыбок, лебедя и водоросли. В руке существо держало открытую книгу.

Если бы он, Том, оказался за спиной у крылатого существа, смог бы он прочитать, что написано в книге?

Мальчик все еще не понимал, что ему говорят часы, и решил пока о них не думать — тис, растущий прямо за забором, был куда интереснее. "Совсем невысокий заборчик, легко перелезть", — пробормотал он себе под нос.

Весь день Том вынашивал будущий план. А еще он принялся сочинять письмо Питеру — первый отчет о важных событиях. Том со всеми возможными подробностями рассказал брату о ночных происшествиях, написал и о планах на следующую ночь. Он постарается залезть на дерево, потому что оно — без сомнения — одно из тех, что росли в саду. Залезет на него, все изучит, может, найдется какая подсказка.

Закончив письмо, Том написал сверху крупными буквами П. П. С. — "после прочтения сжечь". С этой минуты на всех письмах к Питеру будут стоять эти три буквы. Только открытка из Или осталась без такого указания, и только она не подвергнется уничтожению.

Вечером Том в положенное время отправился в постель, но теперь он и не пытался заснуть. Вечерние приготовления ко сну заняли у тети с дядей целую вечность! Том дважды впадал в дремоту, мгновенно просыпался, подкрадывался к двери и выглядывал в коридор — под дверью их спальни все еще виднелась полоска света. На третий раз свет,

наконец, погас. Том с трудом заставил себя для верности еще чуток подождать, а потом на цыпочках, как прошлой ночью, спустился на первый этаж. Когда он был еще на лестнице, начали бить часы — наверно, наступила полночь.

"Хорошо, если луна еще не зашла, — подумал Том. — В темноте по двору пробираться куда труднее — вдруг начну греметь всеми этими мусорными баками или на машину наткнусь".

Старинные часы ударили тринадцатый раз в тот самый момент, когда он потянулся к автоматическому замку. Но замка-то он никак не мог нащупать — не было его. Он шарил снова и снова — замок пропал.

В недоумении Том попробовал потянуть засов — тот оказался задвинут в паз, вот почему дверь не открывалась. Теперь все понятно! Дрожащими пальцами мальчик принялся отодвигать засов, свежесмазанный, безо всякой ржавчины.

Часы продолжали бить. Бой часов разбудил Алана Китсона, он сел в кровати и раздраженно пожал плечами:

— Полночь. Что они себе думают! Сколько раз можно бить?

Жена ничего не ответила.

— Отбивают какое-то несуществующее время. Одна надежда — миссис Бартоломью сейчас тоже мучается бессонницей.

Алан Китсон расстроился бы, узнай он, что миссис Бартоломью сладко-сладко спит. Вставные зубы в стакане с водой на прикроватной тумбочке злобно скалились в лунном свете, но беззубый рот счастливо улыбался приятному сну. Старушке снилось детство.

А напольные часы продолжали бить, словно потеряв счет времени. Прислушиваясь к их ударам, Том радостно отодвинул засов, повернул ручку и вышел в сад, уже ждущий за дверью.

Глава 5

ШАГИ ПО РОСЕ

Есть такое время, когда все кругом спит, — уже не ночь, но еще и не утро. Об этом знает только тот, кто ужасно рано встает, а еще тот, кто путешествует ночью. Поднимешь жалюзи на окне спального вагона и увидишь, как мчится назад замерший во сне пейзаж — деревья, кусты и трава неподвижны и бездыханны, объяты, укутаны сном, словно спящий путешественник, плотно укутанный в длинное пальто или дорожный плед.

Именно в этот час — серый и безмолвный — Том вышел в сад. Когда он спускался по ступеням и открывал дверь, была середина ночи, но стоило ему перешагнуть порог и очутиться в саду, время сменилось предутренней порой. Всю долгую ночь — залитый лунным светом или погруженный во тьму — сад стоял на страже, а под утро впал в дрему.

Зелень травы поседела от выпавшей росы, все остальные цвета тоже исчезли до восхода солнца. Воздух застыл неподвижно, ветви деревьев слегка провисли под собственной тяжестью. Чирикнула какая-то птица. Неуклюжий комок перьев спланировал вниз с вершины высокой ели, росшей у края лужайки, совсем было упал, нет, резко взлетел вверх, раскинул крылья, будто ветер его подхватил, сел на стоящее поодаль дерево, и оказалось, что это сова, сонная и недовольная после целой ночи бодрствования.

Том на цыпочках двинулся по дорожке, уходящей в дальнюю часть сада. Она была посыпана гравием, края обложены дерном. Мальчик хотел добраться до конца сада, но передумал и нетерпеливо свернул на

поперечную тропинку. С одной стороны темной массой нависали ветви тисов, с другой росли кусты орешника. Впереди виднелся светлый серо-зеленый треугольник — там дорожка снова выходила из-под навеса деревьев. По покрытой полусгнившими прошлогодними листьями земле было мягко и приятно ступать. Том бесшумно, словно привидение, скользил по тропинке. Сквозь поросль тисов справа мелькали светлые проблески — темное-светлое-темное-светлое-темное… Том догадался, что это просвечивает стена дома, он двигался позади ряда деревьев, обрамлявших лужайку.

Дорожка добралась до грядок со спаржей, тут, как он позднее обнаружил, начинался огород. За высокими, похожими на могилки, холмиками грядок темнел продолговатый контур пруда, восьмиугольная беседка на высоком арочном основании гляделась в пруд. К двери домика вели каменные ступени. Казалось, как и все остальное в саду, беседка спит стоя.

За прудиком и беседкой прихотливо извивалась другая дорожка, по одну сторону запущенные заросли, по другую живая изгородь.

Том заметил, что с трех остальных сторон сад тоже окружен — домом, высоченной стеной из камня и кирпича с юга, а с третьей стороны низенькой оградой, на которую, похоже, нетрудно будет забраться. Но сквозь живую изгородь пролезть, должно быть, легче легкого, а Том, только ступив в сад, уже умирал от любопытства узнать, что за его пределами. Он внимательно оглядел живую изгородь, надеясь найти просвет между кустами — ему совсем немного нужно, чтобы, извиваясь, протиснуться наружу. Вот и просвет, совсем узкий — фут шириной, три фута вышиной, да только не насквозь, а вглубь живой изгороди. Том пополз по-пластунски.

Узкий лаз привел его к куда более широкому просвету, на это раз в наружной стороне изгороди. Том выглянул, перед ним простирался большой луг. На лугу лежали и дремали коровы, одна только-только проснулась и собралась вставать, выпрямляя для начала задние ноги,

другая уже вовсю щипала траву. Эта корова внезапно перестала жевать и сонными недоуменными глазами уставилась прямо на Тома. С уголков рта свешивались пучки травы, длинная нитка слюны держалась на губе и легонько покачивалась на неожиданно задувшем утреннем ветерке.

Поодаль из травы показалась длинная серая гусиная шея, птица повернула голову боком, так, чтобы глаз видел просвет в изгороди и копошащегося там Тома. Мальчик не знал, что это сторожевой гусь, но через мгновение белые шеи гусынь тоже потянулись вверх, птицы старались разглядеть, что происходит. Тут гусак вытянул шею, выпятил грудь и, растопырив перья, взмахнул красиво очерченными крыльями. Одна гусыня, потом другая тоже замахали крыльями — птицы приветствовали наступающее утро.

Тома не обрадовало напоминание об утре — сколько же прошло времени? Он пробрался обратно тем же путем. Мальчик уже неплохо ориентировался в саду, узнавал тропинки и дорожки, аллеи, кусты и деревья. Некоторые приметы просто бросались в глаза. У края лужайки над всеми остальными деревьями возвышалась огромная ель, вокруг нее обвился плющ, и его побеги торчали во все стороны, как детские ручонки из-под материнской шали. На высокой южной стене, густо увитой диким виноградом, виднелись солнечные часы, их венчало вырезанное из камня солнце с каменными лучами. Солнечный круг зарылся подбородком в вырезанные в камне курчавые облака — словно папин подбородок в пене для бритья, подумалось Тому. Рядом с часами была калитка, обрамленная кустами жимолости, — надо бы попытаться ее открыть, но даже без солнца один вид солнечных часов напомнил мальчику, что пора торопиться.

Проходя мимо теплицы, он мельком глянул через стекло — интересно же, что там растет, а у пруда краем глаза приметил промелькнувшую в воде тень — золотые рыбки, наверно. За минуту или и того меньше обошел парник с поднятыми рамами, где росли огурцы, быстро проскочил мимо голубятни, там только начинали просыпаться голуби.

Он зигзагом обежал огородные грядки, те, что за грядкой со спаржей. Дальше росли яблони и груши, за ними виднелись клубничные кустики и шпалеры, увитые горохом, рядом с ними — защищенные от домашней птицы проволочной сеткой кусты малины, крыжовника и смородины. Подле крыжовника рос ревень. Каждый кустик ревеня был закрыт либо старым бочонком, либо отрезком глиняной дренажной трубы, а сверху прикрыт мешковиной. Между клепками одного из бочонков что-то белело — клочок бумаги. Листочек был сложен и надписан детской рукой — хотя вряд ли написанное могло считаться адресом — "Оберону, Владыке эльфов". Том совершенно не желал иметь ничего общего со всякими эльфами и феями. Он быстренько отскочил от грядки с ревенем и вернулся на лужайку.

Там были цветочные клумбы в форме полумесяца, на которых цвели гиацинты, между цветами уже вилась ранняя пчелка. Гиацинты напомнили Тому о тете Гвен, но теперь он на нее не сердился. Ничегошеньки она не знает, бедняжка, что с нее возьмешь.

У края лужайки Том резко остановился. На серо-зеленой, покрытой росой траве виднелись два ряда более темных пятен — следы. Кто-то прошел по лужайке, постоял, повернулся и пошел в другую сторону. Когда? Наверно, после того, как Том очутился в саду.

— Уверен, что их раньше не было, точно-точно, не было.

Сколько времени этот неизвестный тут простоял? Зачем он здесь оказался? Мальчику вдруг стало не по себе, он — а может, она? — стоял лицом к ряду тисов. Получается, что когда Том шел по дорожке и видел мелькание дома сквозь просветы между деревьями, кто-то стоял у дома и видел мелькающую за деревьями мальчишескую фигурку.

Том оглядел дом, окно за окном. Кто-то отпрянул от окна на верхнем этаже? Нет, просто почудилось.

Нервы Тома были на пределе, он чуть не упал, когда в саду послышался какой-то резкий звук. Это хлопнула калитка. Он присел за кустом, а потом пополз в направлении звука. Кто-то прошел через калитку у солнечных часов — мужчина с тачкой.

Через секунду Том сообразил, что это, должно быть, садовник, и он ничего ужасного не замышляет, просто начал дневную работу. Садовник насвистывал, и Том вдруг понял, что весь сад полон звуков — пения птиц, шелеста листьев в утреннем ветерке и всех этих непрестанных шорохов дышащих деревьев, кустарников, трав и насекомых. Солнечные лучи уже проникали повсюду, согревали землю, высушивали росу. Железная стрелка солнечных часов начала наконец отбрасывать тень. Наступил день, и Том испугался, что застрял в этом чужом времени. Он снова пересек лужайку, надеясь поскорее попасть в дом и вернуться на второй этаж в свою постель — если, конечно, его спальня, не говоря уже о кровати, все еще там, на своем месте. Через дверь виднелась прихожая со множеством предметов обстановки, замеченных прошлой ночью, — теперь света хватало с лихвой. Утром все выглядело до ужаса реально.

Его подгонял страх, но он все же помедлил на пороге дома, обернулся еще раз взглянуть на следы на траве. Они еще не совсем исчезли, хотя теплое солнце уже слегка подсушило росу. (Он даже не заметил, что — удивительное дело! — его собственных следов, которыми должна бы пестреть лужайка, совсем не видно.)

Том вошел в дом, закрыл дверь и заложил засов. Он очутился в абсолютной темноте, слышно было только тиканье старинных часов — единственный знакомый звук. Мальчик вытянул руку, чтобы нащупать полку, — никакой полки. Пошарил по стене, где висел барометр, — никакого барометра. Вокруг совершенно пусто, вся мебель исчезла. Остались только часы, но часы тут были всегда, какое бы ни было время. Только что прихожая была полна мебели, ковров и картин, а теперь ничего — пустые стены, как днем.

Если прихожая пришла в нормальный вид, тогда все в порядке, Том благополучно вернулся в свое время, и наверху его ждет собственная кровать. От этой мысли мальчика охватил другой, правда, куда меньший, страх, смешанный с уколами совести. Тиканье часов напомнило — на циферблате нет тринадцатого часа, а он, безо всяких на то оснований, не в постели. Как ему только в голову пришло, что его маленькая экспедиция займет всего пару минут? Страшно подумать, сколько времени он провел в саду — вышел из дома задолго до рассвета, а вернулся, когда солнце уже светит вовсю.

Том прокрался наверх и сразу же отправился на кухню — поглядеть на кухонные часы. Маленькие и безобразные, они показывали совершенно точное время.

Мальчик нащупал коробок у плиты, чиркнул спичкой, стараясь не производить особого шума, заслонил пламя. Зажигать верхний свет небезопасно, вдруг дядюшка с тетушкой проснутся. Поднес горящую спичку к циферблату часов — стрелки показывали начало первого.

С полуночи прошла всего пара минут!

Пока спичка догорала, Том не сводил взгляда с часов. Недоумение не проходило, но одно он знал наверняка — обещания, данного дяде, он не нарушил.

Мальчик на цыпочках прокрался в постель. Хорошо, что он двигался почти бесшумно, ведь дядя все еще не заснул. Алан Китсон только-только закончил начатый пару минут назад монолог. "Если проклятые часы и в час ночи будут бить без остановки, пойду наверх, разбужу миссис Бартоломью и буду жаловаться. Пусть не думает, что я ее боюсь".

Глава 6

ЧЕРЕЗ КАЛИТКУ

Каждую ночь Том прокрадывался в сад. Сперва он опасался, что сада не окажется на месте. Как-то раз, уже держа руку на засове, мальчик так и не открыл дверь — страх, что сада не будет, погнал его обратно в спальню. Позже, той же ночью, он снова спустился вниз и распахнул дверь — сад был тут как тут.

Он видел сад в разное время дня и в разное время года, но лучше всего была солнечная летняя погода. В начале лета на клумбах в виде полумесяцев все еще синели гиацинты, а на круглых клумбах буйно разрослась желтофиоль. Затем гиацинты завяли, желтофиоль выкопали, вместо них теперь пестрели левкои и астры. Бордюр из самшита рядом с теплицей был пострижен так, что с одной стороны получилась ниша, похожая на зеленый рот. Там стояли горшки с цветущей геранью. У стены с солнечными часами полно было роз и темно-красных маков, а в закатном полумраке у дорожки посверкивали как маленькие луны золотистые цветы примулы вечерней. На шпалерной груше возле стены поспевали плоды. В конце лета на каждую грушу надели мешочек из тонкой кисеи, чтобы они дозревали в целости и сохранности.

Но Том, конечно же, не был садоводом, его, как и Питера, больше всего привлекала возможность полазить по деревьям. Он навсегда запомнил свое первое дерево в этом саду — один из тисов на краю лужайки. Он никогда раньше на тисы не забирался, но с того самого раза почитал тисы наилучшими из деревьев.

Нижние ветки дерева росли сравнительно невысоко, а в стволе было множество выступов и трещин. Удерживаясь пальцами левой ноги за край одной из трещин, Том схватился за ветку над головой, оттолкнулся, подпрыгнул и подтянулся на руках, ноги болтаются в воздухе, сначала ветка упирается в грудь, потом в живот. Умело повернувшись, он подтянулся повыше, и вот уже уселся на сук на высоте человеческого роста.

Дальше было и легче, и интереснее. Том то карабкался по веткам, то прижимался к стволу. Мальчику нравилось прикосновение сухой коры,

местами кора отвалилась, там ствол был темно-розовым, словно под коричневой корой скрывалась живая кожа.

Вверх и вверх, и снова вверх, и наконец вместо полумрака кроны — ярко-голубое с золотом. Золотое солнце, голубое небо, и вокруг — целое море зелени. Кроны других тисов, растущих вокруг лужайки, оказались на одной с ним высоте — и почти вровень с южной стеной.

На той же высоте, совсем недалеко, по другую сторону лужайки были и окна верхнего этажа. В одном из окон мальчик заметил какую-то тень — похоже, давешняя горничная из прихожей вытирает пыль в спальне. Она подошла к окну вытряхнуть тряпку, бросила на деревья мимолетный взгляд. Том помахал ей рукой — бесполезно. Похоже на игру в жмурки — водящий тебя все равно не видит.

Служанка отошла от окна и снова принялась за уборку. Окно она не закрыла, и теперь Том мог заглянуть в комнату. Там был второй человек, кто-то стоял в глубине комнаты лицом к окну и разговаривал со служанкой, поскольку до Тома доносились приглушенные звуки голосов. Он ничего не мог разглядеть как следует, видел только неподвижную фигуру и белый овал лица, все время повернутого в его сторону. Такое пристальное внимание смутило Тома, он тихонько скользнул вниз, а потом совсем скрылся в листве.

Том и позже видел в саду разных людей. Он подглядывал за ними с осторожностью, но помня, что горничная его так и не заметила, в конце концов осмелел.

Мальчик не сомневался, что видит не всех, кто появляется в саду. Ему часто казалось — кто-то здесь только что был. А еще противнее — сколько он себя ни убеждал, что это ему только чудится, — было ощущение, будто этот кто-то вовсе не ушел, нет, он тут, невидимый, наблюдает за ним, Томом. Куда приятней самому следить за людьми, даже если они не обращают на тебя никакого внимания. Он видел

служанку, садовника, суровую на вид даму в длинном платье шуршащего лилового шелка — с ней Том, повернув за угол, как-то столкнулся лицом к лицу. Но она даже бровью не повела.

Видимый… невидимый… Даже если люди в саду его и не видят, о других обитателях сада этого не скажешь. Но и тут у него не было полной уверенности, хотя птицы поглядывали на него искоса и срывались с места, стоило подойти поближе.

А как насчет следов, оставляет ли он следы? Похоже, что нет. Карабкаясь на тисы, он замечал, что под его тяжестью ветки не качаются, сучки не ломаются. Потом мальчик, к страшному своему разочарованию, понял — нажиму руки не поддаются никакие двери в саду, сколько ни пытайся: ни дверь теплицы, ни дверь маленькой котельной, где топилась печь, обогревающая теплицу, ни калитка в южной стене у солнечных часов.

Эти закрытые двери разжигали любопытство. Мальчику пришло в голову, что можно попробовать проскочить в дверь следом за садовником. Тот часто заходил в теплицу и в котельную, еще чаще открывал калитку в южной стене.

Тому больше всего хотелось пробраться именно туда, это казалось совсем несложным — садовник то и дело уходил и возвращался с различным садовым инвентарем. Там, должно быть, стоял сарай с инструментами.

Садовник обычно сразу же захлопывал калитку за собой — никому вслед за ним не проскользнуть. Но с тачкой так быстро не пройдешь, решил Том, и принялся терпеливо поджидать, когда представится удобный случай. Но садовник и тут умудрился мгновенно вытянуть руку, открыть калитку, молниеносно вкатить тачку и пяткой захлопнуть дверь прямо перед носом у Тома.

Мальчик уставился на калитку, дальше которой ему ходу не было. Снова, безо всякой надежды, он взялся за щеколду. Как обычно, она не сдвинулась с места, словно в пальцах Тома совсем не осталось никакого веса. Разозлившись, он надавил что есть мочи — насупил брови, всем телом налег на щеколду — и тут вдруг она стала поддаваться. Да-да, его пальцы прошли сквозь железную щеколду, словно в ней, а не в пальцах, больше не было никакого веса. Насквозь туда и насквозь обратно, и рука снова вернулась на свое место.

Том уставился на правую руку, словно это не рука, а невесть какая невидаль. Он легонько тронул ее левой рукой, вдруг обнаружатся какие-нибудь синяки или ссадины. Нет, все в порядке — все как всегда. Он взглянул на щеколду, в ней тоже ничего необычного — щеколда как щеколда.

Тогда Том сообразил, что можно попробовать дверь, а не только щеколду.

Он со всей силой навалился на калитку, надавил плечом, бедром, пяткой. Поначалу ничего не произошло, ни он сам, ни калитка не сдвинулись с места. Он продолжал давить все сильнее, все решительнее, постепенно его охватило странное чувство, словно у него онемел бок.

Нет, дело совсем не в этом.

— Я прохожу насквозь, — с восторгом и ужасом выдохнул Том.

По другую сторону стены садовник только что вывалил на землю полную тачку сорняков и, решив пообедать, присел у стены сарайчика на перевернутую тачку. Заметь он Тома, престранное бы ему явилось зрелище — часть мальчишки, немножко плеча, чуть-чуть бедра, кусок колена и ноги — по одну сторону цельнодеревянной двери. Сначала плечи и ноги двигались синхронно, потом верхняя часть туловища

замедлилась, а ноги показались почти полностью. Затем появилась одна рука, вслед за ней другая, теперь по эту сторону калитки очутилось все тело, кроме головы.

На дальнейшее Тому просто-напросто не хватало смелости. Протолкнуть тело сквозь деревянную дверь дело не такое уж легкое, да и ощущения при этом возникают весьма странные и смутные. "Мне бы только передохнуть минутку", — звучало у Тома в голове, оставшейся по другую сторону калитки. Да только он сам прекрасно понимал, что не двигается дальше от страха. В животе ужасно неприятное чувство, а каково будет голове, глазам, ушам?

Следующая мысль показалась куда страшнее предыдущей — что, если от этого промедления он — словно паровоз, оставшийся без пара, — потерял и напор, и возможность продвигаться дальше? Что, если он не сможет двинуться ни взад, ни вперед? Вдруг он застрял навеки, завяз шеей в деревяшке? Вдруг прямо сейчас, по несчастному стечению обстоятельств заявится кто-нибудь, кто его заметит? А не то целая компания придет и увидит — совершенно беспомощная задняя часть торчит, прямо напрашивается на насмешки. Не захочешь, а стукнешь.

Собрав волю в кулак, закрыв глаза, сжав губы, Том протащил голову сквозь калитку и, ошеломленный, потрясенный, оказался весь с другой стороны.

Когда голова перестала кружиться, он понял, что стоит прямо перед сарайчиком, лицом к лицу с садовником. Том никогда раньше так близко не сталкивался с садовником, тот оказался молодым широкоплечим парнем с обветренным от работы на свежем воздухе лицом, с небесно-голубыми глазами. Глаза садовника смотрели прямо на Тома, да только мимо него. Парень засунул в рот последний кусок толстого бутерброда с ветчиной, дожевал, закрыл глаза и провозгласил: "За все благое благодарю Господа, Он хранит меня от дел диавольских, чтобы не было мне вреда".

Садовник говорил по-деревенски, протяжно, нараспев, Тому пришлось внимательно прислушиваться, чтобы разобрать слова молитвы.

Парень снова открыл глаза и потянулся за вторым бутербродом. Том удивился — неужели он читает благодарственную молитву после каждого куска хлеба? Может, просто не знает, сколько ему захочется съесть.

Садовник продолжал жевать, а Том огляделся вокруг. Плодовые деревья, дощатый курятник, веревки, на которых сушат белье, куча хвороста для костра. Дальше простирались поля, а за деревьями в стороне виднелись красные крыши — там, наверно, была деревня.

Осматриваясь, Том все же не спускал глаз с садовника. Как только тот покончил с последним бутербродом и взялся за ручки тачки, собираясь вернуться в сад, Том был уже тут как тут. Проходить через запертые двери — удовольствие сомнительное, и мальчику совершенно не хотелось заниматься этим во второй раз. Теперь Том попал обратно в сад без особого труда — проворно вскочил в пустую тачку и проехал через калитку с полным удобством.

Пройдет немало времени, прежде чем Том снова решится протащить себя — в прямом смысле этого слова — через запертую дверь. Плодовый сад он уже повидал, что там за ним — не так уж интересно, да и остальные двери могут подождать. Он вскарабкался на невысокую стену, за которой обнаружился небольшой лесок. С третьей стороны сад обрамляла Живая изгородь, и он снова ужом пролез между кустами. Там, на дальней границе луга, неожиданно оказалась река, чистая, неторопливая, мелкая, с зеленоватой от камыша и речных растений водой.

Ни сад, ни окрестности сами по себе не казались Тому странными, даже собственные, весьма необычные способности его не особенно

волновали. Но что-то все же не давало ему покоя, он то и дело принимался думать об этих загадках. Почему в саду всегда царит прекрасная погода, почему времена года и время суток сменяются здесь с такой необычайной быстротой? Еще его смущало постоянное ощущение присутствия чьих-то внимательных глаз.

Вдруг все загадки и опасения сошлись вместе. В ту ночь он, как обычно, вылез из кровати в квартире на втором этаже, спустился вниз около полуночи и открыл дверь в сад. В первый раз за все время в саду тоже была ночь. Луна уже взошла, но ее то и дело закрывали набегающие тучи. Облака неслись с ужасающей быстротой, но тут, у земли, воздух был совершенно неподвижен — царила невероятная духота, и было куда жарче, чем днем. Том расстегнул пижамную куртку, болтающиеся полы давали кое-какую прохладу.

В воздухе пахло приближающейся грозой. Не успел Том пройти и нескольких шагов, как луна окончательно исчезла в тучах. Вместо лунного света сад озарила молния, мгновенно расколовшая небо на две половины, через секунду послышался раскат грома.

Том поспешил обратно в дом. Когда он почти добрался до крыльца, поднялся сильный ветер, и на мальчика обрушился проливной дождь. Стало страшно холодно. В саду, казалось, бесновались все силы ада, молниям не было числа. Ветер свирепо срывал с деревьев листву, а у края лужайки угрожающе раскачивалась высокая ель. Еловые ветки, укутанные плющом, метались под натиском бури из стороны в сторону, как ручонки выбравшегося из пеленок младенца.

Тому показалось, что дерево качается все сильнее и сильнее. "Не унесет же его ветром, — убеждал себя мальчик. — Деревья ветром не уносит".

Словно в ответ на его мысли, завывания ветра перекрыл страшный треск — невероятно громкий раскат грома одновременно с ударом

молнии, и не где-то в стороне, не в вышине, а прямо тут, в саду, среди деревьев. Молния ослепила мальчика, он на мгновение закрыл глаза, а открыв, увидел, что дерево превратилось в горящий факел и вот-вот рухнет на землю. Пока оно — одну невыносимо долгую секунду — падало, ветер затих, и в саду воцарилось полнейшее безмолвие. В этой тишине до Тома неожиданно донесся крик. В нем звучал тот же ужас, что охватил и самого мальчика. Кричали откуда-то сверху, из окна над его головой.

Тут дерево рухнуло во всю свою длину — как позже узнал Том, на грядки со спаржей. Наступила полная тьма, ветер задул с удвоенной силой.

Тома трясло от страха. Он ворвался в дом и захлопнул за собой дверь. Старинные часы мирно тикали, в прихожей царило полнейшее спокойствие. Мальчик даже подумал, что ему все это привиделось. Он снова открыл дверь и выглянул в сад. Летняя гроза еще не утихла. Сполохи молний удалялись, в их свете он разглядел безобразную брешь у края лужайки, где раньше росла высокая ель.

Падающее дерево кого хочешь испугает, но больше всего Тома встревожил услышанный крик. Однако главная неожиданность подстерегала его на следующий день. Он, как обычно, открыл дверь и оглядел сад. Сначала мальчик не заметил ничего странного, потом сообразил, что страннее всего и есть привычный вид сада. Вокруг лужайки густо — безо всякого промежутка — росли деревья. Увитая плющом ель стояла как ни в чем не бывало.

Глава 7

ОТЧЕТ ПИТЕРУ

— Только если завести часы в обратную сторону, — небрежно ответил дядя Алан на заданный мальчиком вопрос.

В уголке письма, адресованного Питеру, Том сделал набросок — часовой циферблат, а вокруг высокий прямоугольный корпус — ни дать ни взять старинные часы. Он еще пару минут трудился над рисунком, а потом снова задал дядюшке вопрос:

— Какие часы?

— Что ты сказал, Том?

— Вы говорите, что дерево не может сначала упасть, а потом снова стоять, словно никогда и не падало, если только не завести часы в обратную сторону. Какие часы?

— Любые часы, Том.

Мальчик продолжал отделывать рисунок.

— Так просто говорится, "завести часы в обратную сторону", вроде как попасть обратно в Прошлое, а такого не бывает. Время так себя не ведет.

Дядюшка снова принялся за книгу, Том продолжал выводить каракули на листе бумаги. Скоро стало понятно, что получается похожее на ангела существо с крыльями за плечами и широко расставленными ногами. Он сам не знал, что рисует, и теперь с изумлением уставился на свое творение. Сначала Том даже не сообразил, откуда ему знакома эта фигура. Потом вспомнил про старинные часы — вот откуда она взялась. Прошла еще минута.

— А что такое Время, дядя Алан?

Дядюшка отложил книгу в сторону, тетя нервно бросила вязанье.

— Том, — начала она, — тебе не следует мучить дядю такими странными вопросами. Он устал после целого дня работы.

— Нет, нет, Гвен. На вопросы детей всегда надо отвечать. В вопросах Тома меня немного смущает только то, что в них порой недостает связности и, может быть, серьезности. Возьмем первый вопрос: можно ли пройти сквозь дверь, вернее, как можно пройти сквозь дверь?

Тетя вздохнула с облегчением, она явно не прислушивалась к беседе, имевшей место ранее.

— Ну, это понятно — тут большого ума не надо.

Дядюшка только поднял брови, и жена поспешила поправиться:

— Ну, ты понимаешь, что я имею в виду, — мы же каждый день проходим сквозь двери.

— Но не тогда, когда двери закрыты… Следующий вопрос был про невидимок — может ли кто-нибудь, например он сам, стать невидимым.

— Иногда, в сказках… — протянула тетя Гвен.

Том возмущенно замотал головой.

— И наконец, — продолжал дядюшка, — возник вопрос о дереве, которое в один прекрасный день падает, а потом, на следующий день, попирая все законы Природы…

— Это был сон, — прервала его тетя Гвен, — просто странный сон, правда, Том?

— Нет, не сон, — воскликнул мальчик, — все так и было!

— Именно, именно, — с видимым удовольствием согласился дядя Алан. — Значит, дерево существовало на самом деле — такое необычайное происшествие действительно имело место! Расскажи нам, Том, где и когда это случилось? Где и когда?

Том молчал. Он проковыривал пером в бумаге чернильные дырки.

— Ну, Том!

— Это просто сказка, — тетя Гвен отчаянно пыталась обратить разговор в шутку. — Гоблины-дровосеки свалили дерево, да?

Дядя Алан улыбнулся и снова взялся за книгу:

— Сдается мне, что ты все-таки кое-что понимаешь, Гвен.

— Оно упало в грозу, — придушенным голосом начал Том. — В него ударила молния.

Он взглянул на дядю, словно мечтая, чтобы и в того прямо сейчас ударила молния.

Тетя перехватила взгляд племянника, увидела, как муж открывает рот, чтобы начать следующую фразу, и снова вмешалась в разговор — на этот раз с большим успехом:

— А теперь Том помолчит, пока не закончит письмо Питеру, и пусть его никто не отвлекает.

Тому ничего не оставалось, как вернуться к письму, где строчки теснились между каракулями-рисунками и следами дырок.

"…Все, что я написал, — сущая правда. И про дверь, и про то, что меня никто не видит, и про упавшую ель. Тут все ужасно странно, но я не против, только жалко, что меня никто видеть не может. В сад иногда приходят три мальчика, их зовут Хьюберт, Джеймс и Эдгар. Эдгару лет столько, сколько мне, но мне больше нравится Джеймс. А еще вокруг все время вьется девчонка, она совсем маленькая, ее зовут Хетти или что-то вроде того…"

Не отрываясь от книги, дядя сказал:

— Твой брат только что оправился от кори, незачем писать ему такие длинные письма. После кори больной должен быть особенно осторожен, чтобы не перетрудить глаза.

— Если письмо окажется слишком длинным, мама прочтет его Питеру вслух, — успокоила мужа тетя Гвен.

Том в тревоге написал вверху страницы огромными печатными буквами — ЛИЧНОЕ. Потом сложил письмо несколько раз и с обеих сторон добавил — ПИТЕРУ ЛИЧНО В РУКИ. Ему пришлось снова развернуть письмо, чтобы поставить подпись, о которой он в панике позабыл. Потом он засунул письмо в конверт, написал адрес и в левом верхнем углу добавил: ЧАСТНОЕ.

Он заметил, что дядюшка насмешливо поглядывает на него поверх книги. Тома это страшно разозлило; Он лизнул конверт, крепко прижал и поперек заклеенного клапана нарисовал длинного кота. Кот, как печать, охранял закрытый конверт. Под рисунком Том вывел три буквы — П. П. С.

Дядя Алан вынул бумажник:

— Вот тебе марка для твоего драгоценного письма.

Том сухо поблагодарил.

Закончив письмо, мальчик оказался не у дел. Он приготовился терпеливо ждать вечера. Бесполезно ложиться в постель пораньше, все равно, пока тетя с дядей не заснут, в сад пробраться не удастся.

Снова и снова Том перебирал подробности своих приключений. Он был на волосок от того, чтобы выдать тайну. К счастью, дядя с тетей только посмеялись над ним. Слушай они внимательно и с сочувствием, он бы попал в ловушку и все им рассказал. Они бы выпытали его тайну. И захотели бы пойти с ним в сад…

От этой мысли Том прямо задрожал.

— Ты хорошо себя чувствуешь, дорогой? — забеспокоилась тетя Гвен.

— Да-да, спасибо, тетя.

Она все-таки засунула термометр ему в рот и заставила померить температуру.

— Ты дрожал, словно в лихорадке.

Том покачал головой.

— Надеюсь, это не корь, Том. Я за тебя беспокоюсь — заболеешь, придется остаться здесь еще на несколько недель, а не на десять дней, — и она вытащила термометр.

— Десять дней? — в ужасе повторил Том.

— Тебе, верно, страшно хочется вернуться домой. — Тетя Гвен была не против, чтобы племянник погостил подольше. Дядя Алан промолчал.

Только десять дней осталось! Только десять дней в саду!

— Мне кажется, у меня температура. Наверно, корь начинается. — Конечно, даже с корью он будет спускаться в сад каждую ночь. Сколько же недель можно будет здесь провести, если заболеть?

— Никогда не могу разглядеть ртуть, — пожаловалась тетя Гвен, снова и снова поворачивая термометр к свету. — Нет, Том, у тебя нет температуры, значит, нет и кори. Замечательно, скоро уже домой.

— Но…

— Что, Том?

Он не осмелился сказать — мне вдруг совсем расхотелось возвращаться домой. Больше всего на свете он мечтал остаться здесь навсегда и каждую ночь выходить в сад. Дом теперь казался таким далеким и туманным, даже Питер превратился в адресата писем, с которым никак не поиграешь. А тут, совсем рядом, три мальчика — Хьюберт, Джеймс и Эдгар, особенно Джеймс. И эта девчонка, хотя она просто девчонка. Как ее зовут? Хетти…

Глава 8

КУЗЕНЫ

Хьюбертом звали старшего из трех мальчишек, игравших в саду. По правде говоря, в письме к Питеру его стоило именовать скорее не мальчиком, а молодым человеком. На верхней губе Хьюберта уже виднелся пушок, и он то и дело с тревогой и надеждой пощупывал

пробивающиеся усики. Ростом Хьюберт уже сравнялся со взрослым мужчиной, только в плечах и груди был еще узковат.

Джеймс и даже Эдгар были старше Тома. Джеймс говорил тихим, неуверенным баском. К ужасу Джеймса, голос его нередко срывался, издавая тонкие, скрипучие звуки. Тогда он останавливался посреди фразы и густо краснел, даже если вокруг никого, кроме братьев, не было.

Третий брат, Эдгар, обладатель пегих волос и карих в крапинку глаз, двигался с необычайной быстротой и все вокруг примечал. Он и говорил так же быстро. Тому Эдгар нравился меньше всех, хотя они были почти ровесниками.

Когда все трое вышли из дома, Том уже был в саду. Следом за ними появилась маленькая девочка в голубом переднике с оборками и длинными, до плеч, волосами. Она то шла за мальчиками по пятам, то кружила вокруг, забегая вперед, надеясь подслушать, о чем они говорят, — и весьма их тем раздражала. Настоящий "хвостик" — вот подходящее для нее слово. Братья обсуждали, как вечером пойдут охотиться на крыс — мельник попросил. Когда солнце зайдет, конечно. Берти Кодлинг пойдет, а может, даже Барти-младший. Надо взять с собой переносной фонарь и духовое ружье, какая жалость, что у них всего одно ружье, лучше бы по ружью каждому.

Спрятавшись поблизости, Том жадно слушал эти разговоры, а девчушка описывала круг за кругом.

— Бежим от Хетти, — внезапно выкрикнул Хьюберт и тут же помчался прочь, длинные ноги быстро несли его вперед. Джеймс рассмеялся и тоже ловко увернулся от девочки. Эдгар бросился вслед за братьями. Хетти, похоже, привыкла к подобным выходкам и поспешила вдогонку, но тут Эдгар повернулся и, размахнувшись, швырнул ей под ноги свой ореховый прутик. Он не попал, да и не старался попасть, но от

неожиданности она споткнулась, упала лицом в траву и горько заплакала.

Джеймс услышал плач и вернулся, чтобы поднять девочку. Тряхнул ее разок, но довольно ласково, и сказал:

— Глупышка, просто глупышка, вот ты кто.

Том, по справедливости говоря, не видел тут ничего глупого, всякий споткнется, когда ему под ноги палку кинут.

— Что теперь тетя скажет? — рыдала Хетти, глядя на передничек, весь в зеленых пятнах от травы.

Джеймс попытался стряхнуть траву с передника, но это делу не помогло. Тут он вдруг потерял терпение.

— А чего ты свалилась? Под ноги надо глядеть! Некогда мне тут с тобой возиться, — и он в одно мгновение исчез за деревьями.

Хетти потащилась следом, все еще всхлипывая, но уже скорее по привычке. Она, что-то высматривая, тихонько кралась от дерева к дереву. Глаза девочки так и шныряли кругом, скоро она совсем перестала плакать, видно было — она прислушивается ко всем шорохам. Том понял, что Хетти большой мастер в этой игре, они не в первый раз от нее убегают, и она не в первый раз их отыскивает.

Том решил последовать за ней.

У пруда девочка наткнулась на садовника.

— Авель, а ты не видел кузена Джеймса и кузена Хьюберта? Эдгара я искать не собираюсь.

— Они здесь не пробегали, мисс Хетти. Опять затеяли играть с вами в прятки?

— Они со мной ни в какие другие игры не играют.

— Может, вам попроситься в следующий раз самой убежать и спрятаться, и пусть они вас ищут?

— От этого толку не будет, они быстрее меня бегают.

— Так пусть они вам фору дадут.

— Если бы мне только от них убежать, — хихикнула девочка, хвастливо вытягиваясь на носочках перед садовником. — Я бы уж спряталась, вовек не нашли. Я куда лучше них прячусь. Такие местечки знаю, кучу тайных местечек, и если затаюсь, меня не услышишь, не то что их. Если спрячусь, никто не догадается, что я в саду.

— Неужели? — восхитился садовник.

"Наверно, хочет ей приятное сделать", — подумал Том.

— Я всех вижу, а меня никто не видит, — совсем развеселилась девочка.

Тут сзади послышалось громкое "ку-ку". И Хетти, и Том обернулись. Из-за дерева выглянул Эдгар — приглашая продолжить игру.

Хотя она только что объявила, что не собирается искать Эдгара, Хетти тут же рванулась вслед за ним. Двое других тоже показались из укрытий. Все трое понеслись обратно к дому. Они бежали куда быстрее маленькой преследовательницы, да и Том остался далеко позади. Вскоре и Джеймс немного отстал от остальных. Джеймс ужасно

нравился Тому, вот бы с ним подружиться — можно вместе по деревьям полазить или еще чем заняться. А вечером Джеймс собирается охотиться на крыс…

— Эй, Джеймс! — Том выбежал на лужайку и что было силы рванулся за мальчиком. — Эй, эй!

Он никогда раньше не кричал в саду. Какие-то птички испуганно вспорхнули с веток, но тот, кого он окликал, даже не обернулся. Том обогнал Джеймса, пробежал прямо перед ним, снова его окликнул — бесполезно, Джеймс не видел и не слышал невидимку. Тут Джеймс добежал до крыльца и ворвался в дом вслед за двумя другими.

Том страшно расстроился. Приятно оставаться невидимкой, пусть все они — служанка, суровая дама, садовник, маленькая девочка, даже Хьюберт (на вид такой ужасно взрослый) или Эдгар (противный все-таки мальчишка) — тебя не видят. Но не Джеймс, он бы стал отличным товарищем.

Из чистого упрямства Том медленно двинулся к дому и, как обычно, вошел внутрь. Раньше он сразу же поднимался на второй этаж, прямо в квартиру Китсонов, и отправлялся спать. Но на этот раз он решил дверь в сад не закрывать, Том уже знал, стоит закрыть дверь, больше в эту ночь в сад не попадешь, а очутишься в пустой прихожей поделенного на квартиры дома. На этот раз он надеялся оказаться в другом доме — доме с садом.

Поэтому он сразу, не закрывая двери, прошел в прихожую — мимо деревянных полок и барометра прямо к мраморной полке и витринам с чучелами зверей и птиц. Мальчик затаил дыхание, вдруг на этот раз удастся попасть в комнаты и посмотреть, что там.

Как ни быстро он пробирался по прихожей, где ему послышались (а может быть, почудились) голоса и смех трех мальчишек, как ни быстро

он двигался, мебель еще быстрее растворялась в воздухе прямо перед глазами. Не успел он дойти до середины прихожей, как все исчезло, остались только высокие часы. Когда он добрался до подножия лестницы, вытертое ковровое покрытие было тем же самым, что каждый день видели дядя, тетя и все остальные обитатели дома. Эта лестница приведет его прямехонько в постель, и больше никуда.

— Проклятье! — воскликнул мальчик и обернулся к двери. Сад все еще был там. Стоило ему опять переступить порог и выйти из дома, как прихожая за спиной, ясное дело, снова стала наполняться мебелью и всем остальным. Полки, барометр, стеклянные витрины, подставка для зонтов, гонг и палочки для гонга были тут как тут. И, конечно же, старинные часы — они-то никогда не исчезали.

Тому стало ужасно досадно, но он решил не портить себе удовольствия и вернуться в сад. Пора забыть о Джеймсе и его братьях. О Хетти он и так уже давно позабыл. Девочка больше не вышла на лужайку, наверно, ей надоело догонять длинноногих кузенов. Тома совершенно не волновало, в саду она или нет, чем бы она там ни занималась, ему до нее и дела нет.

Глава 9

ХЕТТИ

Том видел мальчиков не слишком часто. Порой они выходили в сад с духовым ружьем, иногда рвали фрукты. Когда, пару дней спустя, Том увидел их во второй раз, они пришли в сад за яблоками.

Три мальчика и крутящийся под ногами песик выскочили из дома и, казалось, безо всякой цели понеслись по дорожке к теплице и огороду. Внезапно они свернули к молодой яблоньке, на которой только-только созревали плоды.

— Нам с веток яблоки рвать запрещено, вот и все. Давайте, ребята, тряханем дерево как следует, яблоки сами попадают, — скомандовал Хьюберт.

Хьюберт и Джеймс разок-другой хорошенько потрясли деревце. Свалилось одно яблоко, другое, третье… Эдгар, подбиравший яблоки с земли, вдруг остановился, зорко глянул по сторонам и заорал:

— Шпионка!

За кустом притаилась девочка, Хетти. Сообразив, что теперь прятаться без толку, она вышла на полянку.

— Дайте мне, пожалуйста, яблочко.

— А не то я на вас наябедничаю, да? — рассердился Эдгар. — Шпионка и доносчица!

— Дай ей яблоко, она не собирается жаловаться, — заступился за девочку Джеймс.

Эдгар нехотя швырнул Хетти яблоко, которое та поймала в подол передника.

— Только не бросай огрызок на лужайке, как в прошлый раз, а не то и сама в беду попадешь, и нас подведешь.

Она кивнула и принялась грызть яблоко, подвигаясь все ближе и ближе к мальчикам. Они жевали каждый свое яблоко и торопливо отступали, шаркая по земле ногами в надежде скрыть следы преступления.

Все четверо остановились совсем близко от Тома. Яблоки были съедены. Маленький терьер крутился под ногами, обнюхивая траву, пока не оказался прямо рядом с Томом — так близко пес к нему еще не подбирался. Теперь он словно почуял мальчика, поглядывал в его сторону и лаял не переставая. Шерсть на загривке у пса встала дыбом.

— Что с тобой, Пинчер? — удивился Хьюберт.

Пес неистово лаял в пустоту. Хьюберт уставился прямо на Тома, но ничего не увидел, Эдгар внимательно смотрел в ту же сторону, но мимо Тома. Наконец обернулся Джеймс, последней — Хетти. Все четверо глядели сквозь Тома, а собачонка продолжала облаивать его ноги.

Том ужасно рассердился, все-таки невежливо совсем его не замечать. Невежливо и глупо. Ему вдруг все страшно надоело, ну ладно, ответим грубостью на грубость, какая разница, никто же не увидит. И мальчик показал им язык.

В ответ Хетти показала язык Тому.

Сперва Том так изумился, что решил — ему просто почудилось. Нет, эта девчонка и впрямь высунула язык.

Она его видит!

— Кому это ты показываешь язык, Хетти? — подозрительно спросил Эдгар, который ничего не упускал из виду.

— Да никому, просто язык зажарился во рту, — находчивость Хетти немало удивила Тома. — Пусть чуток охладится, свежий воздух всегда полезен.

— Не ври и не дерзи!

— Оставь ее в покое, Эдгар, — как обычно вмешался Джеймс.

Они отправились обратно к дому, тут же позабыв и о странном поведении собачонки, и о Хетти. Все еще глухо рыча и стараясь держаться подальше от Тома, терьер потрусил вслед за мальчиками. Девочка шла самой первой.

Том, дрожа от волнения, шагал следом — теперь она от него никуда не денется.

Один за другим они ступили на дорожку между теплицей и зарослями самшита — сначала Хетти, за ней трое мальчиков, последним Том. Но добравшись до лужайки, он обнаружил впереди только троих.

— Куда Хетти подевалась? — спросил Джеймс шедшего впереди Эдгара.

— Убежала куда-то, — Эдгара девчонка не волновала.

Мальчики вошли в дом, а Том, сердито и упрямо озираясь по сторонам, остался на лужайке. Небось думает, ей ничего не стоит вот так запросто спрятаться, чтобы никто не нашел. Нет уж, он ее из-под земли достанет.

И Том отправился на поиски. Он искал везде и повсюду, заглянул под живую изгородь, глянул под деревьями, поискал за котельной, пошарил в орешнике, между грядками, у беседки, посмотрел под кустами крыжовника, у решеток с горохом…

Нет… нет… и нет… Где же она? Наконец за спиной послышалось "ку-ку".

Вот она, совсем близко. Оба нерешительно молчат. Прошла минута-другая, и Том, почти не надеясь, что его услышат, начал:

— Я догадался, что ты спряталась и за мной следишь.

Девочке ничего не стоило притвориться, что она не слышит ни слова, — притворялась же она, будто его не видит. Да только тщеславие не позволило.

— Догадался! — пренебрежительно бросила она. — Я уже сто раз пряталась и за тобой следила, и в кустах, и у живой изгороди, когда ты мой тайный лаз обнаружил. Я тебя даже из окна разок видела. Когда Сюзанна пыль вытирала, а ты на верхушке дерева торчал!

Она вдруг примолкла, словно расстроившись от этого воспоминания.

— Я тебя столько раз уже видела, много-много раз, а ты и не знал!

Так вот что означали следы на росистой лужайке в самый первый день. Так вот кто стоял в глубине комнаты. Теперь понятно, почему его так часто охватывало это странное чувство — будто за ним кто-то наблюдает. Теперь все ясно.

— Для девчонки ты совсем неплохо прячешься, — Том невольно испытывал к этой малявке что-то вроде уважения.

Он понял, что она рассердилась, и поспешил представиться:

— Меня зовут Том Лонг.

Она не ответила и всем видом показала, что такое простецкое имя не произвело на нее ни малейшего впечатления.

— Твое имя я знаю, — раздраженно, с нескрываемым пренебрежением в голосе бросил мальчик — придется отплатить ей той же монетой, — ты Хетти. Хетти Как-тебя-там.

Без малейшего промедления девочка чопорно поклонилась и представилась:

— Принцесса Хетти, к вашим услугам. Я — принцесса.

Глава 10

ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Сначала Том ей почти поверил.

Прямой взор ясных глаз, горящие румянцем щеки, рассыпавшиеся по плечам блестящие черные кудри — вся чопорная маленькая фигурка дышала торжественным достоинством. В ней и впрямь было что-то королевское — как у королевы на картинке в детской книжке. За спиной темнела зелень высоких тисов, а в руке девочка держала только что сломленную веточку — то ли от смущения отломила, то ли просто поиграть собиралась. С недоеденной половинкой яблока в другой руке получились королевские регалии — скипетр и держава.

— Можешь поцеловать мне руку.

— Что-то не хочется, — и просто на всякий случай — вдруг она все-таки окажется принцессой, Том добавил: — Спасибо.

Но ему все равно не верилось, и он спросил:

— Если ты принцесса, тогда твой папа — король, а мама королева. Где же их королевство и где они сами?

— Не могу тебе сказать — мне не позволяют об этом говорить.

— Почему?

Она помедлила с ответом, а потом сказала:

— Меня тут в плену держат. Я — переодетая принцесса. Тут есть одна такая. Называет себя тетушкой, только она мне вовсе не тетя, она злая и жестокая. И они мне не кузены, хотя мне их приходится так звать. Теперь ты все про меня знаешь, все мои тайны. Тебе я разрешаю звать меня принцессой.

Она снова протянула ему руку для поцелуя, но он сделал вид, что не заметил.

— А теперь, — продолжала она, — я, так и быть, с тобой поиграю.

— Я не против поиграть, — Том не собирался слишком легко сдавать позиции. — Только безо всяких дурацких девчачьих игр.

— Тогда пошли. — И она отправилась показывать ему сад.

Том считал, что знает сад как свои пять пальцев, но Хетти показала ему множество тайников, о которых он и не подозревал: увитую листвой узкую щель между стеной и стволом дерева, где можно прекрасно укрыться, если ты, конечно, не слишком толстый; полость внутри самшитовых кустов и ведущий туда узкий лаз, такой же, как в живой изгороди; остов вигвама, построенный из нескольких подпорок для гороха, забытых Авелем у стены котельной; тайное убежище в зарослях папоротника прямо под стеной теплицы; зеленый просвет между двумя грядками, укрытый перистыми листьями спаржи. Хетти научила Тома прятаться, просто-напросто затаившись за стволом огромной ели — надо только внимательно прислушиваться и быстро-быстро, а главное бесшумно, двигаться, и тогда ствол дерева всегда будет между тобой и преследователями.

Хетти показала Тому множество диковин, которых ему самому бы ни за что не найти. Когда она приподняла старый бочонок, чтобы мальчик мог полюбоваться ревенем, Том внезапно вспомнил о записке:

— Это ты тут оставила листочек бумаги?

— Ты его видел, да?

— Ага, письмо эльфам, — Том не мог скрыть своего презрения. — Эльфам!

— Кто же его тут положил? — удивилась Хетти. — Письмо эльфам? Что за чушь!

Она скорчила гримаску, но как-то неуверенно, и быстро сменила тему разговора:

— Пошли, Том, еще много всего интересного.

Она отпирала для него все запертые двери. Отодвинула щеколду в проволочной сетке, окружавшей кусты крыжовника, и они залезли внутрь. У смородинового куста сидел пробравшийся через какую-то дырку дрозд. Бедная птица решила полакомиться ягодами, но, заметив детей, беспомощно забила крыльями. Они ухитрились обойти ее сзади и выгнать из загородки через открытую дверцу — дрозд не заставил себя долго упрашивать и улетел.

— Хорошо, что это мы его нашли, — заметила Хетти и покачала головой. — Боюсь, что Авель… Мне кажется, он скорее заморит птичку голодом, чем позволит ей полакомиться ягодами.

Девочка открыла Тому калитку возле солнечных часов, а потом и дверь сарайчика с инструментами. Среди полок с садовыми инструментами, ящиков с семенами, цветочных горшков и рулонов

проволочной сетки они нашли мешок с перьями — куриными и гусиными. Хетти глубоко погрузила руки в мешок и принялась подбрасывать перья в воздух. Поднялась густая бело-коричневая метель. Даже у Тома защекотало в носу, и он чихнул. Потом Хетти пришлось ползать по полу и собирать перья, она не хотела сердить Авеля. Том сидел на перевернутой тачке, болтал ногами и указывал на далеко разлетевшиеся перья. Он не мог ей помочь, он уже знал, что даже двумя руками ему не поднять самого легкого перышка. Ползая на коленках, Хетти, похоже, совершенно позабыла, что она принцесса.

Они отправились в котельную — кирпичный домик, примыкающий к теплице, и Хетти попыталась открыть дверь. Девочка была слишком мала ростом и не могла дотянуться до плоской железной задвижки в верхней части двери, но, встав на цыпочки, сумела подцепить ее тисовой палочкой. Дверь открылась, и дети спустились по ступенькам в темноту, где пахло ржавчиной и остывшей золой — погода стояла такая теплая, что печь, обогревавшую теплицу, давно не топили. На маленькой полке лежало несколько книжек, Хетти сказала, что это книги Авеля. Добраться до полки они не могли, но углядели, что верхней в стопке была Библия.

— Авель верит, что Библия выше всех книг, как королева выше всех людей в Англии. Поэтому Библия должна лежать сверху.

Они зашли в теплицу. Там росли кактусы, а из горшков, подвешенных под крышей, спускались стебли вьющихся растений. Кроме того, в теплице оказалось великое множество странных цветов, которым ни за что не выжить снаружи, но дышать в спертом воздухе теплицы было трудно. Хетти показала мальчику листья клещевины — Тома даже слегка затошнило при упоминании, что из нее делают касторку. Рядом росла стыдливая мимоза, такая чувствительная, что при малейшем прикосновении пальцев поникала и складывала перистые листочки. Мимоза оказалась настолько чуткой, что ощущала даже прикосновение пальцев Тома. Он пришел в полный восторг и пытался

потрогать каждую веточку, которая покорно и безвольно поникала от его прикосновений.

Потом они пробрались к прудику, решив понаблюдать за золотыми рыбками — а еще лучше поймать парочку. Хетти закатала рукав, Том прижал ладонь к тыльной стороне ее руки, их пальцы соприкоснулись. Они опустили эту общую руку в воду и принялись охотиться за рыбками. Сам Том ничего сделать не мог, но когда рыбка почти заплыла в ладошку Хетти, Тому показалось, что это его собственная ладонь.

Хетти повела Тома обратно к теплице показать разноцветные стеклышки, окаймляющие простое стекло в верхней половине двери. Сквозь каждое стеклышко сад смотрелся совершенно по-новому. Сквозь зеленое стекло Том увидел зеленые цветы под зеленым небом. Даже красные герани казались темно-зелеными, почти черными. Красное стекло окрасило сад красноватым светом, словно они плотно зажмурили глаза. Фиолетовое стекло наделило сад опасными тенями наступающей ночи. Желтое стекло утопило весь сад в лимонаде. В каждом из четырех углов рамки был квадрат прозрачного стекла с выгравированной на нем звездой.

— А теперь вот через это… — скомандовала Хетти. Они прищурились и посмотрели сквозь стекло с гравировкой.

— Через звезду ничего не видно, — пожаловался Том.

— Иногда мне кажется, это мое самое любимое стекло. Смотришь сквозь него и ничего не видишь. Тогда легко представить, что сада вовсе нет, только он все равно есть и ждет тебя.

Они вышли обратно в сад, и Хетти принялась рассказывать Тому про тисы у лужайки. То дерево, на котором она заметила его из окна, называлось Маттерхорн, как вершина в Альпах. Соседнее дерево носило название Дозорной Башни. Третье высокое дерево прозвали Лестницей

Иакова. Еще одному дали прозвище Каверза, потому что на него было особенно трудно забраться — ствол совсем гладкий. И Хьюберт, и Джеймс, и Эдгар забирались на Каверзу, но у Хетти ни разу не получалось. ("Принцесса, не принцесса, это еще неизвестно, зато я на любое дерево залезу", — гордо подумал Том.)

Кое-каким рассказам Хетти Том поверил не вполне. Они остановились у большого куста, и Хетти заявила:

— Это Неопалимая Купина.

Девочка сорвала листок, растерла между пальцами и сунула Тому под нос. Том почти не почувствовал запаха.

— Она же должна пахнуть паленым, — недоверчиво покачал головой мальчик.

— Нет, Джеймс говорит, что она пахнет вербеной и лимоном.

— А почему ее тогда называют Неопалимой Купиной?

— Говорят, что если выйти в сад в Иванову ночь и поджечь одну ветку, весь куст вспыхнет.

— А откуда ты знаешь, кто-нибудь пытался поджечь?

— Нет, конечно. В саду только один такой куст, мы же не хотим, чтобы он сгорел дотла.

— А-а-а, — Тому очень хотелось верить.

Хетти шепнула ему на ухо:

— Рассказать тебе секрет — самую настоящую тайну?

— Если хочешь.

— Этот куст вырос из отростка самой настоящей Неопалимой Купины — той, что горела, когда Моисей на нее смотрел.

— Но это было ужасно давно, в Библии.

Хетти надулась:

— Больше тебе ни одного секрета не скажу!

Но она не в силах была устоять перед желанием все время рассказывать разные истории. Не только в первый день, но и потом секреты и тайны лились сплошным потоком, без остановки, словно Хетти боялась, что скоро лишится общества Тома. Когда они уставали играть в саду, Хетти отводила мальчика в беседку. Они поднимались по ступеням, девочка открывала дверь и вытаскивала два железных ажурных садовых стула, один себе, другой Тому. Они подолгу сидели на пороге, следя за золотыми рыбками в пруду, и Хетти говорила и говорила, ни на минуту не умолкая.

Однажды их заметил Эдгар. Они понятия не имели, что он стоит у беседки и слушает, пока внезапно не услышали его голос:

— Что ты там затеваешь, Хетти?

— Ничего не затеваю, кузен Эдгар.

— Ты битых пять минут разговариваешь сама с собой, произносишь речи, киваешь, слушаешь, а вокруг никого.

— Я не сама с собой разговариваю, я разговариваю с другом.

— И где же он?

— Вот тут, на стуле сидит.

Эдгар захохотал:

— Право же, кузина, люди могут подумать, что у тебя с головой не в порядке: сначала были эльфы — тоже полная глупость, а теперь ты принялась разговаривать с невидимками.

И он убежал, хохоча во все горло.

Хетти, дрожа всем телом, повернулась к Тому:

— Он точно пойдет и всем расскажет, надо мной будут смеяться, а тетя Грейс скажет, что это лишний раз доказывает — меня нельзя пускать в деревню к другим детям.

— Тогда зачем ты сказала Эдгару обо мне?

Она удивленно распахнула глаза:

— Говорить правду нужно всегда.

Часто, сидя в беседке, они наблюдали, как Авель работает в саду. Иногда он разгибал спину и поглядывал в сторону беседки. Тогда Хетти махала ему рукой с чисто королевской грацией.

— Такая печальная у Авеля история, — раз таинственно заметила девочка.

— Печальная?

— У него вся семья печальная. Только обещай никому никогда не рассказывать.

Том ничего не сказал, и Хетти продолжала:

— У него был единственный брат, и они вместе работали в поле, раньше, пока Авель не стал садовником. Брат ему страшно завидовал, и в один прекрасный день они — прямо в поле — подрались. Вернее, этот брат напал на Авеля, с оружием, ужасно опасным.

— И…?

— Он убил Авеля, понятно, почти убил. Столько кровищи было. Прямо все залило.

Долгое, ужасное молчание прервал вопрос Тома:

— А как звали брата Авеля?

— Не помню, совершенно не помню, — Хетти отвернулась и принялась разглядывать какую-то птичку.

— Его Каином звали, верно?

Хетти притворилась, что не слышит вопроса. Тома это ужасно разозлило, теперь она, как все остальные, опять его не замечает.

— Это история из Библии, про Каина и Авеля. Там Каин убил Авеля. Только вряд ли садовник Авель имеет какое-то отношение к Авелю из Библии — если не считать, что его в честь того Авеля назвали. В жизни не поверю, что у вашего Авеля есть брат, который пытался его убить.

— А если я тебе скажу, что мне об этом Сюзанна рассказала, а Сюзанна — его подружка? Или сам Авель рассказал — по секрету?

— Что-то мне кажется, ты байки сочиняешь, — Том постарался выбрать не слишком обидное слово. — Вот пойди прямо сейчас к Авелю и спроси его еще разок, есть у него брат, который пытался его убить.

— Никогда… ни за что… никогда больше ни одного секрета тебе не расскажу, — Хетти горько разрыдалась, но Том, наученный опытом, не слишком испугался. Она же не пошла к Авелю спрашивать про брата, значит, и ему не обязательно верить в эту кровавую историю. Теперь Том серьезно сомневался — может, и сама Хетти вовсе не принцесса.

Одно правда — этот сад что-то вроде ее королевства.

Глава 11

РЕКА, ТЕКУЩАЯ К МОРЮ

"Я кучу всего хотел спросить у Хетти про сад, но как-то позабыл", — писал Том Питеру.

Он все время забывал спросить. Днем, в квартире Китсонов, он думал только про сад и сам себя изумленно спрашивал: откуда он взялся, что все это означает? Ему ужасно хотелось задать Хетти парочку коварных вопросов, пусть ответит прямо, без увиливания. Но каждую ночь он забывал про долг сыщика и снова становился мальчиком в чудесном саду, где ждала его Хетти, девочка, с которой так хорошо играть.

Столько там было разных занятий! Они собирались построить дом на дереве — на одном из тисов — как только Хетти найдет несколько подходящих досок. А пока оставалась стрельба из лука.

Хетти всегда мечтала поиграть с Хьюбертом, Джеймсом и Эдгаром в лесных стрелков и научиться стрелять из лука.

— Ну и что тебе мешает? — спросил Том.

— Они говорят, я слишком мала, а когда буду постарше, они уже вырастут из таких игр.

— Ну так играй сама, возьми и сделай себе лук. И стрелы.

— Ничего не получится. Нет, как сделать стрелы, я знаю, мне Джеймс показал, проще простого, но лук я не сумею.

Том велел Хетти найти острый ножик. Она пробралась в дом и вынесла кухонный нож, спрятав его под передник. Под руководством мальчика она отрезала подходящую тисовую ветку. Конечно, неплохо бы дать ей полежать и подсохнуть, но что поделаешь. Хетти немного подровняла ветку и вырезала с обоих концов круглые ложбинки для тетивы. Сначала она ужасно неуклюже орудовала ножом, и Тому даже пришлось ей объяснять, что режут всегда от себя, а не на себя, чтобы не порезаться.

Наконец палка была готова, но оказалось, что у Хетти не хватает сил ее согнуть. Том ничем помочь не мог, и девочке в конце концов пришлось просить помощи у Авеля.

Прежде чем согнуть палку, Авель внимательно ее осмотрел:

— Вы сами ее вырезали, мисс Хетти?

— Да, сама, Авель.

— А кто вас научил орудовать ножом?

— Так, один человек.

— Ну и ну, как бы он вас чему дурному не научил. Смотрите, не попадите в беду.

— В беду?

— Вот именно, мисс Хетти, — Авель пристально поглядел на девочку, а Том, стоявший поодаль, не мог понять, чего они копаются. Потом Авель все же натянул тетиву.

Стрелы пошли легче, Хетти и вправду знала, как их мастерить. На старых кустах орешника она выискивала прямые, без сучков веточки. Один конец ореховой палочки надо было ровно обрезать и прорезать в нем щелку — для тетивы. Другой конец заострить и нацепить на него короткий кусочек бузинной ветки. Кузены всегда делали наконечники из обрубков веток бузины — нужно просто протолкнуть кончик стрелы в рыхлую сердцевину, и он там застрянет.

Том настаивал на оперении для стрел, но Хетти не терпелось попробовать их в деле, и мальчик сдался. Ему ужасно хотелось пострелять самому, одно утешение было — учить Хетти.

Сначала он предложил стрелять по птицам, но Хетти категорически отказалась, сколько он ни доказывал — с полной очевидностью — что ей ни в какую птицу не попасть. Вместо этого Хетти стреляла в воздух, ей нравилось выпускать стрелу, прищуриваться и следить за ее полетом на фоне сияющей голубизны вечно летнего неба.

Четыре стрелы пропали в верхушках деревьев — Хетти стреляла вверх без цели и без разбору, пятая пробила насквозь крышу теплицы.

К счастью, единственным свидетелем происшествия оказался Авель, а он, похоже, был на их стороне. Садовник молча взял метлу, смел

осколки, достал лестницу, запасное стекло и замазку. Когда он все починил и спустился с лестницы, испуганное личико девочки просияло — будто тучка ушла.

— Спасибо, — поблагодарила она садовника. — Только тете не говори.

— Не буду, — пообещал Авель и добавил раздумчиво: — А вы помните, что я вам сказал.

Это был не вопрос и не приказ, скорее предостережение, грозное пророчество.

— Про то, чтобы мне в беду не попасть? — сообразила Хетти.

Авель только кивнул и сразу ушел.

Скоро они — вернее, Хетти — попали-таки в беду, и по своей собственной вине. Теперь уже и Авель не в силах был ничего исправить. Они попали в беду как раз оттого, что боялись еще что-нибудь разбить или сломать в саду. Поэтому Хетти стала стрелять поверх живой изгороди в сторону луга, а потом они с Томом ужом проползали по узкому лазу и забирали стрелы.

Ничего плохого с лугом сделаться не могло, его и без них уже почти вытоптали коровы. Поиски стрел прерывали стрельбу из лука, но Тому нравились их маленькие вылазки. Хетти тоже нравилось подбирать стрелы, ее так и тянуло к реке, омывавшей дальний конец луга. Девочке ужасно хотелось попасть на берег реки, она даже гусей перестала страшиться.

Гусята только недавно вылупились, и гуси бодро отступали, прикрывая собой потомство. Том и Хетти не хотели их пугать, они просто пытались добраться до реки. Дети медленно продвигались вперед,

Хетти держалась чуть позади, две гусыни отгоняли попискивающих гусят подальше к реке, а гусак прикрывал отступление. Он недовольно гоготал, сердито топорщил перья на длинной шее, крутил головой то в одну сторону, то в другую, стараясь не упустить врагов из виду. Гусак то и дело оборачивался, поднимал голову как можно выше, потом вдруг низко-низко, почти вровень с землей ее опускал. По-змеиному вытянув шею и громко шипя, гусь несся на Тома — всегда на Тома, потому что Хетти пряталась у мальчика за спиной, предпочитая держаться как можно дальше от разъяренной птицы.

Каждый раз гусь останавливался и сворачивал вбок, чуть-чуть не добежав до мальчика, потом, переваливаясь с боку на бок, возвращался обратно к гусыням с гусятами и по-прежнему настороженно прикрывал отступление.

Таким манером все стадо добралось до реки и зашло в воду. Птицы плавали туда и сюда — родители, возмущенно гогоча, гусята, уже позабыв о страшной опасности, которой только что избежали. Том и Хетти побродили вдоль воды и уселись на бережку.

Хетти страшно нравилась река, но Тома она не слишком интересовала — он, в отличие от девочки, видел реки и пошире.

— Совсем маленькая речушка, мелкая, и вся в тине.

Но Хетти, глядя вниз по течению, задумчиво сказала:

— Тебе бы посмотреть, какая она там.

— А ты там была?

— Нет, но мне рассказывали. Мальчики ходят купаться вниз по течению. Там есть глубокие затоны. Они там и рыбу удят. Чем дальше,

тем шире она становится. Течет мимо Каслфорда, а потом в Или, и все дальше и дальше. Говорят, прямо в море.

— Все реки текут в море, — объяснил Том, но Хетти интересовала именно эта река. Других она не знала. Девочка с восторгом глядела на текущую воду, словно завидовала длинной дороге, предстоящей маленькой речушке.

— Она и здесь бывает гораздо шире, Том. Иногда, зимой или весной, выходит из берегов и разливается широко-широко, на весь луг.

— Хетти, — с любопытством спросил мальчик, — если ты так любишь речку, отчего ты не ходишь купаться вместе с другими? Можно даже поплескаться и побродить по воде прямо тут. Или добыть лодку и поплыть вниз по течению, посмотреть, куда течет река.

Хетти удивленно взглянула на Тома и объяснила, что ей и на луг выходить не разрешается именно потому, что тут речка. Тетя говорит, что она может измарать одежду в грязи или промокнуть, а не то еще ухитрится утонуть — возись с ней потом.

Вспомнив про тетушку, Хетти в испуге вскочила и заспешила обратно в сад. Том не смог ее убедить остаться на берегу подольше. Она быстро пробежала через луг к лазу в живой изгороди. Том последовал за ней. Стоило детям отойти от берега, как гусиное семейство, взрослые и гусята, снова вышло из воды. Гусыни, а особенно гусак, зорко следили за Томом и Хетти и сразу же заметили тайный лаз, ведущий в сад.

Разумеется, то, что случилось потом — не вина гусей. Скорее уж, во всем виновата стрельба из лука. Зоркие глаза-бусинки заприметили, где дети вылезают на луг, чтобы забрать стрелы. Вот гуси и решили сами пройти тем же путем. Вовсе не со зла, гусиным семейством двигало просто-напросто любопытство, а может, еще и жадность — огород сулил немалую поживу.

Глава 12

ГУСИ

Вскоре после рассвета, когда роса на лужайке еще не просохла, гуси один за другим пробрались в сад через лаз в живой изгороди. Том, как обычно, спустился вниз около полуночи и открыл дверь в сад — в саду было раннее утро, к этому он уже привык, а вот стада гусей на лужайке не ожидал.

Две гусыни и гусак, как всегда, вытянули шеи и уставились на мальчика, но гусята не обратили на него ни малейшего внимания и, пощипывая траву, разбрелись кто куда. Один гусенок нагнул голову, пытаясь выпить капельку росы. Двое других, словно маленькие лодочки, разлеглись на травке белыми пушистыми грудками вверх. И самое ужасное, кое-где на лужайке уже виднелись оставленные гусями темно-зеленые кучки.

"Что теперь будет?" — Том с ужасом подумал об Авеле, о Хьюберте, Джеймсе, об Эдгаре, о служанке Сюзанне и о суровой даме — никого другого он не знал. Похоже, именно суровая дама и была тетушкой Хетти. Сама Хетти не считается, потому что именно она, понятно, невольная виновница происшествия — Хетти и ее лаз в живой изгороди. Конечно, Тому пришлось признаться, что он тоже виноват — нетрудно признаваться, когда твоего голоса никто не слышит.

Скоро и другие заметили гусиное семейство. Первым их обнаружил Авель — он резко остановился, широко распахнул голубые глаза и рот тоже открыл, но ни слова не произнес.

Потом поднялась оконная рама, и до Тома донесся повелительный голос. Тетушка звала Авеля, громко вопрошая, что эти гуси делают на лужайке — хотя всем было ясно, чем именно гуси занимаются. Она продолжала взывать к Авелю, требуя объяснить, что он собирается

делать, откуда эти гуси взялись и — тут сердце Тома сжалось от страха — кто в этом безобразии виноват.

Авель пустился в пространные объяснения, отвечая на два первых вопроса, но окошко захлопнулось, прервав его монолог на середине фразы. Послышался шум шагов и сердитые голоса, сначала на втором этаже, потом на лестнице. Похоже, все обитатели дома сейчас окажутся в саду. Мальчик поспешил укрыться за деревом, в такой ситуации прячешься инстинктивно, даже если ты — невидимка. Ему было немного не по себе — по дороге к дереву пришлось пройти прямо рядом с Авелем.

Скоро уже все обитатели дома высыпали на крыльцо, среди них и Хетти. Девочке хотелось быть в центре событий, а что они ее касаются весьма непосредственно, ей и в голову не пришло. Хьюберт, Джеймс и Эдгар — впереди всех, готовые к самым решительным действиям.

— Не слишком на них наступайте, — кричал с другой стороны лужайки Авель. — Нам бы их в сад плодовый выгнать — там от них урону никакого. А потом я их прямехонько на луг выпущу.

Тут на месте происшествия появилась и собачонка. Пинчер слегка припозднился и теперь, перебирая коротенькими лапками, пробирался между ног тех, кто столпился на крыльце, и скоро оказался впереди всех.

— Придержите собаку, — заорал Авель. Он медленно подкрадывался к гусям, трое мальчиков заходили с другой стороны, пытаясь отогнать гусиное семейство в сторону плодового сада. Никто не обратил внимания на предупреждение Авеля, да и пес пока мирно сидел на крыльце. Только Том заметил, что Пинчер весь дрожит — похоже, он недолго намерен оставаться не у дел.

Гуси, высоко подняв головы на гибких шеях, тихонько продвигались в нужную сторону, гусята вышагивали впереди. Гусак и гусыни волновались, подозрительно оглядывались. Внезапный бросок и заливистый лай собаки привел их в полное гусиное неистовство. Все пошло кувырком, казалось, на лужайке не три гуся, а по меньшей мере десяток, а шум стоял такой, будто их целая сотня. Белые и серые крылья, неистово молотя по воздуху, заполонили лужайку. В ужасе, смятении и ярости гусыни, гусак и гусята метались во все стороны, топча цветочные клумбы, оставляя повсюду следы и помет, пихая и толкая друг друга. Том заметил, как гусак, в попытке защитить свое потомство, наступил широкой плоской лапой на маленького гусенка. К счастью, огромная перепончатая лапа совсем не то, что сапог, и гусенок легко из-под нее выбрался — не раздавленный, а просто взлохмаченный.

Опасность — хотя и немалая — грозила только цветочным клумбам и лужайке. У пса хватило ума держаться подальше от урагана щелкающих клювов. Пинчер отбежал к краю лужайки, а оттуда, трусливо поджав хвост, пробрался обратно к дому. Даже Авель и мальчики немного отступили — взбешенный отец гусиного семейства с двумя женами по бокам и сбившимися в кучу детишками являл собой устрашающее зрелище.

Они выждали, пока стадо немного успокоится, а затем — теперь куда осторожнее — снова принялись теснить их в сторону плодового сада. Хетти забежала вперед — открыть садовую калитку.

Том не выходил из укрытия. Перед ним оставалась только покинутая всеми разгромленная лужайка. На пороге застыла одинокая фигура — тетушка Грейс. Он уже раньше заметил ее суровый вид, а сейчас выражение лица и вовсе не сулило ничего хорошего.

И Том, и тетушка прислушивались к отголоскам происходящей битвы. Вот открылась калитка, ведущая в сад с плодовыми деревьями, вот гуси, похоже, прошли через калитку, вот мальчики восторженно завопили, и калитка с громким стуком захлопнулась.

Том ожидал, что все вернутся к дому, но никто не появился. Он тут же сообразил — они идут вдоль ограды с другой стороны сада, выясняя, где и как гуси пробрались в сад. Из-за изгороди то и дело раздавались жалобные стенания Авеля, потом голоса послышались у живой изгороди, и наконец вся компания появилась на лужайке.

Хетти с ними не было. Понятно — девочка догадалась, кто во всем виноват, и поспешила спрятаться.

Выйдя на лужайку, Авель снова принялся причитать — салат пропал, начисто съеден гусями, огород страшно разорен, саженцы вытоптаны и сломаны, гусиный помет везде и повсюду. Потом, на прямой и недвусмысленный вопрос хозяйки доложил ей о лазе в живой изгороди, через который гуси наверняка пробрались в сад.

— Как гуси умудрились такую дырку проделать, а никто не заметил, мне неведомо, может, им сам Дьявол помогал, — расстроенно бормотал Авель.

— Это не гуси, — неожиданно воскликнул Эдгар, — это Хетти.

Том не сомневался, что Эдгар говорит наугад и ничего наверняка не знает, но всем остальным такая догадка сразу же пришлась по вкусу.

Авель мгновенно замолчал, словно пытаясь сообразить, как бы поменять тему разговора. Мальчики тоже молчали, стало так тихо, что даже издалека, из-за своего дерева, Том слышал тяжелое, свистящее дыхание тетушки.

— Харриет! — громкий, грубый оклик звучал совсем не по-женски.

Прятаться было бесполезно. Не слишком быстро, но и не медленно Хетти пересекла лужайку и приблизилась к тетке. Лицо девочки так побледнело, что глаза и волосы казались еще чернее. Право же, лицо

Хетти стало белее мела, Том только потом сообразил — у нее даже губы совершенно побелели.

Она стояла перед тетушкой, а та даже не спросила, правда ли, что она проделала лаз, и зачем ей это понадобилось. Не задав ни одного из ожидаемых Томом вопросов, тетка закричала:

— Это ты во всем виновата!

Хетти ничего не ответила, Тому показалось, что она потеряла дар речи. Все существа, которыми ее фантазия населила сад, — библейские герои, эльфы, персонажи старинных сказаний и досужих баек, плоды ее собственного воображения — все ее воображаемые друзья теперь ничем не могли помочь. Даже Том не мог за нее заступиться, не мог даже пальцем пошевелить в ее защиту.

Он отвернулся, боясь, что тетка сейчас ударит Хетти. Но нет, вместо этого тетушка принялась выговаривать девочке. Она и приживалка, взятая в дом из милости, и неблагодарная побирушка, которую приютили из чувства долга перед покойным мужем — оказалось, что Хетти была его племянницей. Только родственные обязательства опрометчиво заставили тетушку сжалиться над Хетти, и Хетти полагается по гроб жизни благодарить тетушку, быть покорной и послушной, а не вводить тетушку и кузенов в непомерные расходы. Нет же, она сплошной позор и бесчестье — лгунья, преступница, чудовище.

— Почему, — беспомощно шептал взбешенный Том, — почему ее родители отсюда не заберут? Почему?

Он давным-давно разуверился — да и раньше сомневался — в королевском происхождении Хетти, но ясно же, любые, самые бедные, самые разнесчастные родители постараются избавить ребенка от такого ужасного обращения. Мама Тома его бы спасла, папа Тома его бы

спас — возмущенные родители тотчас бросились бы на помощь любимому сыночку.

— Может, мама Хетти ничего не знает? А где ее отец? — Том скорчился за деревом, закрыл лицо руками и от полного своего бессилия разрыдался.

А ужасный голос продолжал метать громы и молнии, а потом, наконец, настала полная тишина. Нехотя, словно против своей воли, Том поднялся и взглянул на дом — никого. То ли все, включая Хетти, ушли, то ли просто исчезли с лица земли.

Ему хотелось очутиться как можно дальше от этого места. Он перелез через низенькую ограду в дальней части сада и принялся бродить между деревьями. Потом уселся под деревом и в полном изнеможении задремал.

Проснувшись, он сразу понял — что-то изменилось. Время казалось другим. Но солнечные лучи пробивались сквозь листву с востока — значит, все еще утро.

Он перелез через ограду обратно в сад и отправился на поиски Авеля или Хетти — хоть кого-нибудь встретить, только не эту ужасную женщину. Свернув на дорожку, идущую к солнечным часам, он заметил крохотную фигурку, одетую в черное, — маленькая девочка, гораздо моложе Хетти, в черном платье, черных чулках и черных ботинках. И волосы черные, и лента в волосах черная. Теперь лента развязалась, и непокорные прядки рассыпались по лицу, и без того спрятанному в ладошках. Слышны были только тихие рыдания.

Такого горя Том в жизни не видел. Он было собрался тихонько отойти, но взглянув еще раз на одинокую, маленькую фигурку, решил остаться. В это утро он почему-то не мог отмахнуться от чужого

несчастья. Том подошел поближе к малышке и, несмотря на то что никто в саду, кроме Хетти, его голоса не слышал, пробормотал:

— Не плачь, пожалуйста.

Удивительно, но она услышала его голос, обернулась, словно ища утешения, но плакать не перестала и рук от лица не отвела.

— Ты чего плачешь? — спросил мальчик.

— По дому скучаю. По маме… и по папе!

Тут Том понял, почему она одета во все черное и почему так горько, безнадежно рыдает. Какая-то странная мысль крутилась у него в голове, вот сейчас, еще минутку, и он поймет — совершенно невероятно, но голос и манера говорить такие знакомые, и весь облик девочки…

— Не плачь, пожалуйста, — снова беспомощно повторил он.

— Но, кузен… — послышалось сквозь рыдания.

Тогда он внезапно все понял. Она принимает его за кузена, Хьюберта, Джеймса или Эдгара. Это Хетти, та самая Хетти, которую он так хорошо знает, но в то же время совсем другая Хетти, потому что — ага, все понятно — она гораздо младше. Несчастная малышка Хетти, у нее только что папа с мамой умерли. Теперь у бедной одинокой сиротки нет дома — ее из милости, нехотя, взяли сюда, к тетке, у которой любви и заботы хватает только на трех родных сыновей, к тетке, чье сердце холоднее льда.

Не стоит пугать Хетти и объяснять ей, что он вовсе не кузен. И утешить ее ему не удастся. Том ничего не сказал и тихонько отошел.

Он больше ни разу не сталкивался с маленькой Хетти. Попав в сад в следующий раз, он снова увидел знакомую Хетти, ту, что постарше. И вопросов про родителей он больше никогда не задавал. А если она вдруг вспоминала свою игру в королевское происхождение, плен и тюремщиков, никогда не возражал.

Глава 13

ПОКОЙНЫЙ МИСТЕР БАРТОЛОМЬЮ

В квартире Китсонов Время вело себя как полагается, ему не позволялись всякие сбивающие с толку выходки, не то что в саду — там дерево то повалит ураганом, то оно снова стоит, то девочка уже подросла, то она снова малышка. Нет, в квартире Время выступало размеренным шагом и только в положенном направлении — минута за минутой, час за часом, день за днем.

День, когда Тома собирались отправить домой, наступил, но он ухитрился остаться с тетей и дядей. Он сам этого добился — накануне отъезда собрал все свое мужество, откашлялся и заявил:

— Я завтра домой не поеду.

Дядя Алан читал газету, и газетные листы выскользнули у него из рук, словно он не в силах был их удержать. Дядюшка внимательно взглянул на Тома:

— В чем дело?

— Мне бы не хотелось завтра возвращаться домой, — повторил Том, не осмеливаясь продолжать, но голоса не понижая.

Тетя Гвен от удовольствия захлопала в ладоши и радостно спросила:

— Погостишь еще у нас?

— Да.

— Еще пару деньков? Неделю?

— Или даже подольше.

— Сейчас же пойду дам телеграмму. — Тетя Гвен выбежала из комнаты.

Дядя Алан и Том остались вдвоем. Алан Китсон не сводил с мальчика изумленного взора:

— Зачем тебе здесь оставаться?

— Если вы не хотите, я уеду, — гордо ответил мальчик, но сердце его сжалось от страха.

— Нет… нет… — дядя Алан все еще пристально смотрел на Тома. — Я просто пытаюсь понять… Какой интерес мальчишке тут оставаться?

— Мне тут нравится, — пробормотал Том.

Отправив телеграмму родителям Тома, тетя Гвен вернулась. Она сияла, не умолкала ни на минуту, слова из нее так и сыпались:

— Теперь можно будет гулять, достопримечательности осматривать и на экскурсии ездить — теперь все можно, ты ведь уже не на карантине. Больше не придется скучать взаперти, Том.

— Спасибо, — без особого восторга отозвался Том. Он бы предпочел скучать взаперти, как раньше. Настоящая, интересная жизнь

начиналась ночью, когда он отправлялся в сад, днем ему хотелось только одного — покоя. Ему нравилось вспоминать часы, проведенные в саду, мечтать о следующей ночи. Он думал только о саде, писал Питеру только о саде. Ему не хотелось спать, но день дома отчасти заменял сон, а он нуждался в отдыхе.

Тетя Гвен устроила несколько вылазок в магазины и музей в Каслфорде. Один раз они сходили в кино. Том терпеливо следовал за тетушкой. Больше всего ему понравилось в кино, там темно, можно закрыть глаза и помечать о саде.

К концу лишней недели, полученной Томом, погода заметно ухудшилась. Но тетя Гвен, запасшись плащами и зонтиками, настаивала на развлечениях и прогулках. После похода в кино им с Томом пришлось долго ждать автобуса, и Том все это время, сам того не замечая, простоял в луже. Только когда автобус подошел к остановке, тетушка наконец обратила внимание на лужу:

— Том, ты же битый час стоишь по щиколотку в воде — до чего глубокая лужа.

Мальчик и сам удивился, голова у него витала в облаках — белых, легких облачках голубого неба в саду с вечным летом, как тут заметить, что под ногами. Теперь, после тетиной подсказки, он вдруг почувствовал, насколько промокли и замерзли ноги.

— Надеюсь, ты не простудишься, — тревожно добавила тетушка.

В ответ Том громко чихнул.

Дома тетя поспешила напоить его горячим чаем, заставила принять горячую ванну и отправила в постель пораньше. Но простуда, раз вцепившись в жертву, редко отпускает ее раньше положенного срока. У Тома поднялась температура. Ему пришлось несколько дней лежать в

постели, а потом еще долго сидеть дома. Выздоравливать он не торопился. Гвен Китсон с удовольствием сообщила сестре, что Тому придется у них задержаться, а Том написал Питеру: "Вот удача так удача — почище кори".

Каждую ночь он ухитрялся прокрадываться в сад. Там его никогда не знобило, лихорадка сразу же отпускала, словно пронзительная зелень деревьев, кустов и травы холодила кровь и снимала жар. И в саду его ждала Хетти.

Днем он лежал, откинувшись на подушки, всем своим видом изображая невероятную слабость. Дядя Алан, тронутый страданиями больного ребенка, предложил научить его играть в шахматы. Том отказался, объяснив, что ему трудно сосредоточиться на игре. Ему не хотелось ни с кем разговаривать, тетушке он сразу дал понять, что слишком плохо себя чувствует и не вынесет чтения вслух стародавних девчачьих книжек.

В начале болезни у Тома и вправду немного кружилась голова, а глаза будто сами собой закрывались. Но это ему не мешало, так даже легче было мечтать о саде и в свое удовольствие представлять себе, чем сейчас занимается Хетти.

Тетушка входила в комнату на цыпочках, вопросительно поглядывала на мальчика и, чтобы понять, спит он или нет, тихонько окликала по имени. Голос добирался до Тома как бы издалека, он не мог сразу понять откуда. Он открывал глаза, узнавал свою спальню, но на фоне оконных решеток и шкафа ему все равно виделась Хетти — сидит себе между ним и тетушкой в изножье кровати.

Хетти была повсюду, все время, и оттого он, сперва лениво, а потом все более и более серьезно, стал подумывать — а не привидение ли она какого-то особого рода. Никто в доме не упоминал ни о каких призраках, никто ничего такого Тому не рассказывал. Тогда он сам стал

придумывать — Хетти тут жила давным-давно, много-много лет назад, в этом самом доме, с так хорошо знакомым ему садом, здесь она жила, здесь и умерла…

Снизу донесся бой старинных принадлежавших миссис Бартоломью часов. Они-то знали все секреты, только делиться тайной не собирались. Прислушиваясь к бою часов, Том внезапно вздрогнул — конечно же, миссис Бартоломью! Она, только она может знать историю этого дома. Наверно, тут когда-то жил и мистер Бартоломью, вдруг его семья много лет владела домом? Поколение за поколением, и он-то все знал. Наверняка он рассказывал жене историю дома, наверняка она все помнит.

Том решил, что рано или поздно ему придется познакомиться с миссис Бартоломью, Известно, что старушка ни с кем не разговаривает, многие ее побаиваются, но Тома такими пустяками не смутишь. Он смело позвонит в звонок, она приоткроет дверь и сердито посмотрит в щелочку. Увидит его, и один взгляд на честное лицо мальчика растопит сердце старушки. (Том читал про что-то подобное в старых детских книжках, раньше ему как-то не верилось, что такое бывает в жизни, но теперь ужасно хотелось, чтобы все именно так и случилось.) Пусть миссис Бартоломью ненавидит детей, Тома она полюбит, как только увидит. Сразу же пригласит его войти, а потом, за чашкой чая, у стола, уставленного припасенными для него яствами, примется рассказывать одну историю за другой. Том будет иногда задавать вопросы. "Маленькая девочка по имени Хетти, — задумчиво повторит старушка. — Да-да, мой покойный муж рассказывал. Она жила тут когда-то — давным-давно, ужасно давно. Единственный ребенок, сиротка. Родители умерли, а тетушка взяла ее к себе, в этот самый дом. Эта тетушка была такая неприятная особа…"

И история катилась дальше — в воображении Тома. Том совершенно запутался, сам уже не разбирал, где правда, а где вымысел. Увы, придется немножко подождать, пока удастся навестить миссис Бартоломью и услышать всю историю из ее уст. Ему представлялось, как

она в конце концов скажет: "И с тех пор, Том, говорят, что она и ее сад являются тем, кто живет в этом доме. Говорят, особым счастливчикам удается спуститься вниз как раз тогда, когда часы бьют полночь, открыть заднюю дверь и увидеть призрачный сад и маленькую девочку".

Все эти фантазии постоянно крутились у Тома в голове. Простуда почти совсем прошла, и дядюшка с тетушкой решили, что пора посидеть с Томом, составить ему компанию. Погруженный в свои мысли, Том тихонько пробормотал:

— Когда мистер Бартоломью тут жил…

— Мне кажется, мистер Бартоломью никогда не жил в этом доме, — прервала его тетя Гвен. — Как ты считаешь, Алан?

Дядя Алан не сразу вынырнул из глубин шахматной задачи, которой ему не удалось увлечь Тома.

— Но, тетя Гвен, — возразил мальчик, — дом же принадлежал его семье. Откуда еще ему знать историю дома и всяких призраков? Иначе бы он не рассказал об этом миссис Бартоломью.

— О чем ты говоришь, мой мальчик? — удивилась тетушка.

— Мистер Бартоломью, кто бы он там ни был, — уверенно заявил дядя Алан, — никогда в этом доме не жил. Миссис Бартоломью сюда переехала, уже овдовев, она тут совсем не так давно поселилась.

— А часы, как тогда быть с часами?

— Какие часы?

— Старинные часы в прихожей. Вы сказали, что часы принадлежат миссис Бартоломью, но они в доме с незапамятных времен. Они появились ужасно давно, когда рядом с домом еще был сад.

— Том, объясни, пожалуйста, почему ты в этом так уверен? — дядин голос звучал куда мягче обычного, наверно, он считал, что мальчика все еще лихорадит.

Том попытался срочно придумать объяснение и в то же время не выдать своей тайны, но тут неожиданно на помощь пришла тетушка.

— Знаешь, Алан, часы-то тут наверняка давным-давно стоят, болты, которыми они к стене привинчены, совершенно заржавели.

— Смотри, Том, вот неплохое объяснение, — дядя Алан, словно желая успокоить мальчика, потрепал его по руке, лежавшей поверх стеганого одеяла. — Вполне вероятно, что часы появились здесь в незапамятные времена, как ты говоришь, оттого болты и заржавели. Двигать с места их не решились, и старой миссис Бартоломью пришлось купить дом вместе с часами. Видишь, Том, если хорошенько поразмыслить, все просто и понятно.

Так Том потерял всякую надежду что-нибудь разузнать у миссис Бартоломью.

Однако мысль, что Хетти привидение, запала ему в голову. Она засела где-то глубоко, и, хотя он об этом почти не думал, в один прекрасный день они с Хетти страшно поссорились — именно из-за привидений. Первый раз по-настоящему поругались.

Том и Хетти начали строить дом на дереве, они выбрали то, что носило имя Лестницы Иакова. Как обычно, Том давал указания, а Хетти исполняла всю работу. Теперь она делала стены — стягивала и переплетала ветки. Пол из старых обрезков досок был уже готов.

Работая, Хетти негромко напевала — церковные гимны, старые песни и баллады. Она только что пропела последний куплет баллады о Красотке Молли Малоун:

На улицах узких, подъемах и спусках

С тележкой привычной пел призрак девичий

Живые моллюски и мидии, о!

И тихонько замурлыкала припев:

Живые, живые, живые, о-о!

Вдруг Том, не задумавшись, выпалил:

— А на что это похоже… ну, как это — помереть и превратиться в привидение?

Хетти оборвала песенку, лукаво глянула на Тома через плечо и рассмеялась.

Том повторил вопрос:

— Каково это — быть призраком?

— Каково? — повторила Хетти, повернулась к Тому, положила ему руку на колено и заглянула прямо в глаза. — Вот ты мне и расскажи, Том!

В первую минуту Том даже не понял, потом вскочил и заорал:

— Никакой я не призрак!

— Не говори глупостей, Том. Не забывай, я видела, как ты прошел сквозь запертую калитку.

— Именно, именно! Никакое я не привидение, а вот калитка призрачная, и поэтому я сквозь нее прошел. Калитка — призрачная, и сад — призрачный, и ты сама — призрак!

— Конечно нет, никакой я не призрак!

Они сердито уставились друг на друга, Хетти не могла унять дрожь.

— Какой же ты дурачок, — сказала девочка, а Том недовольно подумал, что она ужасно выросла за последнее время. — Из тебя получился глупый маленький призрак. Сам посмотри, как ты одет. Ни один из кузенов никогда не выйдет в сад в такой нелепой одежке. Такой одежды в наши дни нет и быть не может, я уверена. Такая одежда…

— Это пижама. Моя парадная пижама — для поездок, — гордо заявил Том. — Я сплю в пижаме. А это моя тапочка.

Вторая тапочка, как всегда, была засунута под дверь квартиры Китсонов.

— Если ты в этом спишь, то почему среди бела дня расхаживаешь? — укоризненно спросила Хетти. — И что за мода такая — в одной тапочке разгуливать? Сам понимаешь, ужасно глупые объяснения. Ты носишь такую странную одежду, которую теперь никто не носит, потому что ты привидение. И оттого я одна тебя вижу. Я обладаю даром — вижу призраков.

Хетти ни за что не поверит в истинное объяснение, и Том решил ограничиться более простым доводом:

— Знаешь, я сейчас дотронусь до тебя, и моя рука пройдет насквозь. Хочешь, прямо сейчас… будто тебя тут нет.

Хетти рассмеялась.

— Насквозь пройдет… насквозь! — заорал Том.

Хетти ткнула в него пальцем:

— Конечно, раз ты призрак.

Разозлившись, Том замахнулся и ударил девочку прямо по вытянутой руке. Со всей силой, со всего размаха. Кулак прошел насквозь, но не так, как сквозь воздух. Том все-таки что-то почувствовал, а Хетти отпрянула, придерживая ушибленное запястье. Она чуть не плакала, но не от боли, девочка вряд ли почувствовала боль. В страхе она продолжала выкрикивать:

— Это не твоя рука прошла насквозь! Это моя рука прошла насквозь! Ты призрак, призрак-грубиян, и рука у тебя призрачная!

— Нет уж! — заорал в ответ Том. — Это ты призрак, я тебе докажу! Ты давным-давно померла и превратилась в привидение!

В наступившей гробовой тишине слышалось только отдаленное кукование кукушки в лесу. Потом Хетти принялась тихонько рыдать.

— Я не умерла, ну, пожалуйста, Том, я не умерла!

Теперь, когда оба перестали кричать друг на дружку, Том и сам не понимал, кто прав, а кто нет. Но Хетти плакала, словно снова была маленькой девочкой в траурно-черной одежде, рыдающей на дорожке

под солнечными часами, маленькой девочкой, впервые узнавшей о смерти.

Он обнял Хетти:

— Успокойся, все хорошо. Конечно, ты не привидение, конечно нет, уверяю тебя, только не плачь.

Она наконец успокоилась, согласилась вытереть слезы и вернуться к строительству древесного домика. Теперь она только носом шмыгала время от времени. Том больше не заговаривал на эту тему — не хотел ее снова расстраивать. Но в конце концов для своего собственного успокоения добавил:

— Только имей в виду, я тоже никакое не привидение.

Возражений не последовало, Хетти промолчала.

Глава 14

ПОИСКИ РАЗГАДКИ

Что бы там Том ни обещал девочке, сомнения его не оставляли — а вдруг она все-таки привидение. На то были две причины: во-первых, кем еще она может быть, а во-вторых — хуже не придумаешь, — если Хетти не привидение, тогда, выходит, привидение он сам. Одна только мысль об этом приводила в ужас.

В день ссоры — Хетти он ни за что не признается — ее доводы произвели на него немалое впечатление. У нее, как у всех девчонок, был острый глаз на одежду, и наблюдательность Хетти обернулась против него. Том бы не прочь сделать то же самое, но оказалось, что он довольно смутно помнит внешний вид людей из сада, хотя они явно одевались не так, как он сам или тетя с дядей. "Старомодный" — вот

единственное слово, что пришло ему на ум. К примеру, горничная Сюзанна и тетушка Хетти носили длинные юбки до полу.

Естественно, если Хетти все-таки привидение, одежда и должна быть старомодной. Чтобы ей это доказать, надо точно выяснить, когда носили такую одежду, и тем самым определить возраст самой Хетти.

Он знал, где искать нужную информацию. На кухонной полке, среди тетиных поваренных книг, рядом со знаменитой книгой миссис Битон о ведении домашнего хозяйства он видел толстый том с заманчивым названием "Ответы на любые вопросы". Тетя ушла за покупками, можно незаметно встать с постели и позаимствовать книгу.

Том поискал в оглавлении раздел "Одежда". Вот бы найти "Фасоны Одежды в Прошлом", но ничего такого не было, ни Фасонов, ни Прошлого, обнаружились только "В Просторном Теплее, чем в Тесном" и "Жаропрочная Одежда". Интересно, конечно, но ему-то нужна история моды! Разочарование было сильным — как будто его пригласили в гости на праздник, а когда он постучал в дверь, оказалось, что дома никого нет.

Прежде чем захлопнуть книгу, Том на всякий случай ее полистал — вдруг что полезное отыщется. Под галантным заголовком "Их добродетель похоронена вместе с ними" нашелся список правителей Англии с Нормандского завоевания до наших дней. Том вспомнил, что Хетти однажды упомянула, кто правит в Англии. Они разглядывали стопку книг в котельной, и сверху лежала Библия. "Авель верит, что Библия выше всех книг, — заметила Хетти, — как королева выше всех людей в Англии". Значит, Хетти жила не при короле, а при королеве. Том сверился со списком — королев было очень мало. Возможности сокращались: конечно же, Хетти не могла жить в двенадцатом, тринадцатом, четырнадцатом или пятнадцатом веках — согласно "Ответам на любые вопросы" тогда вообще не было королев. По той же причине не годились почти весь семнадцатый и большая часть

восемнадцатого века. Оставалось немножко семнадцатого и восемнадцатого, шестнадцатый и девятнадцатый.

Том вернул книгу на место и в следующий раз, когда представился случай, пошарил вокруг в поисках других книг с нужной информацией. В дядиной и тетиной спальне, в специальном застекленном шкафу с дядиной стороны кровати, обнаружилась полная Британская энциклопедия.

Том поискал "Одежду", там было написано "Смотри Костюм", так он и поступил. Многочисленные страницы мелкого шрифта в две колонки его немного обескуражили. Он обратился к иллюстрациям, но нигде не нашел ничего похожего на то, что носили люди в саду.

Однако на старых картинках он заметил одну странность. Мужчины были одеты по-разному, но брюк ни на ком не было, первая пара брюк появилась на французском моднике в ранневикторианский период. Но Том точно помнил — и мужчины, и мальчики в его саду носили брюки, все, кроме Эдгара, он иногда надевал бриджи с шерстяными гольфами.

Почуяв след, Том нашел статью про брюки. Иллюстраций там не было, но текст был короткий. Начинался он, дабы исключить любое непонимание, с определения брюк: "вид мужской одежды, покрывающей каждую ногу отдельно от талии до ступни". Том не мог с этим не согласиться и продолжил чтение. Оказалось, брюки стали носить в начале девятнадцатого века, герцог Веллингтон произвел сенсацию, впервые появившись в брюках. Статья заканчивалась словами: "Брюки вызвали сильный протест среди духовенства и в университетах. (Смотри Костюм)".

Том решил, что теперь у него хватает информации и пора делать выводы. "Хетти жила, когда уже носили брюки, то есть не раньше девятнадцатого века, когда они вошли в моду. Очень хорошо". Он припомнил "Ответы на любые вопросы": "В девятнадцатом веке в Англии

была королева — королева Виктория, которая правила с 1837 но 1901 год. Она и есть королева Хетти. К тому же французский модник в брюках принадлежал ранневикторианскому периоду. Все понятно, Хетти тоже оттуда. Этот период был больше ста лет назад, и если тогда Хетти была девочкой, то сейчас она давно должна была умереть, и в саду нет никого, кроме призраков".

Доказательства казались неопровержимыми, но Том решил их перепроверить. Он задал себе вопрос, который, несомненно, порадовал бы дядю Алана. На женщинах в саду были длинные юбки. Когда они вошли в моду?

Но тут тетя Гвен вернулась с покупками, и Том с невинным видом юркнул в постель. Он решил задать свой вопрос ей, тетя ответила не раздумывая:

— Ну, Том, длинные юбки носили всегда, до совсем недавнего времени. Наверно, до Первой мировой войны.

— А, скажем, в начале правления королевы Виктории носили длинные юбки?

— Конечно, и всю викторианскую эпоху, и после. Даже сейчас немало людей, помнящих время длинных юбок.

Тома однако не заинтересовало, когда длинные юбки вышли из моды, он был погружен в далекое прошлое. Он намеревался доказать, что Хетти принадлежит давним временам, что она просто привидение — маленькое ранневикторианское привидение. Все, что он узнал, служило этому подтверждением. Вопрос — к полному его удовлетворению — был решен. И Том выбросил это из головы.

Глава 15

ВИД СО СТЕНЫ

Следуя за историческими изысканиями и рассуждениями Тома, мы немного забежали вперед. А события в саду — с точки зрения мальчика — развивались следующим образом. К постройке дома на дереве, где они с Хетти поссорились, дети приступили совсем не сразу после истории с гусями и встречей с девочкой в трауре. На самом деле в следующий раз, придя в сад, Том решил, что потерял Хетти навсегда. В саду было совершенно пусто.

Он звал, искал во всех потайных местечках, бегал вокруг ели — ему все мерещился шорох легких ускользающих шагов с другой стороны ствола. Но если Хетти и пряталась, то куда лучше, чем раньше. Сад без нее превратился в зеленую пустыню.

За южной стеной Том заметил тонкую струйку дыма, уходящую прямо вверх. Этим тихим летним днем воздух был совершенно неподвижен. Тому пришло в голову, что Авель развел костер. Мальчик застыл перед садовой калиткой, размышляя, сумеет ли он снова сквозь нее протиснуться. Если Авель там, может, найдется какая подсказка, где искать Хетти.

Вдруг калитка распахнулась и появилась сама Хетти. Все страхи Тома мгновенно улетучились, тем более что девочка на вид была ничуть не встревожена, скорее, немного взволнована и чем-то даже довольна. Лицо ее пылало, на щеках виднелась сажа, она что-то засовывала в карман передника.

— Почему ты не отвечала? Ты меня слышала? Я сто раз тебя звал!

— Я помогала Авелю с костром.

— И нельзя было открыть калитку и пустить меня? Я тоже люблю костры.

— Этот бы тебе не понравился. Тебе бы не понравилось, что мы сожгли, — в ее голосе слышался вызов.

— И что же вы сожгли?

Она оробела, опустила глаза, но в конце концов произнесла:

— Лук и стрелы. Ох, Том, это Авель решил их сжечь!

Том промолчал, он догадался, почему Авель так решил: он всегда говорил, что от лука у Хетти будут одни неприятности, и оказался прав.

Хетти продолжала:

— Он еще заставил меня пообещать, что я не буду брать кухонные ножи, они такие острые, я могу порезаться или пораниться. И если я позволю ему сжечь лук и стрелы и пообещаю не трогать ножи, он подарит мне маленький ножик, мой собственный.

— Какой ножик?

Она вынула руку из кармана, на ладони лежал ярко-голубой дешевый перочинный ножичек с узорными узелками верности на рукоятке.

— Он купил его для Сюзанны на ярмарке, но она не взяла, потому что взять нож от возлюбленного — плохая примета. Вот Авель и отдал его мне. Правда, очень миленький? — Хетти в восторге вертела ножик.

— Открой его, — потребовал Том.

Хетти открыла нож, держа его так, чтобы Том смог рассмотреть единственное лезвие.

— Ну, — хохотнул Том, — этим ты точно не порежешься. Им только масло намазывать.

Хетти все еще любовалась узором на рукоятке ножа, однако не преминула возразить:

— Я им уже резала кое-что потверже масла, пойдем покажу.

С гордым и таинственным видом она повела его к одному из тисов — тому, что назывался Маттерхорн, — и показала вырезанные на стволе, а скорее наполовину нацарапанные, наполовину выдавленные инициалы: "Х. М.".

Том гадал, что значит "М", но спрашивать не захотел. Хетти сама объяснила:

— Это значит "Хетти Мельбурн влезла на дерево". Я вырежу свои инициалы на всех тисах. Кроме Каверзы, конечно.

— Нельзя ничего вырезать на деревьях, — заявил, напустив на себя строгость, Том. — Это все равно как оставлять за собой мусор.

Хетти широко раскрыла глаза, словно никогда и не слышала о мусоре. По выражению ее лица Том понял — ей в голову не пришло, что она поступает плохо. В конце-то концов, она может разукрашивать свои собственные деревья и не рассказывая ему об этом.

— И ты опять сама на себя накличешь неприятности. Кто-нибудь увидит изрезанные стволы и сразу поймет, кого ругать. Если я захочу поставить свое клеймо на дереве — хотя, разумеется, я никогда не стану портить деревья, — то воспользуюсь секретным знаком.

И мальчик рассказал о своей эмблеме — длинном коте, который служит ему вместо подписи Том Лонг.

— Мельбурн такая глупая фамилия, — сказала Хетти с завистью.

— Остается имя. Твое имя означает "шляпа". Вот и нарисуй шляпу.

У Хетти заблестели глаза.

— Только, конечно, вырезать ничего не надо, я же тебе объяснил. А теперь, — он решительно сменил тему, — давай займемся чем-нибудь интересным.

— Ладно, — согласилась Хетти.

Они снова играли в саду, не думая о времени, словно и сад, и игры будут длиться вечно.

Увлекательнее всего, конечно, было лазить по деревьям. Хетти призналась, что никогда не забиралась на Каверзу, поэтому Том решил научить ее лазить как следует. Это оказалось нелегким делом, главным образом потому, что девочка боялась испачкать платье — если тетя заметит, наказания не избежать. Но мало-помалу она поняла, как обхватывать ствол руками и ногами и подтягиваться потихоньку. В конце концов она залезла на Каверзу, это была настоящая победа.

Они затевали новые игры. В запущенной части сада Хетти отыскала дикий ячмень и показала Тому, как, отщипнув верхушку колоска, пристроить ее в кулак вместе со стебельком. "Бабушка, бабушка, спрыгни с кровати!" — пела она, ударяя по кулаку, и на слове "спрыгни" так сильно подбила кулак, что колосок взметнулся вверх со своей зеленой постельки. И Хетти, и Том смеялись до слез.

На клубничной грядке они вместе охотились за лягушатами, пусть лучше скачут в другом месте ("Авель сказал, они объедают клубнику"). Однажды даже увидели жабу в щели под каменным порогом теплицы —

тусклокоричневую, неподвижную, как камень, только бока раздуваются от тяжелого дыхания.

Они дразнили птиц в саду, Том был большой мастер удивить и обмануть даже осторожную сойку, да только они же и защищали птиц от всех остальных. Хетти освобождала птиц, запутавшихся в проволоке возле крыжовника, выпускала их из-под сетки на клубничной грядке. Они даже — если Авеля точно не было поблизости — отпирали ловушку, поставленную на воробьев. Когда один из кузенов заявлялся в сад с ружьем, Том бежал впереди, размахивал руками и кричал, предупреждая птиц. Дикие голуби тяжело взлетали с грядки, где ощипывали горох, и возвращались в безопасный лес. Никого ни разу не подстрелили, если не считать самого Тома, однажды его слегка задело дробью. Хетти побелела от испуга, а Том только рассмеялся — дробинки всего лишь пощекотали ему поясницу.

Однажды Том и Хетти разглядывали солнечные часы на южной стене, пытаясь понять, как они все-таки показывают время. Прямо над циферблатом был барельеф, изображающий солнце с лучами, и на одном из каменных лучей, слегка отстоящем от стены, сидела маленькая птичка, крапивник. Вдруг она юркнула за барельеф.

— Думаешь, там у крапивника гнездо? — прошептала Хетти.

Том согласился, что очень может быть, но, конечно, снизу не скажешь.

— А Джеймс однажды прошелся по этой стене.

— Ничего подобного я делать не собираюсь, — заявил Том. — Идиотизм какой-то, а не храбрость. Стена слишком высокая и узкая, это очень опасно.

— Ох, Том, я вовсе не хотела, чтоб ты туда лез, — испугалась Хетти. — Джеймс полез на спор, его кузен Эдгар подначил, и Джеймс прошел всю южную стену, слез, стукнул кузена Эдгара, и только потом ему стало плохо. А кузен Хьюберт, когда узнал об этом, очень рассердился, потому что Джеймс мог свалиться и сломать себе шею.

Том помолчал, обдумывая ее слова. Он почти решился залезть на стену, потому что для него это не опасно, не то что для Джеймса. Даже свалившись с такой высоты, он не ушибется и ничего себе не сломает.

— Пожалуй, пойду пройдусь по стене и поищу гнездо за солнечными часами.

— О, Том!

От того, как она произнесла "О, Том!", у него потеплело на сердце.

— Не бойся, — он похлопал девочку по руке. — Ничего страшного не будет.

Он, как по лестнице, взобрался наверх по грушевому дереву, шпалерой высаженному у стены, и встал во весь рост. Что бы он там себе ни говорил, его охватила паника. Стена оказалась уже, чем он думал, — девять дюймов, не больше, а кое-где, там, где кирпичная кладка выкрошилась от времени и непогоды, даже меньше. Ноги путались в каких-то кустиках, через них придется переступать. Справа и слева от опасного пути стена отвесно обрывалась вниз: с одной стороны росли яблони, а с другой стояла, задрав голову, побледневшая Хетти. Том хорошо знал — вниз смотреть нельзя. Он поднял глаза вверх и решительно шагнул вперед.

Скоро он миновал калитку, потом виноград, вьющийся по стене, и добрался до солнечных часов. Сухие листья и другой летучий садовый мусор забили щель между стеной и каменными лучами, но в одном месте

веточек было побольше. Том встал на колени, вгляделся, держась руками за стену, и убедился, что это действительно гнездо крапивника. Том даже разглядел в коричнево-зеленоватом мху маленькое отверстие для входа.

— Там гнездо, — негромко сказал Том, — но я бы не стал его трогать. Как бы не повредить птичке.

— Спускайся, Том!

Он выпрямился, собираясь, как велела Хетти, вернуться. Мальчик огляделся по сторонам, и его вдруг охватила шальная радость. Он двинулся по стене свободным шагом, словно король. Там, внизу, Хетти шла вдоль стены и что-то говорила, но Том даже не вслушивался. Он был гораздо выше и ее, и сада. Он залезал на высокие тисы, но теперь он поднялся куда выше. Он мог одним взглядом охватить весь сад, до всех его стен и изгородей. Он увидел дом: вот Сюзанна высунулась из окна и машет кому-то в саду, наверно Авелю. Вот внутренний двор, о существовании которого он и не подозревал: там Эдгар увлеченно моет Пинчера в жестяном тазу, полном мыльной воды, а Пинчер ужасно жалкий, хоть и чистый, — шея вытянута, уши прижаты, хвост опущен. "Не робей, Пинчер!" — весело крикнул Том. Пес то ли услышал его, то ли увидел, а может быть почуял, трудно сказать, но шерсть на загривке у него поднялась, даже под мыльной пеной заметно. Он опрокинул таз и помчался по двору, Эдгар за ним — злой, мокрый, весь в брызгах мыльной пены.

Том посмотрел дальше — за садом, за домом лошадь тащила повозку по проселочной дороге. За дорогой был луг, за ним виднелась извилистая линия реки. Огибая луг, река текла мимо деревни, потом ныряла под белый мостик с перилами и уходила вдаль, к прудам и водяным мельницам, к шлюзам и переправам, о которых ни Том, ни Хетти не имели ни малейшего понятия. Река текла через Каслфорд, Или, Кингс-Линн, далеко-далеко к морю.

— Том, что там за садом? — прошептала Хетти. Любопытство пересилило страх.

— Если бы ты была тут… — сказал Том, и его слова разнеслись по всему саду.

Он не мог выразить, не надеялся передать ей это ощущение простора, этого не поймешь, пока не увидишь своими глазами. На плоской равнине даже небольшое возвышение давало прекрасный обзор, казалось, будто смотришь вниз с горной вершины. Раньше Том знал только сад и совсем немногое за его пределами, теперь же перед ним открывался весь мир.

— Скажи, что ты видишь, — умоляюще попросила Хетти.

— Со стены видна река, и если проследить за ее течением…

— Что? Что? — прошептала Хетти.

Том не закончил фразу — из-за деревьев показался Авель. Он подбежал прямо к Хетти, положил обе руки ей на плечи и силой заставил опуститься на колени. Он всунул ей что-то в руки и, стоя над ней, быстро, вполголоса заговорил. Хетти испуганно отвечала, Том не смог разобрать слов.

Он поспешно пошел назад по стене и спустился вниз, в сад. Хетти уже была одна.

— Что случилось? — спросил Том.

— Авель решил, что я собираюсь пройтись по стене, как Джеймс. Он хотел меня остановить, потому что это очень опасно.

— Я думал, он тебя поколотит.

— Он заставил меня встать на колени прямо на дорожке и поклясться на Библии, что я никогда не полезу на стену с часами и не стану ходить по ней.

— Очень он рассердился?

— Нет. Мне кажется, он почему-то испугался.

— Испугался? Это ты испугалась, а он рассердился.

— Нет. Я, конечно, испугалась немножко, от неожиданности. Он такой сильный. Но Авель куда сильнее перепугался. Когда я брала Библию, то заметила — у него руки в холодном поту и дрожат.

— С чего ему в голову пришло, что ты собралась залезть на стену?

— Может, заметил, как я смотрю вверх.

— Нет, не поэтому. Он, когда из-за деревьев появился, уже бежал со всех ног; Библию свою схватил и понесся куда раньше, чем тебя увидел.

— Наверно, слышал наш разговор.

— Нет, ты говорила шепотом, а меня он слышать не мог.

Конечно, не от того, что Том говорил тихо: мальчик голоса не понижал. Но даже если бы он заорал во весь голос, Авель его не услышал бы.

— Ну, может, Сюзанна заметила меня из окна спальни и сказала ему.

— Возможно. Я видел Сюзанну у окна.

Но Тома такое объяснение не вполне удовлетворило.

Скоро Хетти и Том начали строить домик на дереве и, поглощенные работой, забыли о странном поведении Авеля.

Глава 16

ДОМ НА ДЕРЕВЕ

В письме брату Том писал: "...Рад, что твоя корь прошла. Жаль, что тебя здесь нет. Мы строим дом на дереве, на Лестнице Иакова". Питер прочел и сжег письмо, как и все остальные письма. Он хмуро побрел на задний двор и начал что-то лениво сооружать на яблоне.

— Вот Том вернется, поможет тебе, — крикнула миссис Лонг из кухонного окна. На душе у нее было неспокойно. Она снова и снова твердила себе, что Гвен и Алану можно полностью доверить мальчика, но в воздухе витала какая-то тайна, и это ее смущало.

У бездетных Китсонов денег было побольше, чем у Лонгов, — двое детей обходятся недешево. Может быть, Том не рвется домой из-за роскоши, которая окружает его в гостях? Нет, непохоже, вынуждена была признать миссис Лонг. Письма Тома родителям содержали лишь краткие отчеты о скучных днях, исключительно в обществе дяди и тети. Казалось, какое удовольствие от такой жизни, теперь ему не нравилась даже еда. Тем не менее он просил, и не один раз, позволить ему погостить подольше.

— Там нет других детей, — сказала миссис Лонг мужу как-то вечером, — и Том никуда не ходит. Что он тебе пишет, Питер? Твои письма куда длиннее наших.

Питер опустил глаза.

— Ему просто нравится их квартира.

— Ну, дома он живо прекратит сидеть взаперти, — бодро заявила миссис Лонг. — Правда, Питер?

— В любом случае, к школе он вернется. Конец учебного года он пропустил из-за моей болезни, но к началу нового должен вернуться.

— Только к началу школы? — встревожилась миссис Лонг. — Ему надо вернуться домой гораздо раньше! Ты что, хочешь провести все каникулы один?

— Я думал... — Питер нерешительно помолчал, дожидаясь, пока его спросят, о чем он думал.

— Ну и?

— Если Том не хочет возвращаться от тети Гвен, я мог бы поехать к нему.

Мать с испугом поглядела на сына, но мистер Лонг только рассмеялся:

— Что, скажи на милость, будут делать два мальчугана в тесной квартирке даже без сада?

— Я хочу к Тому, — упрямо заявил Питер.

— Ты имеешь в виду, — уточнил отец, — что хочешь быть дома вместе с братом. Ты хочешь, чтобы он вернулся?

— Ты туда вовсе не хочешь! — заявила мать.

— Хочу! Еще как хочу! Я вчера не мог заснуть и все мечтал очутиться там, а потом мне приснился сон, что я еду к Тому. И я поеду, поеду!

— Но зачем, Питер? Что там интересного?

Но Питер только отводил глаза и упрямо твердил, что уверен — ему понравится у тети и дяди. На этом беседа оборвалась, ни к какому решению так и не пришли. Поздно вечером миссис Лонг на цыпочках подкралась к дверям детской и заглянула в комнату. В свете уличного фонаря видно было, что Питер еще не спит, а смотрит на открытку от Тома, стоящую на каминной полке. Миссис Лонг тихонько ушла, но позже вернулась, а потом еще раз. К третьей попытке Питер уже уснул. Она вошла в детскую и постояла над спящим сыном. Ему явно что-то снилось, он улыбнулся, потом вздохнул. Вдруг на лице у мальчика появилось такое отсутствующее выражение, что мать наклонилась над ним, желая разбудить и позвать обратно, но так и не решилась.

Спускаясь вниз, миссис Лонг глянула в сад через маленькое окошко на лестничной площадке и увидела на яблоне торчащие доски — Питер строил домик. По сравнению с домом на Лестнице Иакова сделано было немного, хотя, конечно, миссис Лонг ни о чем таком даже не подозревала. Питер начал работу вслед за Томом, только попозже — для того, чтобы письмо было написано, доставлено, прочитано и сожжено, требуется время.

"Хетти очень старается, — писал Том. — Ей нравится, что мы строим дом на дереве". Том явно преуменьшил ее чувства — девочка была в полном восторге, он такого даже не ожидал. Прежде всего, в отличие от большого дома, она считала домик на дереве своим: в доме тети и кузенов ее терпели только из милости. А дом на дереве был ее собственный. Она притащила туда свой кукольный сервиз и даже кое-

какие вещи, позаимствованные из большого дома. Том немного забеспокоился и велел ей угомониться.

Кроме того, дом на дереве стал любимым из ее потайных местечек.

— Его не найдешь, если не знаешь. Кузены о нем и не подозревают.

— А Авель видел, как он строится?

— Он ни разу не видел, как я несу доски, лезу на дерево или даже иду в этом направлении. Я была страшно осторожна.

— Я ни о чем таком даже не подумал, — признался Том, — но это неважно, меня он все равно не видит.

— Конечно, — согласилась Хетти, и они быстренько сменили тему — ссора из-за привидений еще была свежа в памяти.

Но как оказалось, Авель был прекрасно осведомлен о доме на дереве.

В тот день он закрывал сеткой клубничные грядки. Хетти и Том знали, где он, они всегда старались точно понять, где находится Авель и есть ли еще кто-нибудь в саду, прежде чем отправиться в древесный домик. И на этот раз они полезли на дерево, только убедившись, что больше никого нет, а Авель далеко.

Дом уже был готов, но Хетти никак не могла успокоиться.

— Все должно быть по-настоящему, нам нужны окна, а не просто щели в стенах. Два высоких прямоугольных окна.

— Слишком многого хочешь, — возмутился Том, и Хетти взялась за окна сама.

У нее получились скорее дыры с неровными краями, чем окна, но Хетти прилежно трудилась, заплетая ветки изнутри и снаружи, выравнивая и укрепляя края будущих окон.

Том ей не помогал, надеясь, что она скоро устанет и бросит свою затею — хотя, казалось, до этого еще далеко. Ему пришла в голову более интересная идея: пусть окна будут иллюминаторами, а он сам — капитаном корабля, плывущего по морю.

Хетти так и не удалось закончить окна. Что-то напевая себе под нос, она перебралась с одной ветки на другую и вдруг спросила:

— Том, тут сук с трещиной, он тебя выдерживал?

— Треснутый сук? Да, выдерживал.

Пение возобновилось, Хетти двинулась дальше, и Том не успел добавить, что он совсем другое дело, а ей он туда лезть не советует.

Он не видел, как это случилось. Наверно, ветка не выдержала даже легкого веса и сломалась. Он услышал сильный треск, девочка тихонько охнула от удивления и свалилась на землю.

Ее тонкий пронзительный плач разнесся по саду. Птицы метнулись во все стороны, рыжая белка застыла на ветке, а Авель… Авель швырнул на землю сетку и со всех ног бросился к дереву.

Том невесомо, легче чем кошка, спрыгнул с верхушки дерева и приземлился рядом с Хетти. Она лежала молча, неподвижно, одна нога подвернулась, задравшийся передник закрывал ей лицо. Там, где ткань касалась лба, расплывалось кровавое пятно.

Том беспомощно застыл возле нее, и тут налетел Авель. Садовник увидел кровь и громко застонал. Он схватил Хетти в охапку и понес к дому. Том поплелся следом.

Вдруг Авель резко остановился и оглянулся. Несмотря на безмерный ужас от всего происшедшего, Том понял — Авель смотрит прямо на него, а не сквозь него, как раньше. Более того, Авель заговорил с ним.

— Изыди! — прохрипел Авель.

Оба застыли и уставились друг на друга.

— Убирайся обратно в ад! Я знаю тебя! Я все время тебя видел, и лучше бы мне тебя не видеть, я слышал тебя, но лучше бы мне оглохнуть. Я знаю тебя и знаю, зачем ты явился!

Том пропустил всю речь мимо ушей, его волновало только одно — Авель его слышит и сможет ответить на вопрос.

— Ну, пожалуйста, Хетти жива или умерла?

— Да уж, ты не раз пытался ее убить, несчастную девочку без отца, без матери, без дома. Ничего у нее нет, только невинность против твоей порочности! А у тебя и луки, и стрелы, и ножи, и высокие деревья. Теперь я говорю тебе: изыди.

Том не ушел, конечно. Авель понес Хетти через лужайку, назад к дому, громко повторяя слова молитвы. Тому показалось, что эту же молитву Авель произнес, съев бутерброд с ветчиной: "За все благое благодарю Господа, Он хранит меня от дел диавольских, чтобы не было мне вреда". Голос Авеля дрожал, он спотыкался под тяжестью своей ноши, потому что все время оглядывался на Тома. Так он дошел до двери и перешагнул через порог. Дверь захлопнулась, и Том услышал, как засов встал на свое место.

И тут Том очнулся. Он со всего размаха стукнул по деревянной двери, но только разбил кулак. Напрасно он звал сначала Авеля, потом Хетти. Дверь оставалась запертой, и крики ни к чему не привели. Даже если Авель и Хетти его слышали, один не захотел его впустить, а другая не смогла.

Глава 17

В ПОИСКАХ ХЕТТИ

После первого приступа бешенства Том затих и, сдерживая рыдания, прислушался. Пробили старинные напольные часы, с лестницы донеслись голоса, торопливый шум шагов.

Отпереть дверь он не мог. Он устал, ни сил, ни воли протискиваться сквозь нее у него не осталось. Он отрезан от Хетти, отрезан от своей кровати в квартире Китсонов. Но о Хетти он беспокоился куда больше, чем о себе. Мальчик пересек лужайку и примостился под живой изгородью. Оставалось только ждать.

Прошло довольно много времени, прежде чем дверь открылась, и появился Авель. Том бросился к нему.

— Авель, ради бога, как Хетти?

Том думал, что готов к чему угодно. Пусть Авель считает его демоном из Ада, принявшим облик мальчика, чтобы погубить Хетти. Если Авель действительно в это верит, он, конечно, должен ненавидеть, браниться, проклинать Тома, пытаться изгнать его с помощью заклинаний, молитв и Библии. Единственное, чего мальчик не предвидел — возврата к старому методу защиты. Авель снова отказывался видеть Тома.

— Авель! Авель! — взмолился Том. — Она жива? Она не умерла?

Глаза Авеля блеснули, он позволил себе увидеть Тома. На грязном лице мальчишки, который все утро лазил по деревьям, блестели две светлые полосы от глаз до подбородка — следы слез отчаяния. В общем, Том был ужасно похож на мальчика и совершенно не похож на демона, и Авель сдался. Он опять заговорил с Томом.

— Она жива.

Садовник снова отвел глаза. Глядя прямо перед собой, осторожно обошел Тома и направился к сараю с инструментами.

Он не закрыл дверь в дом — в эти летние дни она обычно стояла открытой. Первой мыслью Тома было бежать к дому — то ли к себе в спальню, то ли искать Хетти, он не успел додумать.

Решать ему не пришлось. На этот раз обстановка в прихожей и не думала таять. Чучела твердо стояли на своих местах и таращились на него стеклянными глазами сквозь стеклянные дверцы витрин. Он успел заметить, что ртуть в барометре доходит до отметки Великая Сушь. Все было твердым, четким и никуда не исчезало. Он подошел к часам. Стрелки указывали время — без одиннадцати минут пять. Несмотря на тревогу за Хетти, он задержался, чтобы снова взглянуть на ангела. Казалось бы — ничего нового, но цвета выглядели свежее. Он по-прежнему не знал, кем или чем был ангел, уверенно идущий по морю и по суше с книгой в руках, но чувствовал, что почти понимает значение картины. Ничего, в один прекрасный день, может, уже скоро, он все узнает.

Том отвернулся от часов, огляделся. Лестница была покрыта ковром, на каждой ступеньке он закреплялся блестящим латунным стержнем, приглашая с удобством подняться наверх.

Том шагнул было к лестнице, но задумался, что ему все-таки делать. Позади оставался сад, королевство Хетти, где они да Авель были

единственными обитателями — хотя Авель и отказывался признать, что там была не только Хетти. А теперь он собирается идти в дом Мельбурнов. Тому показалось, что на него навалилась вся жизнь обитателей дома. Справа от лестницы он заметил ряд крючков, там висели пальто и плащи, шляпы и шапки Мельбурнов. Рядом стоял низкий шкаф — понятно, что для обуви, дверца была приоткрыта, и можно было разглядеть полки, заваленные ботинками, мужскими туфлями и женскими туфельками, тапочками, крагами, гетрами и болотными сапогами. Слева от Тома, напротив вешалки помещалась полка с двумя конторскими книгами в переплетах под мрамор, рядом стояла маленькая чернильница-непроливайка и лежала старомодная круглая счетная линейка черного дерева. Интересно, кому из Мельбурнов могло принадлежать это? Том заметил дверь, куда однажды входила Сюзанна с растопкой и спичками, оттуда доносились женские голоса. Слов он не слышал и не мог понять, кто именно разговаривает, но ему показалось, что один из голосов принадлежит Сюзанне.

Том почувствовал себя очень одиноко, он остался один среди чужих. Неизвестно, где Хетти, но больше всего Том боялся, что ее уже нет нигде. Конечно, Авель сказал: "Она жива", но это могло значить "Чуть жива" или "Пока жива, но долго не протянет". Раньше Том ухитрился убедить себя, что Хетти — привидение, но только сейчас он понял, что это значит — когда-то она должна была умереть. Привидениями становятся после смерти — получался замкнутый круг. Том совсем запутался.

Понадобилось немалое мужество, чтобы подойти к покрытой ковром лестнице и поставить ногу на нижнюю ступеньку. Возможно — хотя Том вовсе не был трусом — ему нужен был последний толчок, чтобы решиться. Тиканье часов за спиной, похожее на биение живого человеческого сердца, вселяло уверенность и напоминало о Хетти. Том взял себя в руки и начал подниматься по лестнице.

Том очутился на втором этаже. В этой части дома Мельбурнов он никогда не был. Так ему казалось — он просто забыл, что в этом самом

доме среди других жильцов снимают квартиру его собственные тетя и дядя. Сейчас ничего об этом не напоминало. Коридор был пошире, чем тот, который знал Том, и на полу лежал ковер. Тут было несколько дверей, а в его коридоре только две входные двери. Лестничный марш, ведущий в мансарду к квартире миссис Бартоломью, теперь заканчивался небольшой площадкой, на которую выходили три двери.

Все двери на втором этаже были закрыты. И три двери мансарды тоже. За какой из этих дверей лежит Хетти?

Какую выбрать? Том подошел к ближайшей двери, глубоко вздохнул, собрался, напряг мускулы и просунул голову через деревянную дверь.

В этой комнате Хетти не было. На кровати и на всей остальной мебели чехлы — это явно гостевая спальня. Окно выходило в сад: Тому даже от двери видны были верхушки тисов и высоченная увитая плющом ель, еще не упавшая. Он искал Хетти, поэтому не стал задерживаться, но позже ему пришлось вспомнить об этой комнате.

Он рывком выдернул голову и задумался, что делать дальше. Просовывать голову через каждую дверь? Непонятно, разумно ли это. Он уже устал, в ушах звенит, глаза болят, даже живот, вообще-то остававшийся с безопасной стороны двери, немного поднывает. Если Хетти окажется за последней дверью, он до нее просто не доберется.

Ну что ж, в таких необычных обстоятельствах простительны и не совсем честные приемы. Можно подслушивать и подглядывать через замочную скважину. За третьей дверью Том услышал тихий ритмичный шорох. Он не мог понять, что это за звук, а через замочную скважину видно было немного — умывальный столик с кувшином и тазом, край кружевной оконной занавески и стул с прямой спинкой.

Том никак не мог сообразить, что это за шорох. Конечно, Хетти, больная, может быть, умирающая, тут ни при чем. В отчаянии он

бросился было к следующей двери, но вдруг задумался — а если Хетти все-таки здесь и в бреду скребет по простыне: ш-ш-ш.

Он начал с усилием просовывать голову через дверь, за которой слышался странный звук. Брови уже прошли внутрь, когда он услышал — уши были еще снаружи — шаги на лестнице. Том испугался, что его застукают наполовину в двери, поспешно отпрянул назад и обернулся.

По лестнице с мрачным видом шел какой-то мужчина, он нес под мышкой две конторские книги из прихожей, а в руках чернильницу и линейку. Ясно было, что он сам зарабатывает себе на жизнь и только что закончил работу. Кто это мог быть? Несомненно, Мельбурн, судя по фамильным чертам.

Человек шел прямо на Тома, не замечая его. Он остановился возле той самой двери, через которую пытался пролезть Том, и осторожно постучался.

— Матушка?

Шуршание прекратилось. Из-за двери спросили:

— Кто там?

Том узнал голос, это была тетка Хетти.

— Джеймс.

Джеймс? Том был поражен: в последний раз, когда он видел Джеймса в саду, тот был еще совсем юношей. Неужели у Мельбурнов успело пройти столько времени, что Джеймс стал совсем взрослым? Дельцом? Торговцем? Такой крепкий, широкоплечий, высокий, но почему-то очень мрачный.

— Можешь войти, — продолжал женский голос, — я просто причесываюсь.

Джеймс вошел, и Том юркнул вслед за ним. Не из любопытства, просто Джеймс, едва открыв дверь, спросил: "Как Хетти?".

Мужчина и мальчик стояли в спальне. Джеймс невольно обернулся — вроде никого нет, но кто-то на него смотрит, может, кошка.

Тетка Хетти стояла возле туалетного столика. Густые темные распущенные волосы спадали до пояса, и она водила щеткой от корней до самых кончиков. Этот звук Том и слышал. Он заметил, что волосы кое-где уже поседели — и для нее время не прошло бесследно.

Она не ответила на вопрос Джеймса, просто положила щетку. Потом нехотя произнесла:

— С Хетти все будет в порядке.

— Так сказал доктор?

— Да.

— Слава богу!

— Слава богу? Она сама виновата! Скажите на милость, зачем ей понадобилось лазить по деревьям? У нее нет никакого представления о приличиях. Девочка ее возраста… Она уже достаточно взрослая, чтобы понимать!

— Хетти моложе своего возраста, — возразил Джеймс. — Может быть, от того, что она всегда играет одна — и чаще всего в саду.

— Ну а ты всегда ее защищаешь! — воскликнула его мать, и это прозвучало как упрек. — Так она никогда не повзрослеет. Что с ней будет, просто не знаю. Очень странная девочка.

Тетка Хетти замолчала и повернулась к зеркалу, заплетая косу.

— Разумеется, она повзрослеет, — возразил Джеймс, и Том просто восхитился, как твердо он говорит с матерью, не боясь ее гнева. — И что с нею станет тогда?

— От меня ей нечего ждать. Я и так довольно о ней заботилась.

— В таком случае, мама, ей придется самой зарабатывать себе на жизнь, хотя я, право, не знаю, как это у нее получится. Возможно, она выйдет замуж — хотя Хетти не видит и не знает никого за пределами нашего дома и сада.

— Она не будет распоряжаться в этом доме после моей смерти! — не поворачиваясь к сыну, тетка Хетти сердито смотрела на его отражение в зеркале.

— О чем это вы, мама?

— И ты, и Хьюберт, и Эдгар уже взрослые. Вы продолжаете отцовское дело, вы независимы. Пусть так, но если кто-то из вас вздумает когда-нибудь жениться на Харриет, пеняйте на себя — вы не получите ни пенни из моих денег. Хьюберту наплевать на девчонку, Эдгар ее недолюбливает, но ты всегда ее жалел.

Повисла тишина. Том ожидал, что Джеймс не струсит, крикнет матери прямо в лицо, что никогда и не помышлял жениться на Хетти, но сейчас понял, какая это замечательная мысль, и женится всенепременно, как только она станет взрослой. Они будут жить

счастливо и богато, и наплевать им на наследство. Но Джеймс не был романтиком. Он только вздохнул:

— Никогда не имел намерения жениться на Хетти, не думаю, что когда-нибудь такое намерение появится, но мне ее все-таки жалко.

— Она действительно жалкая девчонка, — отрезала его мать.

— Поймите, мама, она взрослеет, ей необходимо узнать жизнь, научиться большему, чем может дать дом и сад. Пусть знакомится с новыми людьми, заводит друзей.

— Ты знаешь не хуже меня — ее интересует только сад и вполне устраивает одиночество.

— Надо ее отвлечь. К нам приходят друзья, не следует позволять ей вечно прятаться. Ей нечего бояться. Она сама захочет принять участие в наших развлечениях. Чем плохи прогулки по реке, пикники, крикет, игра в вист, рождественские гимны, катание на коньках…

— Она не хочет взрослеть. Ей нужен только сад.

— Мы научим ее хотеть большего. Сейчас зайду к ней и скажу, что пора начать выходить, заводить новых друзей. Когда она поправится, ее жизнь станет куда веселей. Я скажу, что мы все этого хотим.

Все ли? Лицо женщины в зеркале застыло.

— Могу ли я сказать, что вы хотите того же, матушка?

— Все это пустые слова. Не трать свою жалость на Харриет.

— Могу я по крайней мере сказать, что вы согласны?

— Говори что хочешь, поступай как хочешь, чем меньше она будет попадаться мне на глаза, тем лучше.

Она отвернулась, чтобы не видеть сына ни во плоти, ни в зеркале.

Джеймс вышел, Том за ним. Джеймс дошел до двери в конце коридора, тихонько постучался и вошел.

Том остался в коридоре дожидаться конца их разговора. Он слышал, как голос Джеймса то повышался, то понижался. Он говорил с Хетти мягко, как с больной, но говорил долго. "Наверно, ее рана не так серьезна, как я боялся, — подумал Том, — раз она в силах выслушать такую длинную речь".

Глава 18

КОМНАТА С ДВУМЯ ЗАРЕШЕЧЕННЫМИ ОКНАМИ

Джеймс ушел, наконец, закрыл за собой дверь и пошел по коридору, наверно, в свою комнату. Том услышал, как вдалеке хлопнула дверь, подошел поближе к дверям Хетти и начал просачиваться в спальню.

При его появлении Хетти вскрикнула от восторга.

— Том, пожалуйста, помедленнее, я хочу понять, как ты это делаешь.

— Раз, и готово!

Все-таки Том постарался ей угодить и неспешно приземлился на ковер в спальне. Так оказалось даже легче.

Хетти сидела в кровати с повязкой на голове. Она разрумянилась, но от волнения, а не от лихорадки.

— Вот бы мне так уметь!

Она откинулась на подушки. Том внимательно на нее поглядел — возможно, нет, наверняка она выглядит старше, чем при их первой встрече. Хетти, как и все остальные Мельбурны, повзрослела, просто Том ничего не заметил — они так много бывали вместе, и вообще он не обращает внимания на подобные мелочи.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Том. Невежливо просто стоять и молча пялиться на нее.

— Спасибо, хорошо. Доктор сказал, что шрама не останется. Меня навестил кузен Джеймс. Он считает, мне надо перестать падать с деревьев и заняться чем-нибудь поинтереснее.

— Без меня? — Том вспомнил слова Джеймса о взрослых развлечениях.

— Конечно, нет, Том, приходи когда захочешь! — она говорила с ним, как с ребенком, во всяком случае, так показалось Тому.

— Сядь и поговори со мной, — попросила Хетти.

Он присел в ногах кровати, огляделся.

— Красивая спальня. — Это была просторная комната, как, впрочем, и все комнаты в этом солидном доме. Большой стенной шкаф, два широких окна по обе стороны кровати, а внизу на окнах… — У тебя решетки на окнах, как в детской!

Ему показалось, что он уже слышал нечто подобное, слышал или говорил. И видел такие же решетки на окнах.

— Это и есть детская. Сначала кузенов, когда они были маленькими, потом моя. Я так и осталась в этой комнате, ведь я младшая.

Том смотрел на окна как завороженный. Он уже видел эти окна, точнее, одно окно, нет, каждое из окон, только врозь, а не вместе.

— Где тут ванная?

— Ванная?

— Где ты моешься?

— Здесь, в спальне, конечно, а мальчики — в своих комнатах.

— Здесь? — Том оглядел комнату в поисках ванны. — Каким образом?

— Сюзанна приносит жестяную ванну, наливает в нее горячую воду из кухни. Зимой в камине разжигают огонь, и я принимаю ванну перед камином.

— Здесь можно устроить настоящую ванную комнату. — Том словно знал, как это должно выглядеть. — Поставить посередине перегородку, и дальняя часть комнаты станет ванной.

Хетти сочла, что это дурацкая и совершенно лишняя затея, и так и сказала.

— К тому же от комнаты останется только половина.

— Да, ты права. И перегородка будет — должна быть — тонкой, так что, лежа в постели, ты будешь слышать шум льющейся воды.

— Ни за что! — решительно заявила Хетти.

— Я же не говорю, что ты сама захочешь. Другие могут так сделать.

Том подошел к окну. Видно было далеко — сначала лужайка, на краю которой склонялся в раздумье огромный бук, потом изгородь, дорога, снова изгородь, луг с высоким вязом посередине…

Том перевел дух.

— Твоя комната мне нравится больше. И вид из окна гораздо лучше.

— А реку ты видишь? Лучше чего, Том?

— Ну, лучше, чем видеть одни дома.

— Не глупи, Том. Тогда бы мы жили не на краю деревни, а в городе.

— Деревня может стать городом, — он решил сменить тему: — Как часто ты принимаешь ванну?

— Раз в неделю, а ты?

— Каждый вечер. Но я предпочел бы мыться пореже, зато жить в комнате с таким видом из окна.

Хетти была озадачена. Она не могла понять, какая тут связь. К тому же Том явно загрустил.

— Не расстраивайся, Том, не из-за чего.

Том размышлял о Прошлом, которое Время сделало таким далеким. Время превратило Настоящее Хетти в Прошлое. Даже если это так, здесь и сейчас, пусть ненадолго, ее Прошлое стало его Настоящим — их общим временем. Он вспомнил о напольных часах, отмеряющих время и сейчас, и тогда, вспомнил о рисунке на циферблате.

— Хетти, а что изображает картина на напольных часах?

— Это что-то из Библии.

Он удивился.

— Что?

Хетти наморщила брови.

— Это сложно, я не могу вспомнить, то есть это трудно понять, поэтому я и не могу точно вспомнить. Я узнаю, если тебе интересно.

— Да, пожалуйста. Ты спросишь кого-нибудь?

Хетти улыбнулась, но не стала разводить таинственность, как непременно сделала бы раньше.

— Я спрошу у часов — там есть надпись.

— Где? Я никогда не замечал.

— Ты и не мог, надпись так низко, что прячется за рамкой стеклянной дверцы. Надо открыть дверцу, чтобы прочесть.

— И сначала отпереть отделение с маятником? Потому что защелка внутри?

— Откуда ты знаешь?

— Неважно. У кого ключ?

— Ключ всегда в замочной скважине.

Том удивился.

— Значит, кто угодно может отпереть футляр?

— Зачем? Тетя отпирает, когда заводит часы, а нам запрещено их трогать.

— А если зайдет кто-нибудь чужой? Любопытные? Мальчишки?

Хетти его просто не поняла, однако пообещала завтра же отпереть футляр и открыть защелку — пусть сам прочтет спрятанную надпись. Конечно, если рядом никого не будет.

До утра уже ничего не сделаешь, и они заговорили о другом. Хетти старательно занимала Тома беседой, разговор шел о бывшей детской. Оказывается, за сложенными ставнями окон прячутся летучие мыши. Приоткрой ставни и увидишь, как они висят, чернея среди серой пыли, паутины и сухих листьев глицинии. Однажды ночью одна летучая мышь по ошибке влетела в окно и пронеслась по комнате, как маленькое черное привидение, а Хетти завизжала от страха и спряталась под одеяло, потому что Сюзанна говорила ей — летучие мыши запутываются в длинных волосах, и приходится волосы обрезать. (Том не удержался от улыбки, и даже сама Хетти слегка улыбнулась.) А однажды летом усики глицинии пролезли в окно и обвились вокруг проволоки от звонка. Они успели подняться на всю длину проволоки, пока тетя не заметила и не велела их срезать. А если лежать тихо, то можно услышать возню мышей за плинтусом. Осенью, после уборки урожая, мышей всегда больше, они приходят в дом с полей, а еще здесь есть шкаф…

Хетти соскочила с кровати, чтобы показать Тому шкаф — не платья, которые там висели, а тайник под полом — она сделала его еще ребенком. Девочка подцепила ногтем одну из досок, и обнаружился широкий промежуток между балками, где лежали ее маленькие сокровища — ярмарочный ножик, коробка красок и маленькая выцветшая фотография — серьезный молодой джентльмен склоняется над креслом, в котором сидит юная леди.

— Это мои мама и папа — давным-давно. Помнишь, как я хвасталась, что они король и королева?

Тут Хетти поспешно нырнула обратно в постель — за дверью послышались шаги. Они и не заметили, как наступили сумерки, и теперь Сюзанна принесла масляную лампу. Поставила на каминную полку и зажгла. Потом вышла на минуточку и принесла миску молока с накрошенным хлебом — Хетти на ужин.

Пока Хетти ела, они с Томом продолжали болтать. Том грел руки о лампу и рассматривал на потолке тени от пальцев. Прозвучал гонг к ужину, на лестнице послышались шаги и голоса Мельбурнов. Снова зашла Сюзанна, забрала миску и лампу и велела Хетти ложиться спать. После ухода горничной Том решил, что ему тоже пора.

— Ладно. — Хетти никогда не спрашивала, куда он идет.

— До завтра.

— Ты всегда так говоришь, а потом проходят месяцы до твоего следующего появления.

— Нет, я прихожу каждый день, — возразил Том.

Он попрощался и пошел вниз по лестнице. В прихожей пахло едой, Сюзанна и другая служанка сновали взад-вперед с тарелками: семейство ужинало.

Том задержался возле часов — ключ торчал в замочной скважине. Как бы хотелось повернуть ключ самому, ну ничего, Хетти придется ему помочь. Напоследок он поглядел на ангела.

Теперь настало время отвернуться от часов, выйти в сад и так же неторопливо войти обратно в дом. Зажмурившись, Том закрыл за собой дверь и задвинул засов. Открыл глаза, но перед ним по-прежнему прихожая Мельбурнов. Поднялся по ступенькам в отчаянной надежде, что латунные стержни вместе с ковром растают у него под ногами и он окажется перед квартирой Китсонов, найдет свою комнату и свою постель.

Ничего подобного. Он снова перед дверью в спальню Хетти.

— Кто там? — доносится сонный голос из-за приоткрытой двери.

— Это я, просто забыл кое-что.

— Нашел?

— Нет, но это не важно, спи.

— Спокойной ночи.

Том снова спустился по лестнице и вышел в сад, не обращая внимания на мелькающих в воздухе летучих мышей. Попробовал снова — дом не менялся. Это по-прежнему был дом Мельбурнов.

"Никогда мне не вернуться назад, — понял Том. — Может, Хетти что-нибудь придумает. Надо ей все рассказать, даже если придется говорить о привидениях".

Он снова поднялся по лестнице, проскользнул в темную спальню и тихонько окликнул Хетти. Она не ответила, и по ровному дыханию Том понял, что девочка уснула. Ему не хотелось ее пугать, он скрючился на полу возле кровати, положив руку на руку Хетти — если она проснется или хотя бы шевельнется, он сразу почувствует. Потом опустил голову на руки и провалился в сон.

Он не понял, сколько прошло времени. Комнату заливал солнечный свет, от сидения на полу затекло все тело. Сперва Том не мог сообразить, где находится. Вдруг он отчетливо вспомнил вчерашнее и ухватился за кровать. Постель была пуста, Хетти исчезла. Но кровать была его собственная, и комната была его собственная — часть старой детской с одним зарешеченным окном.

Том так и не понял, как очутился дома, но благодарен был от всего сердца. Он собрался уже залезть в холодную постель, как вспомнил о тапочке в дверях квартиры. Вдруг дядя и тетя ее обнаружат? К счастью, было еще совсем рано, все спали. Он забрал тапочку, запер дверь и лег. Он лежал в постели, уставившись в потолок, покуда за тонкой перегородкой не послышался шум воды — дядюшка намеревался принять утреннюю ванну.

А через минуту к Тому зашла тетушка — побаловать племянника утренней чашечкой чая.

— Пора вставать, Том. Пришли письма из дома — одно тебе от Питера, другое мне от мамы.

Глава 19

В СЛЕДУЮЩУЮ СУББОТУ

Они сидели за завтраком: Алан Китсон с газетой, его жена с длиннющим письмом от сестры, Том с письмом от Питера. Том заслонял свое письмо рукой — чтобы не подглядывали.

Том,

БЕРЕГИСЬ! Мама пишет тете Гвен, что ты должен вернуться до конца недели, и это окончательное решение. Наверно, она напишет, что я по тебе скучаю, но это неправда. Я в восторге от твоих писем и хотел бы узнать побольше. Эх, если бы я мог поехать к тебе, но мама и папа возражают. У нас-то нет реки, высоких стен и больших деревьев. Я просто рвусь к тебе.

Твой Пит.

Том вздохнул — жаль, что Питер не может приехать хотя бы ненадолго, было бы неплохо показать ему сад.

Он перечитал письмо. "БЕРЕГИСЬ!" Что могут сделать дети против взрослых? Особенно против родителей. Он взглянул на газету дяди Алана — сегодня вторник. Интересно, какой день они выбрали для возвращения — субботу или воскресенье?

Тетя Гвен сложила письмо и печально улыбнулась.

— Увы, мы скоро распрощаемся с тобой, Том.

— Когда?

— В субботу. Утром есть недорогой поезд, мама считает, что ты можешь вернуться поездом, ведь ты уже не на карантине.

— В следующую субботу? Так скоро?

— Мы будем по тебе скучать, — заявил дядя и, казалось, сам удивился, чуть ли не ужаснулся, своим словам.

Тетя Гвен продолжала:

— Мама и папа передают привет и с нетерпением ждут твоего возвращения. Мама пишет, что Питер тоже очень соскучился, он тоскует и ходит как во сне, ты нужен ему. Придется тебя отпустить, я не вижу другого выхода — разве что усыновить тебя?

"Если они меня усыновят, — мелькнуло в голове у Тома, — я смогу остаться. С другой стороны, лишиться собственной семьи — мамы, папы, брата..."

У Тома защемило сердце. Он не в силах разорваться на части, ему нужно и то и другое: родители, Питер, свой дом — и сад.

— Если вы меня усыновите... — медленно, с усилием начал Том.

— Я просто пошутила, — заверила его тетушка.

Это отчасти успокоило Тома. Ему вовсе не хотелось становиться Китсоном, не хотелось терять собственную семью. Но в такой отчаянной ситуации можно было пойти и на крайние меры. Из письма Питера, из слов тети он понял — отсрочки не будет. Не поможет ни простуда, ни усыновление. Они решили — в субботу утром, и он уедет в субботу утром.

В следующую субботу...

— Ты можешь погостить у нас в будущем году, — предложила тетушка. — Проведешь здесь часть летних каникул.

Том был не в силах соглашаться и благодарить — будущее лето казалось безнадежно далеким, а сердце болело при одной мысли об отъезде — вот-вот разорвется.

Все утро Том прислушивался к тиканью старинных часов, минута за минутой приближающих субботу. Он возненавидел часы. Вдруг он вспомнил прошлую ночь — Хетти откроет футляр, и он, наконец, узнает тайну. Том, сам не зная почему, был уверен — спрятанная надпись имеет огромное значение. У него появилась робкая надежда, что напольные часы помогут ему. Поэтому он стал торопить время. Скорей бы ночь! Как долго тянутся часы до вечера и как близко следующая суббота!

Том написал Питеру, с показным оптимизмом рассказал о саде и обещал написать еще одно письмо завтра. Потом, чтобы отвлечься от тиканья часов, отправился с тетей на прогулку. Том спросил, нет ли поблизости реки, и тетушка пообещала отвести его к реке. Сперва они заблудились, блуждали по каким-то боковым улочкам, пока Том окончательно не перестал понимать, где находится. И тут они вышли на мост.

— Вот твоя река, Том! — торжественно объявила тетя Гвен.

Разумеется, это была та же река. Но как непохожа на реку, которую он видел из окна спальни, на реку за лугом, где они гуляли с Хетти. Никаких лугов — на одном берегу к воде выходят задние дворы домов, по другому тянется заасфальтированная дорожка.

Кто-то удил рыбу с моста.

— Много рыбы наловили? — окликнула его тетя Гвен.

— Нет здесь никакой рыбы, — угрюмо буркнул рыбак.

Рыбак пристроился под объявлением, гласившим: "ВНИМАНИЕ! Заходить в воду, купаться и кататься на лодках запрещено. В случае нарушения муниципалитет ответственности не несет. Ввиду токсичности вода признана неподходящей для подобных целей".

— Что такое токсичность? — спросил Том.

— Вода стала грязной и ядовитой, — объяснила тетя Гвен. — Это все фабрики и новостройки, я полагаю.

Том вгляделся в речную воду. Она не казалась грязной, но мальчик заметил водоросли, покрытые чем-то вроде тускло-коричневого меха, а ведь им полагается быть тонкими и ярко-зелеными. И никаких гусей или уток. Похоже, и рыбы никакой. С другой стороны, в реке полно битых бутылок, а сквозь толщу воды просвечивают консервные банки.

— А где можно купаться и кататься на лодках? — спросил Том.

— В Каслфорде есть пляж. Ты знаешь, что река протекает через Каслфорд?

— Через Каслфорд, Или, Кингс-Линн и дальше к морю.

— Откуда ты знаешь местную географию? — удивилась тетя.

— Услышал где-то, — Том не стал вдаваться в подробности. — А сколько сейчас времени?

— Почти четыре.

И это все? Они отправились домой, смотреть больше было нечего. Еще в дверях Том обратил внимание на тиканье старинных часов. Они отсчитывали время до вечера, и Время становилось Тому другом, но они же отмеряли время до субботы, поэтому Время было его злейшим врагом.

Глава 20

АНГЕЛ ЗАГОВОРИЛ

Том не знал, где этой ночью найдет Хетти. Может, она еще в постели после падения, а может, снова в саду. Вдруг Джеймсу удалось ее уговорить и она уже погрузилась в светскую жизнь.

Том был готов к переменам в своей подруге, но его крайне изумила смена времен года. Он попал в самый разгар зимы. По всему саду искрился на солнце свежевыпавший снег. Да, это был не обычный унылый серенький зимний денек. На деревьях, на кустах, на траве лежал белый покров, и только ниши в живой изгороди, укрытые от снега, наблюдали за Томом глубоко посаженными темными глазами.

В своем роде погода была прекрасная, не хуже летней.

У Тома просто дух перехватило от восторга. Он застыл, очарованный. Но тут из-под куста на краю лужайки вышла болотная курочка — видно, жестокий мороз погнал ее от реки в сад на поиски пищи. Нахохлившись, робко, короткими перебежками, она пересекла заснеженную лужайку и скрылась в зарослях.

Чары разрушились. Том огляделся и заметил — на снегу кроме легких треугольных отпечатков болотной курочки было множество других следов. Женские следы вели из калитки, через лужайку, мимо теплицы и дальше к пруду. Том почему-то сразу понял, что это Хетти, и двинулся следом.

Завернув за угол теплицы, он внимательно оглядел пруд. Да, Хетти была там. Пруд замерз, в одном месте лед был расчищен от снега, там и каталась Хетти, если это только можно назвать катанием на коньках. Она толкала перед собой один из стульев из беседки и ковыляла за ним, пыхтя от напряжения и задевая коньком о конек.

Тем не менее лицо ее сияло от счастья.

Том окликнул ее. Хетти дохромала до края пруда и встала носками вовнутрь — чтобы конькам не пришло в голову разъехаться в разные стороны.

— Хетти, ты же обещала, мы хотели…

— Почему ты стал тоньше?

— Да ты что, я только толстею.

Тетя Гвен на днях заплатила пенни, чтобы он взвесился, и осталась очень довольна результатом.

— Да я не об этом, ты просвечиваешь, — Хетти сама испугалась своих слов. — Я совсем не это имела в виду, я сама не знаю, что говорю…

— Неважно, — перебил ее Том. — Просто помоги мне разобраться, что нарисовано на циферблате напольных часов. Ты же обещала.

— Правда? — Хетти, казалось, не очень понимала, о чем речь.

— Когда ты упала с дерева. Мы потом разговаривали.

— Это же было сто лет назад! Если ты ждал так долго, подожди еще чуть-чуть. Куда ты торопишься? Лучше посмотри, как я катаюсь.

Покраснев, Хетти начала объяснять, что катается все лучше и лучше и скоро сможет выйти на лед вместе с Хьюбертом, Джеймсом, Эдгаром, Берти Кодлингом, с сестрами Чепмен, с Барти-младшим и со всеми прочими.

— А ты любишь кататься на коньках, Том? Ты учился когда-нибудь?

— Да. Только, Хетти, прошу тебя, давай откроем часы, ты же обещала. Мне очень важно понять, что там нарисовано.

Вздохнув, Хетти уселась на свой стул и сняла коньки и ботинки. Потом надела туфли и покорно направилась к дому. По дороге она бормотала что-то вроде: "Объяснение в откровении", во всяком случае, Тому так послышалось.

В прихожей Хетти остановилась и внимательно прислушалась.

— Тетя, должно быть, наверху.

Хетти повернула ключ в замочной скважине и открыла футляр. Пока она нащупывала защелку застекленной дверцы, Том заглянул внутрь. Тени, паутина, маятник раскачивается туда-сюда — поэтому часы и тикают. Маятник оканчивается круглым позолоченным блестящим диском, поверх позолоты вьется надпись, несмотря на колебания маятника ее можно прочесть: "ВРЕМЕНИ УЖЕ НЕ БУДЕТ".

— Времени уже не будет? — удивился Том.

— Ну да — Хетти все еще сражалась с неподатливой защелкой.

— На что не будет времени?

— Нет, нет, ты не понял, подожди…

Она наконец освободила защелку, открыла застекленную дверцу и показала пальцем на надпись внизу, под широко расставленными ногами ангела с книгой.

— Вот! Я так и знала, что это из Откровения, но не могла вспомнить главу и стих.

Том прочел: "Откр. 10, 1–6" и повторил вслух, чтобы запомнить.

— Ш-ш-ш! — прошептала Хетти. — Кто-то идет.

Она быстренько заперла часы и увела Тома в сад.

— Откровение, глава десять, стихи с первого по шестой, — повторял он по дороге.

— Я могу показать тебе свою Библию, — сказала Хетти, но ей явно было неохота возвращаться в дом.

Том вспомнил о Библии Авеля в котельной, и они отправились туда. Том заметил, как легко Хетти открыла дверь — ей даже не пришлось становиться на цыпочки, чтобы достать до железной задвижки. С их первой встречи в саду она явно подросла.

Зимой в котельной все стало по-другому. Трубы в теплице обогревались горячей водой, поэтому в тесной каморке было душно, жарко и светло от раскаленной печки.

Хетти сразу нашла Библию, вынесла наружу и принялась перелистывать страницы, бормоча себе под нос:

— Тит, Филимон, Послание к Евреям, Послание к Иакову, Первое Петра, Второе Петра, Первое Иоанна, Второе Иоанна, Третье Иоанна, Иуда, ОТКРОВЕНИЕ. Откровение — последняя книга в Библии.

Хетти нашла Откровение Иоанна Богослова, и Том заглянул в книгу поверх ее руки. Послышался тихий скрип снега под ногами, и они подняли головы. Из-за угла появился Авель. Может быть, он собирался подбросить дров в печку или скорее — в руках у него была метла — расчистить каток на пруду.

Он застыл как громом пораженный.

Хетти неправильно истолковала его изумление — Авель уставился не на Библию, а на Тома, вернее на Тома с Библией.

— Авель, ты что, сердишься? Мы, то есть я хотела просто кое-что посмотреть в Библии, я быстро.

Авель, казалось, утратил дар речи.

— Мне очень жаль, если ты против.

— Нет, нет… — он с усилием подбирал слова. — В этой Книге Истина и Спасение души. Те, кто читают эту Книгу, — нет, они не могут быть совсем уж проклятыми.

Он приложил руку к груди, словно прося прощения неизвестно у кого, и сразу же ушел, видимо, не желая быть навязчивым. Но Том понял — извинение предназначалось ему.

Том и Хетти вернулись к изучению Библии. Хетти нашла нужную главу и стих:

"И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные, в руке у него была книжка раскрытая. И поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю, и воскликнул громким голосом, как рыкает лев; и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими. И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего. И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет".

У Тома от всех этих величественных облаков, радуг, огней, громов просто голова закружилась — наверно, как и у неизвестного художника, когда-то нарисовавшего картину на циферблате часов.

Но он ничего не понял и так и сказал Хетти.

— Это трудно, — согласилась она. — Наверно, никто в точности не понимает, о чем тут говорится. В Книге Откровения полно ангелов, зверей и всяких странных выражений. Не только в этих стихах.

— Но последние слова — времени уже не будет — что они значат? — настаивал Том. — Я должен понять, это очень важно, эти слова написаны на маятнике, и ангел поклялся в этом, поклялся, что времени уже не будет. Что он хотел сказать?

— Может быть, когда прозвучит Трубный глас, когда настанет конец света, — Хетти запиналась, и Том понял — больше она ничем помочь не сможет.

Она захлопнула Библию, чтобы отнести назад в котельную. Глаза ее сияли — Авель на пруду действительно расчищал каток.

— Времени уже не будет, — бормотал Том, думая обо всех остановившихся часах в мире. — Трубный глас заглушит все тиканье, весь бой часов.

— Времени уже не будет, — повторял он снова и снова, словно эти четыре слова открывали перед ним грандиозные возможности.

Хетти положила Библию на место.

— Том, идешь со мной на пруд? Поглядишь, как я катаюсь.

— Нет, мне надо подумать.

Погруженный в свои мысли, он отвернулся и от нее, и от искрящегося на морозе столь любимого им сада и побрел домой в постель. Ничто не должно мешать ему думать.

Глава 21

ВРЕМЯ СНОВА И СНОВА

Лежа в постели, Том долго размышлял, а потом все-таки заснул. Странные видения всплывали из глубины памяти и смешивались с воспоминаниями о недавних происшествиях. Ему снилось, что настала ночь перед отъездом. Он спускается по лестнице, но ангел сходит с циферблата, вырастает до огромных размеров и огненным мечом преграждает ему путь в сад. Но Том не сдается, и вот ангел отступает в сторону. Том открывает дверь, а там только мощеный двор и мусорные ящики, и посреди двора стоит старая-престарая миссис Бартоломью и сердито кричит:

— Кто трогал Время на моих любимых часах?

На этом месте Том проснулся. Странные образы сновидения отступили, но в голове снова заклубились вчерашние вопросы и обрывки мыслей.

Том начал думать: "Времени уже не будет — это подтверждает ангел с часов. Значит, если Времени должен настать конец, само Время — штука временная. Без него можно обойтись, от него можно спрятаться. Вот бы обхитрить Время и перенести сюда Прошлое — Хетти и сад — отныне и навсегда. Чтобы справиться с этим, нужно понять, как устроено Время".

— Что такое Время? — спросил Том тетю Гвен, явившуюся с утренней чашкой чая. И тетя, решив, что ослышалась, ответила, что скоро семь.

— Что такое Время? Как оно действует? — спросил Том дядю за завтраком.

— Да, тут есть над чем подумать, — ответствовал дядя Алан.

Том слушал внимательно, иногда ему казалось, что он понимает, а иногда он был уверен, что не понимает ничего.

— Но современные теории Времени, я имею в виду самые современные…

Том удивился — неужели теории входят в моду и выходят из моды, как дамские платья? Он упустил дядину мысль, сосредоточился, кажется, что-то понял, окончательно запутался и загрустил.

— Я тоже слышал одну теорию, — сказал Том, когда дядя прервался на чашечку чая. — Я знаю ангела, то есть я знаю об ангеле, который сказал, что в самом конце Времени уже не будет.

— Ах, ангел! — взорвался дядя. Добрая половина чая выплеснулась ему на галстук, что рассердило его еще больше. — Какое отношение ангел имеет к науке?

Том не решился возразить, что сияющая вера ангела выше любой науки.

Дядя Алан, вытирая галстук, объявил, что сыт, и ушел на работу, хлопнув дверью, — на десять минут раньше обычного.

— Зачем ты так, Том, — укоризненно сказала тетя Гвен.

— Откуда мне знать, что он так не любит ангелов?

— Ангелы хороши на своем месте. Дядя верит в них не хуже всякого другого, просто он не выносит споров за завтраком. По утрам у него нервы просто никуда не годятся, не успеешь оглянуться, как он или проглотит завтрак в один присест, или не доест половину, а это ведет к несварению желудка.

— Мне очень жаль, — только и мог ответить Том. Получается, что и тетя, и дядя — все знают, как лучше, только почему-то по-разному.

Вечером, как только Алан Китсон вернулся с работы, жена увела его в уголок для серьезного разговора. Сначала он пытался вставить слово и даже возражать на резких тонах, но вскоре умолк и только слушал, а в конце концов заявил:

— Возможно, ты права, я так и сделаю.

За ужином он величественно извинился перед Томом. Том совершенно оторопел. Казалось, тема Времени исчерпана, но дядюшка решил взять реванш за утро. После ужина он достал бумагу, карандаш и принялся чертить схемы.

— Представь себе, Том, что это определенный момент времени…

Потом он предложил Тому вообразить художника, рисующего пейзаж, и другого художника, который пришел чуть позже и рисует тот же пейзаж, но уже с картиной первого художника на мольберте. Потом приходит третий художник и рисует тот же пейзаж с картиной первого художника и с картиной второго художника, на которой он изобразил картину первого, а потом приходит четвертый…

— Надеюсь, эта метафора многое прояснит. Или посмотрим с другой стороны. Предположим…

Том старательно изображал внимание, стараясь не расплакаться как маленький — все это так важно для него, а понять решительно ничего невозможно.

И тут дядя Алан упомянул о Рипе ван Винкле.

— Вспомни о Рипе ван Винкле, или нет, это ничего не объясняет, лучше возьмем точку на оси времени и обозначим ее, например, А.

Но было поздно — Том уже углубился в размышления о Рипе ван Винкле. Наконец-то дядя Алан упомянул хоть кого-то знакомого. О Рипе ван Винкле Том знал все. Однажды Рип ван Винкль отправился на охоту в горы, дело было в Америке, и он заснул в зачарованном месте. Ему казалось, что он проспал только одну ночь, а на самом же деле прошло двадцать лет. Он это понял, когда вернулся с гор домой, к своей семье.

"Разве я сам не Рип ван Винкль наоборот? — размышлял Том. — Вместо того чтобы отправиться на двадцать лет вперед, я попал на сто лет назад и даже раньше, во времена Хетти. Но я не только не попадаю в одно и то же Время, само Время не идет обычным порядком. Возьмем ель: то она растет, то упала, то опять растет, вот прошлой ночью она стояла как ни в чем не бывало".

Хетти то была его ровесницей, то помладше, а недавно — хотя Том не хотел в этом признаваться даже самому себе — уже переросла его. За неделю летних каникул в саду прошло, вероятно, лет десять.

— То есть можно сказать, — задумчиво произнес Том, возвращаясь к разговору, который благополучно прослушал, — можно сказать, что у разных людей время течет по-разному, хотя они все являются кусочками одного общего Времени?

— Ну, можно сказать и так. Хотя я бы выразился точнее…

— А я каким-нибудь образом могу попасть в прошлое? — спросил Том напрямик. — Или она (он в первый раз подумал о времени с точки зрения Хетти) сможет шагнуть в мое Настоящее, которое покажется ей Будущим?

— Будет понятнее, Том, если мы вернемся к точке А…

Но Том перебил дядюшку:

— Как бы то ни было, она не будет привидением из Прошлого, а я не буду привидением из Будущего. Ни она, ни я не привидения, и сад тоже. Вот все и улажено.

— О чем ты говоришь? — разозлился дядюшка. — Какие привидения, какой сад? Что улажено? Мы рассуждаем абстрактно, просто размышляем…

— Но если кто-нибудь сумеет попасть из одного Времени в другое, это будет доказательством.

— Доказательством чего? — заорал дядя Алан. Том даже испугался, но дядюшка сумел взять себя в руки. — Немногого же я достиг, если

даже не сумел донести до тебя, что в Теории Времени доказательства… нет, подумать только, доказательства!

По-видимому, про Время, как про настоящих преступников, ничего не докажешь.

Но Тома это не смутило, он и так был доволен. Отталкиваясь от слов ангела, он почти постиг природу Времени. Мальчик еще не совсем понимал, как это новое знание можно практически использовать, но в груди у него нарастало теплое, волнующее ощущение близкой — полной — окончательной разгадки.

Оттого в ночь со среды на четверг Том вышел в сад совсем в другом настроении. В саду по-прежнему царила зима, но Том, внимательно оглядевшись вокруг, подумал: "Да, зима, но осмелюсь спросить, та ли зима? Не попал ли я в другой отрезок времени? И куда — раньше или позже?".

Обходя сад, Том наткнулся на ответ — в живой изгороди появилась калитка, ведущая на луг. Прошлой ночью ничего подобного не было, он бы заметил. Старая, покосившаяся калитка явно появилась не вчера.

Замерзший гравий на дорожке потрескивал под ногами. Том дошел до калитки и осмотрелся. Вместо летней травянистой низины — сплошной лед, а вдалеке, где лед получше, скользят по ровной поверхности конькобежцы, окликают друг друга, смеются.

Том почувствовал себя лишним. Несомненно, Джеймс добился своего — Хетти завела новых друзей. А вот, наверно, и она сама — одна из девочек, что катается вместе со всеми, но вдруг свернет в сторону, чтобы побыть одной. Привычка к одиночеству даром не проходит и остается на всю жизнь.

Юноши наломали изогнутых ивовых веток для клюшек, вместо мяча нашли камень и собрались сыграть в хоккей с мячом на льду. Девушки столпились вокруг, смеясь и болтая.

Одинокая фигурка отделилась от остальных и заскользила по льду через луг, прямо к калитке. Хетти — а это действительно оказалась Хетти — увидала Тома.

— Ну, наконец, я заметила какую-то тень и понадеялась, что это ты!

Хетти смотрела на Тома как-то неуверенно. Красиво затормозив, она открыла калитку в сад.

— Как же я рада! Это ты, Том! Я скучала по тебе, несмотря на сестер Чепмен, хоть с ними и весело, несмотря на Барти и других, даже несмотря на коньки! Том, до чего же я люблю кататься! Я бы по льду хоть на край земли укатила! Я свободна, как птичка, раньше такого никогда не было! Я хочу убежать далеко-далеко! Ну, пойдем же! — она затащила Тома на лед, как он ни сопротивлялся.

Том почувствовал гладкость льда под босой ногой. Лед чуть-чуть пружинил и колебался под весом Хетти, как пол в танцевальной зале. Очарование льда захватило Тома, загадка времени была забыта. Он позабыл обо всем.

Хетти понеслась вперед, Том за ней, по такому великолепному льду Том в жизни не катался. На дорожках, которые раскатывали они с Питером, такого скольжения добиться не удавалось. Но Хетти обгоняла — он двигался по земле, а она летела как птица.

— Том, — Хетти вихрем пронеслась мимо него, — где твои коньки?

— Мои коньки? — простонал Том в ответ.

У него не было своих коньков, на городском катке он катался на прокатных. У дяди и тети, конечно, тоже не было коньков, и они очень удивятся, если ему посреди лета срочно понадобятся коньки.

У Тома в голове вдруг словно свет вспыхнул — яркий ледяной свет. Ему на ум пришла блестящая идея — самая смелая идея в его жизни.

Он простер руки, умоляя Хетти, чтобы она его выслушала.

— Скажи, где ты держишь коньки, когда они тебе не нужны?

— В шкафу для обуви в прихожей. Весной я промасливаю ремешки, смазываю лезвия жиром, заворачиваю коньки в бумагу и убираю на верхнюю полку.

В шкафу в прихожей не было никаких коньков, это Том знал точно. На полках хранились только инструменты и средства для ухода за автомобилем, принадлежащие рыжебородому соседу. Давным-давно, когда все Мельбурны умерли или переехали, коньки достали из шкафа и продали, а может, отдали или выбросили. Так или иначе, для него они потеряны.

Не успела Хетти закончить объяснение про обувной шкаф, Том понял — это неподходящее место для коньков: конечно, им нужно сухое и надежное, но прежде всего секретное место.

— Хетти, можешь пообещать мне кое-что?

— Что?

— Сначала обещай.

— А вдруг это неправильно или опасно?

— Ни то ни другое. Я прошу тебя дать обещание заранее, а то вдруг ты скажешь, что это слишком глупо — а это, поверь, совсем не так.

— Скажи, в чем дело, я пообещаю, если смогу.

Большего ему добиться не удалось, пришлось удовлетвориться этим.

— Я только хотел попросить тебя класть коньки, когда они тебе не нужны, в тайник, который ты мне показывала, — под полом в стенном шкафу, в спальне.

— Туда, — протянула Хетти, похоже, она давненько не вспоминала о тайнике. — Что за ерунда, зачем держать там коньки?

— Неужели трудно пообещать? Пускай ерунда, но вреда в этом нет никакого. Какая тебе разница?

— Это важно для тебя? Почему? — Хетти явно была озадачена.

— Долго рассказывать. Обещай — дай честное слово — всегда держать коньки в тайнике, когда не катаешься. О нем больше никто не знает? — вдруг испугался Том.

— Я не говорила никому, кроме тебя. Но, Том…

— Дай честное слово, ты сказала, что пообещаешь, если сможешь.

Том все-таки настоял на своем.

— Я не понимаю, зачем это нужно, но ладно, обещаю, клянусь честью.

Том безоговорочно ей поверил. Он повернулся и заскользил по льду обратно к калитке.

— Эй, — крикнула Хетти вслед. — А если я перееду? Получается, я пообещала оставить коньки здесь?

Она была совершенно права. Но Том не остановился. Он слышал голос Хетти у себя за спиной, слышал возгласы конькобежцев, зовущих ее обратно, недоумевающих, зачем она торчит у калитки совсем одна.

Он вернулся в дом, поспешно поднялся по лестнице, вытащил тапочку и запер входную дверь. Он собирался пробыть дома не больше пяти минут, а потом снова выйти в сад и всю ночь кататься вместе с Хетти.

Ему даже не нужен был свет. Том на ощупь открыл дверцу шкафа и нашарил нужную трещину. Пришлось достать перочинный ножик из кармана брюк, чтобы поддеть доску. Он нащупал в тайнике два довольно больших предмета в оберточной бумаге. И тут послышался звук открываемой двери — двери в спальню дяди и тети. Наверно, он от волнения действовал не так тихо, как собирался. Они услышали шум, сейчас они явятся сюда.

Он тихонько прикрыл дверцу шкафа — лишь бы не защелкнулась — и скользнул в постель. Как раз вовремя, секундой позже в спальню вошла тетушка и зажгла свет. Чтобы она не обратила внимания на звук скрипнувших пружин, когда он ложился, Том заворочался, не открывая глаз, и слегка застонал — пусть думает, что ему приснился страшный сон. Тетя Гвен нагнулась и пощупала ему лоб — нет ли жара, легонько поцеловала его и ушла. Дверь она оставила приоткрытой. Она вернулась в свою комнату, но Том так и не услышал звука закрываемой двери. Она оставила открытыми обе двери.

Том лежал с широко открытыми глазами, дрожа от нетерпения. Малейший шум — и тетушка вернется, не зря она не закрыла двери. Придется подождать, пока она снова уснет, а это еще когда будет.

Первым заснул Том, и ему приснилось, что он катится на коньках на край земли, к концу времен.

Глава 22

ЗАБЫТОЕ ОБЕЩАНИЕ

Наступило утро четверга. Том проснулся и первым делом подумал, что прошлой ночью упустил драгоценную возможность вернуться в сад. Вторая мысль была о тайнике в стенном шкафу.

Он уже не был уверен, наяву или во сне он обнаружил тайник, но вот приподнятая доска и рядом — перочинный нож. А вот и два свертка в коричневой оберточной бумаге. Том развернул их — внутри обнаружились коньки, все еще прикрученные к ботинкам. В тайнике лежал листок бумаги. Том достал его и прочел:

"Кто бы их ни нашел. Эти коньки являются собственностью Харриет Мельбурн, а здесь оставлены по просьбе одного мальчика".

Записка была подписана и датирована 20 июня. Год был смазан — здесь вздумалось умереть какому-то жучку. Том разобрал только две первые цифры: один и восемь.

Большую часть дня Том провел, любуясь коньками Хетти — своими коньками. Они выглядели старомодно, да и стиль катания предполагали старомодный. Лезвия заканчивались длинными загнутыми носами, удобными для катания на открытом воздухе, что предоставляло конькобежцу отличную возможность миля за милей скользить по неровной поверхности замерзших болот.

Том был без ума от коньков. Дяде и тете он ничего не сказал, сам отыскал наждачную бумагу в дядином ящике с инструментами и отчистил ржавчину с лезвий. Позаимствовал бутылочку оливкового масла из тетиной кладовой и промазал деревянные задники и пересохшую кожу ботинок и ремешков. Он примерил ботинки: почти впору, разве что чуть-чуть великоваты, но это даже хорошо, можно надеть две пары носков.

Пока Том смазывал ботинки, ему пришло в голову решение, которое он так давно искал. Полная и окончательная разгадка загадки Времени.

Тетя ушла за покупками, поэтому Том свободно расположился за кухонным столом. Он сидел лицом к кухонным часам, и часы, казалось, пристально наблюдали за ним. И Том вдруг подумал — каждую ночь, много ночей подряд, он смотрел на часы, возвращаясь из сада, сначала с недоверием, а потом с огромным удивлением. Обычно несколько минут уходило на то, чтобы спуститься, а потом подняться по лестнице, но сама прогулка по саду времени не занимала вообще. Сколько бы он ни находился в саду, кухонные часы этого не замечали. Там он бывал подолгу, а тут не проходило даже доли секунды обычного времени. Вот что, наверно, значил тринадцатый час на старинных часах: Время после двенадцати не считается, оно не подчиняется обычным законам, час не состоит из шестидесяти минут, он растягивается до бесконечности.

Том натирал маслом ремешки коньков. Доводы казались неопровержимыми: он может провести в саду столько времени, сколько захочет. Он получит и то и другое, и сад, и свою семью. Он может навсегда остаться в саду, а его все равно будут ждать дома в субботу. В четверг время остановится, подождет, а дальше двинется, только когда он вернется из сада в квартиру.

— Я останусь в саду навеки, — сказал Том кухонным часам и засмеялся от радости. Нет, "навеки" звучало слишком торжественно и одиноко, Тома бросило в дрожь, но он подумал, что попробовать-то можно.

"Сегодня ночью останусь на пару дней, на недельку, или даже на целый год, а если надоест — всегда можно вернуться. (На самом деле он имел в виду — если соскучусь по дому.) А там еще пятница, можно будет опять задержаться подольше и вернуться, когда все посмотрю и все сделаю".

Том возился с коньками и думал об удовольствиях, которые ждут его в саду. И вот коньки блестят как новенькие, решение принято, на душе спокойно. Том готов к предстоящей ночи.

Одно нехорошо — только перед самым сном Том вспомнил, что со вторника не писал брату.

— Ничего страшного, — сказала тетя, укладывая его в постель.

— Но я обещал писать.

— Обещания надо выполнять, но я уверена, ты ненарочно. Да это и неважно, ты увидишь Питера послезавтра.

Но Том знал — это очень важно. Нарушенное обещание — само по себе плохо, но Том был уверен, не получив письма, Питер будет в отчаянии. Брат нуждался в его письмах — они будили воображение, питали мечты. "Пиши мне еще о саде и о Хетти, — умолял он Тома. — Что ты делаешь? Пожалуйста, сообщай, что ты собираешься делать..."

— Прости, Пит, — горестно прошептал Том в подушку. Он надеялся, что Питер уже пережил горечь его предательства. Питер ложился спать раньше Тома, возможно, для него этот день разочарований уже закончился.

Но Том ошибался, Питер еще не спал. Сегодня не было письма, и он не понимал почему — Том обычно не нарушал слова. Питер ничего не знал о том, что случилось прошлой и позапрошлой ночью, о том, какие

тайны открыл его брат, какую замечательную штуку он собирается учудить сегодня.

Питер лежал с открытыми глазами в полумраке спальни и даже немножко поплакал, потом слезы высохли. Ему ужасно хотелось к Тому — узнать, что он делает. Наконец Питера сморил сон. Засыпая, он взглянул на открытку с видом Или на каминной доске.

Заснул и Том, но вовремя проснулся. Натянул две пары носков. На этот раз он оставил в двери обе тапочки и с коньками под мышкой спустился вниз. Конечно, в саду могло уже наступить другое время года, но Том был уверен — там зима. Открыв дверь, он понял, что не ошибся. Деревья и кусты сковал мороз, нигде не было никаких признаков жизни. Сад казался высеченным из камня.

В глубочайшей тишине Том услышал, как кто-то нерешительно прошептал его имя. Он обернулся — в прихожей стояла Хетти, тепло укутанная, в меховой шапке, с меховой муфтой.

— Я не была уверена, это ты или просто игра света.

— Разумеется, я, — Том даже удивился — что у Хетти со зрением?

— Я надеялась, что ты появишься, именно ты и никто другой. Смотри!

Хетти высвободила одну руку из муфты, оказалось, что внутри спрятана пара коньков. Том в ответ показал свои. Хетти удовлетворенно кивнула, но сходство обеих пар ее не поразило. Она не знала того, что знал Том.

— Джеймс сейчас спустится. Сегодня его очередь ехать на ярмарку в Каслфорд, и он берет меня с собой. Он и не догадывается, что я собираюсь прокатиться на коньках до самого Или.

— А у тебя получится? — произнес Том с благоговением.

Хетти его не поняла.

— Конечно, так не положено, настоящие леди так не поступают, но я никому не скажу, а поехать одной будет еще неприличнее…

— Я имел в виду — река уже замерзла?

— Промерзла насквозь — дедушка Авеля сказал, что не припомнит таких долгих и сильных морозов. Лед встал отсюда до самого Каслфорда и дальше до Или. У нас тут лед ненадежен, слишком близко к истоку, но ниже, за Каслфордом, лед крепкий. Том, поедешь со мной?

Том был в восторге и в ужасе одновременно.

— Прямо сейчас? Не заходя в сад? Даже на минуточку?

— Сад никуда не денется, — уговаривала Хетти. — А такие морозы…

Оборвав себя на полуслове, она обернулась — кто-то спускался по лестнице. Том моментально передумал и юркнул Хетти за спину — сад подождет, он пойдет с ней.

Это оказался Джеймс, тоже тепло одетый. Он поздоровался с Хетти и снял с полки в прихожей большую сумку и пару толстых дорожных пледов. Все трое вышли через парадную дверь дома Мельбурнов — этой дверью Том никогда еще не пользовался. Снаружи на дорожке ждал Авель, держа под уздцы запряженного в повозку пони. Авель взглянул на Тома без прежнего ужаса. "Вот уж не думал увидеть тебя снова", — ясно читалось у него на лице.

Они уселись в повозку, Джеймс и Хетти закутались в пледы, Авель улучил момент и дружески подмигнул Тому. Джеймс стегнул пони вожжами, и они тронулись: вдоль подъездной аллеи, дальше по дороге — с одной стороны фруктовый сад, с другой луг. У беленого домика повернули направо, миль пять проехали быстрой рысью по заледеневшей дороге среди замерзших полей и лугов. На востоке виднелись низкие холмы. На этой плоской равнине они казались спящими великанами. Невидимая с дороги река оставалась на западе. И река, и дорога шли в одном направлении — в Каслфорд. Том уже был на этой дороге раньше, с дядей и тетей, но тогда весь вид загораживали дома. К тому же он никогда в жизни не ездил в повозке, запряженной лошадью, — только на автобусе или в автомобиле. Том завороженно следил, как движутся мышцы на крупе пони, всем телом ощущал, как жестко пружинят на ходу колеса без шин.

В Каслфорде царила обычная толчея базарного дня. Джеймс оставил пони и повозку в "Университетском гербе" (странное название для гостиницы, ведь в Каслфорде не было университета). Похоже, сюда съехалось немыслимое множество фермеров, мельников и торговцев со всей округи. Джеймс повесил кошелку на руку и собрался уходить.

— Подвезти тебя обратно, Хетти?

— Спасибо, кузен Джеймс, я еще не знаю, когда буду возвращаться.

— Ты всегда можешь поехать на поезде, — ответил Джеймс, и они расстались.

Многие на улицах Каслфорда несли в руках коньки. Кое-кто направлялся на реку, под мост. Там, между пологих травянистых берегов, лед хорошо застыл, но места для катания было маловато. Хетти требовалось кое-что получше. Она нырнула в узенький проулок, свернула — Том вслед за ней — на улицу с газовыми фонарями и вывела Тома к широко разлившейся реке на выходе из города. Тут уже

начиналась страна болот, и в реку впадало множество проток — ручейков, каналов, дренажных канав. Некоторые — совсем прямые — несомненно, были делом рук человека, другие с давних времен так и текли в своих извилистых руслах. Знакомая речушка, журчащая среди лугов за садом, превращалась здесь в Большой Уз. Пройдя Или, река, поглотив все маленькие речки, Ларк, Уисси и другие, привольно разливалась в большущий Уз и текла себе спокойно, пока ее в свою очередь не поглощало огромное море. Да, только Том попал на болота, когда все эти реки сковал небывалый, незабываемый мороз.

Глава 23

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОНЬКАХ

В ту зиму жестокий мороз начался в конце декабря и продержался, если не считать более теплой недели в январе, до начала марта. Льды сковали даже реки с быстрым течением. В верховьях застыли колеса водяных мельниц, остановились баржи, в те времена курсировавшие вверх по реке от Кингс-Линна до самого Каслфорда.

Вся Англия оказалась под властью стужи. Кое-где на льду жарили быков целиком, как будто толстый лед именно для этого и нужен. В Оксфорде, к огромному удовольствию всех присутствующих, карета, запряженная шестеркой лошадей, выехала на середину замерзшей реки Чаруэлл. Но жители Каслфорда знали, как лучше всего, правильнее всего, интереснее всего использовать лед, — они катались на коньках.

В Каслфорде на коньках катались уже несколько недель. Тому и Хетти показалось — на лед вышел весь город. Даже в базарные дни в городе не бывало столько народу, сколько встало на коньки этой зимой.

Вовсе не все умели хорошо кататься. Много было начинающих. Вот мимо проплыл величавый полисмен, похожий на темно-синего лебедя, а рядом конькобежцы катались на новый лад.

— Называется фигурное катание, — объяснила Хетти Тому.

На льду лежал апельсин, и четверо величественных джентльменов в цилиндрах синхронно вычерчивали фигуры вокруг него — к нему — от него.

Вдруг какой-то уличный мальчишка на ржавых, кое-как прикрученных проволокой к башмакам лезвиях ворвался в круг, схватил апельсин, впился в него зубами и был таков. Он моментально скрылся с глаз за движущейся толпой, а фигуристы разочарованно застыли на месте.

Хетти вместе с Томом смеялась над дерзким воришкой, но при этом все время боязливо оглядывалась. Среди горожан и жителей окрестных деревушек кто-нибудь мог ее узнать и удивиться, почему она катается в одиночестве. Но Хетти повезло — никто не обращал на нее внимания.

Но вот коньки надеты, Хетти и Том готовы выйти на лед: двое конькобежцев на одной паре коньков. Тому казалось, что это самая странная и в то же время самая естественная вещь на свете. У него прибавилось сил и умения, как будто коньки знали свое дело лучше конькобежца: на коньках Хетти он покатил не хуже самой Хетти. Единственная разница — его лезвия не оставляли следов, он словно двигался, не касаясь льда.

Они не взялись за руки — это выглядело бы странно со стороны, но выбравшись из плотной толпы катающихся, заскользили бок о бок, в одном ритме. Был безветренный день, и они мчались, рассекая воздух, все быстрее и быстрее.

Ради свободы движения Хетти подколола юбку выше лодыжек и вынула руки из муфты. Она размахивала руками в ритме бега, муфту на тесемке отнесло назад, и вдруг тесемка оборвалась, меховой шар улетел и попал в гущу хоккеистов, да там и остался, каким-то образом

став частью игры. Больше они муфты не видели. Хетти заметила исчезновение муфты, но не обернулась, не сбилась с шага, как будто ей дела не было ни до муфт, ни до нарушений приличия, ни до тетушек. Они покатили дальше.

Каслфорд остался позади, они добрались до шлюза. Ворота замерзли, водослив тоже. Пришлось выбираться на берег, обходить шлюз и снова спускаться на лед. Промчались под мостом, и даже под мостом лед держался крепко. Все переправы замерзли, и паромщики грустно стояли возле вмерзших в лед лодок.

Хетти и Том скользили все дальше и дальше. Теперь среди конькобежцев, которых они встречали, явно преобладали мужчины. Девушек было очень мало, и ни одной без спутников. На берегу показалась одинокая пивная, вывеска на ней гласила: "Не торопись — отсюда до любого места пять миль, не меньше". На скамейке отдыхали конькобежцы — работники с окрестных ферм. Они весело окликнули Хетти, приглашая в свою компанию. Они кричали до тех пор, пока она не ответила, что катается не одна, даже если ее спутника им не видно. Парни сочли это отличной шуткой, не обиделись на отказ, а только рассмеялись, и Хетти рассмеялась в ответ. Том тоже засмеялся, но его смеха не услышал никто, кроме Хетти.

Они катили и катили, яркое солнце уже клонилось к закату, и темная тень справа от Хетти, хорошо заметная на блестящем льду, все удлинялась. Иногда они держались главного русла, иногда бежали прямо по разлившейся и замерзшей воде. Только прибрежные ивы наблюдали за ними да лед свистел под коньками.

Они больше не болтали, даже ни о чем не думали, руки, ноги, все тело ломило от ритмичного, неустанного как маятник движения. Вдруг Хетти закричала:

— Смотри, Том, башня кафедрального собора в Или!

Но башня собора в Или играла с путешествующими по реке злую шутку. Еще долго Том и Хетти катили вперед, а башня все не приближалась. Из-за изгибов реки она каким-то непостижимым образом оказывалась то справа, то слева. Но наконец, башня явно стала ближе, начала исчезать за соседними крышами, а река в очередной раз изогнулась, огибая город.

Они выбрались на берег. Хетти отвязала коньки и осталась в ботинках для катания, других у нее не было, Том перекинул через шею ботинки с коньками и пошел в носках.

Они направились прямо к собору и вошли через главные западные ворота. Зимнего солнца не хватало, чтобы осветить громадное пространство собора. В полумраке шли они по среднему нефу к восьмиугольной осветительной башне над средокрестием. "Своды собора — как маленькое небо, — подумал Том, — мы идем и идем, а если посмотреть наверх, кажется, что почти не сдвинулись с места". Хетти задыхалась от восторга.

— Никогда не думала, что на свете бывает что-нибудь такое огромное и прекрасное!

Мимо прошел церковный сторож.

— Спроси, можно ли подняться на башню, — шепнул Том.

Она обернулась и задала свой вопрос. Сторож ответил, что юная леди может подняться на башню, если через десять минут подойдет к купели в западной части собора. Это будет последнее восхождение на сегодня, цена шесть пенсов.

Они потратили эти десять минут на осмотр собора. На выходе из Придела Богоматери Том задержался перед мемориальной доской некого мистера Робинсона, знатного горожанина, 15 октября 1812 года в

возрасте семидесяти двух лет сменившего Время на Вечность. Том подумал, что он и сам собирается повторить его попытку — променять обычное Время, неуклонно движущееся к субботе, на бесконечное Время — Вечность — в саду.

— Сменил Время на Вечность, — произнес Том вслух, но стены собора не отозвались на его слова даже легчайшим эхом. Вокруг царила ужасающая тишина.

Хетти обернулась посмотреть, где застрял Том. Она тоже прочла надпись, и ее внимание привлекла та же причудливая фраза.

— Сменил Время на Вечность, — громко прочла она.

— Время… Вечность… — отозвалось эхо.

Ее голос и эхо нарушили тишину, и Том почему-то приободрился.

Он импульсивно повернулся к Хетти — он доверится ей, расскажет, что задумал. Прямо сейчас!

Но Хетти уже смотрела на купель: там начали собираться люди, и она поспешила к ним присоединиться. Тому не хотелось ее задерживать, он и сам мечтал подняться на башню, поэтому двинулся следом. Можно поговорить и попозже, по дороге домой, времени хватит.

Глава 24

ВСТРЕЧА БРАТЬЕВ

В ночь на пятницу Питер Лонг спал совсем недолго и проснулся мрачный: он не видел во сне сада. Том так хорошо все описывал в своих письмах, что Питер ночь за ночью ухитрялся видеть сад во сне. А вчера

письма не было, поэтому Питер ничего не знал о планах брата. Ему ужасно хотелось хоть во сне увидеть, что делает Том, — но сад ему так и не приснился. Вместо этого приснилась высокая серая башня, похожая на корабль, парящий над окружающей равниной. Он не понимал, что это за башня, пока не заметил на каминной доске едва различимую в тусклом свете уличного фонаря открытку из Или.

Он снова закрыл глаза, отгораживаясь от собора. Попытался сосредоточиться на Томе — что он может сейчас делать? Начал считать, чтобы снова заснуть. Он не стал считать овец, прыгающих через перелаз в изгороди, ведь в саду не было ни овец, ни перелазов. Он просто считал.

Сон подступал. В полудреме Питеру казалось, что он вот-вот отыщет и брата, и сад. Надо просто следовать за Томом… Он уже спал, но и во сне продолжал считать. Не просто одно число за другим, теперь он считал ступеньки. Питер опять не попал в сад, вместо этого он поднимался по винтовой лестнице внутри серой башни. Даже во сне мальчик почувствовал досаду — снова этот кафедральный собор в Или.

Почти три сотни ступенек до вершины башни, если быть точным — двести восемьдесят шесть. По крайней мере, именно столько насчитал Том, пока лез вверх. Он шел последним в цепочке посетителей, Хетти — прямо перед ним.

Наконец они выбрались через узкую дверцу на крышу башни и глянули вниз поверх парапета. Они выше всех! Внизу виднелся главный неф собора, а дальше — городские крыши с черными провалами труб, дымящихся по случаю мороза. Поднялся легкий ветерок, и дымки больше не устремлялись прямо вверх. Тишину нарушали только шум ветра и пыхтение поезда на станции Или.

Весь маленький городок лежал перед ними как на ладони. С одного края — замерзшая белая река, видно, как сверкает в закатном солнце

лед. Дальше по течению все исчезает в вечерней дымке — и Литлпорт, и Денвер, и Кингс-Линн, и море. Оглянувшись назад, в сторону Каслфорда, Том и Хетти пришли в восторг — сколько же они сегодня пробежали на коньках.

Смотритель махнул рукой вдаль, утверждая, что видит шпили Каслфорда, а потом повел туристов на другую сторону крыши взглянуть на Питерборо. Хетти пошла вслед за ним.

Том остался смотреть на Каслфорд в одиночестве, но вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть. Какой-то опоздавший посетитель поднялся по винтовой лестнице, вышел на крышу и встал у него за спиной. Даже не оборачиваясь, Том понял, что это Питер.

В тот самый момент Хетти обернулась посмотреть, куда делся Том. Вместо одного мальчика стояли два — оба в пижамах и очень похожие друг на друга. Второй мальчик казался таким же тонким, каким с недавнего времени стал Том — парапет просвечивал сквозь них обоих. Хетти ничего не могла понять.

— Том, ну где же сад? — недовольно спросил Питер. — Я думал, вы с Хетти сейчас в саду.

Том ответил без обиняков, потому что всем сердцем почувствовал — времени мало и с каждой минутой становится все меньше.

— Сад остался там, — он показал в направлении Каслфорда, — зато Хетти здесь.

— Где? Я ее не вижу.

Том показал пальцем, и Питер увидел, что одна-единственная посетительница на другом краю крыши смотрит в их сторону.

— Вот она, прямо напротив тебя, держит в руках коньки.

— Да ты что! — возмутился Питер. — Это не Хетти, а какая-то взрослая тетка.

Том взглянул на Хетти, словно увидел ее в первый раз, да так и остался стоять с раскрытым ртом.

— Время! — объявил смотритель. — Прошу вас, леди и джентльмены, пора спускаться!

Туристы столпились у дверцы на лестницу. Только Хетти и два мальчика не двинулись с места.

— Она же взрослая! — повторил Питер.

Хетти шагнула к ним, Питер сделался еще прозрачнее.

— Кто это? Кто это был?

И Том, не оборачиваясь, понял — Питера больше нет рядом, он истончился и исчез.

— Он был похож на тебя, — прошептала Хетти. — Как будто ненастоящий.

— Поторопитесь, леди, — позвал смотритель. Странная девушка, разговаривает сама с собой, такая молодая, а уже с головой не в порядке.

— Это был мой брат Питер, — запинаясь, объяснил Том. — Но он настоящий, как и я. Меня-то ты считаешь настоящим?

— Собираетесь попасть сегодня домой, мисс? — нетерпеливо спросил смотритель.

Хетти огляделась вокруг и вдруг заметила: солнце село, в окнах зажглись желтые огоньки, болота погрузились во мрак, изгибов реки больше не видно.

— Как поздно! — испуганно вскрикнула Хетти. — Нам надо торопиться!

— Нам? — переспросил смотритель. — Это вам надо бы поторопиться. А я только вас и жду.

Но Хетти уже спускалась по винтовой лестнице, и Том наступал ей на пятки. Смотритель, ворча себе под нос, запер дверь и двинулся вслед за ними.

В башне было темно как ночью. Том понимал, что в темноте Хетти еще больше тревожится — как им теперь добраться домой.

Смятение и спешка мешали Тому спокойно обдумать странное появление брата и их короткий разговор наверху башни. Каким образом мог Питер очутиться в Или? Появится ли он снова?

Нет, не появился. Питер Лонг у себя дома очнулся от дурного сна, почти кошмара. Он лежал, припоминая обрывки странного сновидения. Он считал, нагоняя сон, и досчитал до двухсот восьмидесяти шести. Потом очутился где-то очень высоко. Ему туда совсем не хочется, потому что сад невероятно далеко, но тут он видит Тома, Том ему на кого-то показывает и говорит: "Это Хетти!". Он вспомнил собственный крик: "Какая Хетти, она же взрослая, а вовсе не девочка!" Он смотрит на Тома — до того, наконец, доходит. Питер видит странное, удивленное, испуганное лицо брата.

Том и Хетти поспешно покинули собор и вернулись к реке. Конькобежцы из Или уже заканчивали катание, кажется, только они двое надевают, а не снимают коньки. Трое старичков, удобно расположившихся на берегу, так что им была видна река, сочли, что возраст и опытность дают им право обратиться к Хетти с советом. Один из них спросил, куда она собралась так поздно, и когда Хетти ответила: "В Каслфорд", все трое дружно покачали головами.

— Лед вряд ли продержится, — заявил один. — Юго-восточный ветер несет дождь и оттепель.

Легкий ветерок, начавшийся, когда Том и Хетти были на башне собора, теперь усилился. Стало гораздо теплее. Даже дующий прямо в лицо мягкий, теплый ветер показался Тому приятнее, чем мороз.

— Я слышал, выше по течению кто-то провалился под лед, — добавил второй старичок. — Он не утонул, друзья успели положить на лед лестницу и вытащить его. Там осталась полынья, и лед вокруг ненадежный, будьте осторожны. Где это случилось, Мэтью?

Первый старичок точно не знал, зато третий был уверен, что полынья очень большая, и Хетти непременно ее заметит, когда окажется рядом. Но ей, конечно, надо опасаться ненадежного льда под мостами, возле деревьев и зарослей камыша.

Первый старичок посоветовал Хетти вернуться поездом.

Хетти поблагодарила, но продолжала затягивать ремешки коньков. Том подумал, что она очень храбрая. Хетти весело попрощалась со старичками, они с серьезным видом пожелали ей удачи, а один крикнул вслед, что сегодня, на ее счастье, полнолуние. Когда они оказались вне пределов слышимости, Хетти объяснила, что на поезд от Или до Каслфорда у нее не хватит денег.

Навстречу им катили возвращающиеся домой горожане, но скоро они миновали последних и очутились в одиночестве. Пора поговорить с Хетти, хотя у нее нет охоты болтать — она скользила по льду, напрягая последние силы. Том искоса посматривал на нее, обдумывая слова Питера, да так и не заговорил.

Как предсказывал добрый старичок, взошла полная луна, окруженная ореолом. Возможно, это предвещало дождь. Луна ярко освещала путь, но почему-то дорога показалась им еще пустыннее, и лунный свет только усиливал чувство одиночества. Было очень тихо, лишь ветер шумел да лезвия коньков свистели по льду. Тишина не радовала ни Хетти, ни Тома, но ни один не произнес ни слова. В молчании скользили они в лунном свете, одни в целом мире.

Впереди на правом берегу показалось что-то темное и высокое — столб ил и ствол дерева футов шести в длину. Хетти и Том не обратили на столб особого внимания, пока он вдруг не сдвинулся с места.

Хетти вскрикнула, но не остановилась, словно не в силах замедлить бег, на повороте реки луна ярко осветила ее лицо. Человек на берегу — ибо это был человек — казался черным и неестественно высоким, потому что луна светила ему в спину. Он так внимательно всматривался, что Том догадался — незнакомец наблюдает именно за ними.

Ближе, еще ближе, почти поравнялись. Фигура на берегу снова шевельнулась, и до них донесся то ли оклик, то ли вопрос: "Мисс Хетти..."

Хетти споткнулась и налетела на Тома.

— Вы кто? — отозвалась она, но Тому показалось, что в отличие от него, она узнала голос.

Она замедлила бег и повернула к берегу.

— Это я, Барти-младший.

— О, Барти, как я рада вас видеть! — закричала Хетти, от облегчения позабыв о скромности.

Он подошел к самой кромке льда — приятный молодой человек в плаще с капюшоном и крагах.

— Куда это вы направляетесь так поздно и совсем одна, да еще на коньках?

— В Каслфорд. Оттуда на поезде или пешком. Надо же как-то попасть домой.

— Домой попасть надо, — согласился Барти. — Давайте я вас подвезу.

Оказалось, он возвращается с ярмарки в Каслфорде на своей двуколке, а к реке свернул, чтобы проверить состояние льда. Тогда-то Том с Хетти и заметили его.

К счастью, лошадь с повозкой, невидимые с реки, оказались всего в нескольких ярдах, на другой стороне дамбы. Барти-младший помог Хетти взобраться на дамбу. Лошадка дремала в оглоблях, освещенная желтым пламенем фонарей — первый теплый свет после ламп и свечей в окнах Или. А впереди проселок сливался с главной дорогой на Каслфорд и домой.

Все погрузились в двуколку — Барти, Хетти на другом краю сиденья, а в середине хватило места и для Тома.

— Довезу вас до Уотербич, — предложил Барти, — и посажу на поезд до Каслфорда. Простите меня за нескромный вопрос — вам хватит денег на билет? Если нет, могу одолжить.

— Вы очень добры, — чинно отвечала Хетти. — Сожалею, что из-за меня вам придется сделать крюк.

Ничего страшного, ему почти по дороге, он едет домой, на отцовскую ферму. Ухитрившись впрямую ни разу не соврать, Барти-младший дал понять, что для него это сущее удовольствие. Дальше ехали в молчании.

В Уотербич обнаружилось, что последний поезд на Каслфорд уже ушел.

— Ладно, довезу вас до Каслфорда, — радостно заявил Барти-младший.

Том заметил, что беседа пошла живее. Поговорили о погоде, о поездке. Хетти сперва стеснялась, потом заговорила посвободнее. Барти упомянул, что встретил Джеймса на ярмарке в Каслфорде, и тут Том вспомнил — Хетти упоминала об этом молодом человеке как об одном из друзей Мельбурнов. Он ходил в школу в Каслфорде вместе с ее кузенами.

Весьма естественно разговор перешел на коньки. Барти восхищался сегодняшними достижениями Хетти. Он и сам любит долгие прогулки, но редкая девушка может так много пробежать на коньках. Его мама однажды прокатила не меньше того — он помнит, как она об этом рассказывала. Когда Барти-старший за ней ухаживал, стояли такие же страшные морозы. Они вдвоем пробежали на коньках от Каслфорда до Или, потом до Литлпорта и даже еще дальше. Они мчались на коньках так долго, что девушка стала засыпать на ходу, и ей приснилось, что они с возлюбленным докатили до самого моря и скользят по гладким замерзшим волнам в дальние страны.

Хетти смеялась от души, а Барти-младший принялся мечтать, как они будут кататься на коньках и этой зимой, и следующей. Он любил коньки не меньше Хетти.

Том счел беседу малоинтересной, главным образом потому, что не мог принять в ней участия. Он сердился на Хетти — она вела себя так, будто совершенно забыла о нем или в упор его не видела, а может, и то и другое вместе. Пару раз, взмахнув рукой, она задевала его, и рука проходила насквозь. Потом, повернувшись, чтобы лучше слышать Барти-младшего, она положила руку на спинку сиденья — и прямо Тому на горло. Странное ощущение, особенно при глотании.

Наконец они добрались до станции в Каслфорде. Последний поезд еще не ушел, но надо было долго дожидаться, и Барти предложил довезти ее до самого дома. Хетти не возражала. Том был против, но как он мог спорить? Он так надеялся на пустое купе, на долгий, сокровенный, со всеми объяснениями разговор: ему надо поговорить с Хетти как можно скорее.

Двуколка тронулась. Том сидел в одиночестве, погруженный в раздумья, а эти двое со все возрастающей симпатией болтали над его головой или, вернее, сквозь него. Из темноты донесся бой часов на деревенской церкви, и Том вспомнил о Времени: он-то думал, что подчинил его, что сумел перейти из своего Времени в Вечность, чтобы счастливо жить в саду. Сад никуда не делся, но Время Хетти, между тем, обошло его, превратив саму Хетти из девочки-подружки во взрослую женщину. Питер совершенно прав.

Сквозь цоканье копыт Том прислушался к беседе — это был настоящий взрослый разговор, для него он не представлял ни малейшего интереса, а собственные мысли вгоняли в тоску. Мало-помалу мысли исчезли, и мальчик заснул. Не то чтобы он особенно устал или по позднему времени хотел спать, нет, его усыпил однообразный стук копыт. А может, странная догадка, что он больше не нужен Хетти, лишала его бодрости и живости.

Он смутно ощутил, как качнулась двуколка, огибая беленый домик, как выехала на аллею, ведущую к дому.

Взбешенная миссис Мельбурн вышла им навстречу из парадной двери. Она, как и следовало ожидать, увидела в двуколке только двоих. Но и Хетти видела рядом с собой только одного человека, и это был Барти-младший.

Глава 25

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

В пятницу утром тетя Гвен встала раньше всех. Пока остальные мирно спали, она вскипятила электрический чайник и заварила чай. Налила чашечку мужу, другую себе, а третью собралась отнести Тому.

Проходя с чашкой по коридору, она в панике замерла на месте. Входная дверь, которую Алан собственноручно запер вчера вечером, стояла приоткрытая. В одну минуту она вообразила себе все сразу: грабителей с отмычками, грабителей с ломиками, грабителей с мешками для добычи, в черных масках и с оружием — дубинками, револьверами, кинжалами, свинцовыми трубами…

Гвен Китсон очнулась от боли в пальцах — она так дрожала, что чай сначала пролился на блюдце, а потом и руку обжег. Она наклонилась, чтобы поставить чашку с блюдцем на ближайший стул, и поняла, почему дверь не закрывалась — ее удерживала пара домашних тапочек, и это были тапочки Тома.

Воображаемые грабители исчезли. Должно быть, во всем виноват Том. Она вспомнила — однажды он уже отправлялся бродить по дому. Ей припомнились и высокопарные речи Алана по этому поводу. Лучше будет разобраться во всем самостоятельно.

Первым делом она выглянула на площадку — ни следа Тома. Тогда она вынула тапочки, заперла дверь и направилась в комнату Тома. Мальчик крепко спал, не притворялся, тетя была в этом совершенно уверена. Она постояла над ним с предательскими тапочками в руках, раздумывая, что сказать. Мальчика необходимо побранить, но не слишком сурово, не стоит портить ему последний день.

Но разбудив мальчика, тетя Гвен не решилась даже на самый мягкий попрек, слишком ее встревожило состояние Тома. Он открыл глаза и сразу же опять зажмурился, словно увидел что-то страшное. Потом быстро забормотал: "Нет! Только не это Время! Не сейчас!" — слова, показавшиеся тете Гвен совершенно бессмысленными.

Она выронила тапочки, упала на колени рядом с кроватью и обняла мальчика.

— Том, что случилось? Проснись, уже утро. Ты цел и невредим, я с тобой.

Том открыл глаза и огляделся. Вид у него был озадаченный, словно он ожидал увидеть кого-то другого — или что-то другое.

— Ты видел дурной сон? Ну ничего, теперь все прошло. Уже утро, сегодня пятница, а завтра ты едешь домой.

Взгляд его мало-помалу прояснялся. Тетя поцеловала Тома и отправилась за новой чашечкой чая.

Мужу она сказала только:

— Как удачно, что он возвращается домой. Надеюсь, ему это пойдет на пользу. У мальчика явно нервы не в порядке — страшные сны, кошмары, — ей пришло в голову новое объяснение загадки домашних тапочек. — Не удивлюсь, если он ходит во сне.

Тетя Гвен так и не сказала Тому о тапочках, найденных в дверях. А Том позже обнаружил их у себя в спальне, но задумываться не стал — понять бы, как он сам здесь очутился. А под одеялом он сжимал левой рукой коньки Хетти, на которых вчера доехал до самого Или, и ремешки обвивались вокруг его пальцев. Итак, он все еще в квартире Китсонов, сегодня утро пятницы. Он был так уверен, что сумеет перейти из своего Времени в Вечность, а вернулся всего через несколько часов.

"Наверно, это потому, что я заснул в повозке, — размышлял Том. — Больше такого не случится. Осталась последняя возможность — сегодняшняя ночь. Отправлюсь в сад и пробуду там, сколько захочу".

Брать ли коньки? Если все еще стоят морозы, можно покататься на пруду или по замерзшим заливным лугам, но не хотелось бы, как в прошлый раз, совсем отказываться от сада.

А может, в саду уже опять лето?

Он откроет дверь, и из сада повеет теплым, нежным ароматом цветов. Тисы на той стороне лужайки встретят его с распростертыми объятиями. Он пройдет по дорожке, ведущей к солнечным часам, свернет направо, пробежит по тисовой аллее, вынырнет на солнечный свет возле грядок спаржи, может быть, увидит, как Авель выкапывает корни хрена из-под яблони-скороспелки, встретит Хетти — маленькую девочку в голубом переднике с ворохом смешных историй.

"Время в саду может идти вспять, — твердил Том. — Сегодня она снова станет маленькой, и мы будем играть вместе".

Пятница в основном прошла в сборах. Вещи перебрали и сложили, чемодан вычистили и сменили на нем наклейку. Тетя потащила Тома в магазин — выбрать чего-нибудь вкусненького на дорогу и купить подарочки маме, папе и брату. У Тома не получалось даже изобразить

интерес, таким далеким казался родной дом. Пройдут годы, прежде чем он увидит его завтра.

На ночь тетя оставила открытыми обе двери в спальни, чтобы услышать, если Тому вздумается опять ходить во сне. Но Том не попался на тетину уловку. Недели практики выработали у него совершенно бесшумную походку — он ухитрился выбраться из квартиры, никого не потревожив.

Из окна спальни он заметил, что небо затянуто тучами, не видно ни луны, ни звезд. На лестничной площадке он с трудом различил прямоугольник окна.

— Это совершенно неважно, — сказал сам себе Том и уверенно спустился в прихожую.

Он остановился, вслушиваясь в тиканье часов. Не хотят ли они сказать что-то именно ему? Сердце колотилось как бешеное, и в мерном тиканье старинных напольных часов Тому послышался укор.

Он прошел через прихожую, повернул налево, обогнул старый шкаф с обувью и остановился перед дверью. Как страшно открыть дверь! Он рванул засов. Ему показалось, что замок какой-то не такой, но он отогнал эту мысль.

— Я иду в сад! — пробормотал он сквозь зубы.

Часы продолжали тикать, не подтверждая и не опровергая его слов.

Том распахнул дверь, снаружи тоже была ночь, такая же темная, как ночь внутри. Он ничего не видел. Том стоял в дверях, вдыхая ночной воздух. Никакого мороза, но и благоухания летних цветов, листьев и травы он тоже не ощущал. Ничем не пахло, кроме какого-то слабого, непонятного запаха, Том никак не мог определить, что это.

— Какая разница, — убеждал сам себя Том.

Темнота тоже ничего не значила, к этому времени Том знал сад наизусть и мог найти дорогу даже с завязанными глазами. Куда пойти сначала? Через лужайку, к тисам.

Он рванулся вперед и побежал. Босые ноги ощутили холод камня, он стукнулся о какую-то металлическую штуковину, с которой слетела крышка и задребезжала по камням. Том шарахнулся в сторону и понесся дальше, к тисам, но почти сразу же врезался в деревянный забор. И тут он узнал запах креозота. Забор из пропитанных креозотом досок огораживал задний двор, где стояли мусорные ящики, а рыжебородый жилец держал свою машину.

Том ринулся обратно к дому, будто за ним кто-то гнался. Больше попыток он делать не собирался и даже дверь за собой не закрыл. Не собирался он и возвращаться в постель. Он так и застыл, рыдая, посреди прихожей, а часы продолжали равнодушно тикать.

Где-то наверху зажегся свет, и Том разглядел, что кто-то спускается по лестнице. В душе мальчик понимал — это не она, это не может быть она, но все-таки закричал, моля о помощи:

— Хетти! Хетти!

Он перебудил весь дом. Отчаянный крик, высокий и тонкий, словно птичий сигнал тревоги, донесся даже до верхнего этажа и разбудил миссис Бартоломью, которой снилась ее свадьба на Иванов день шестьдесят лет назад. Со сна ей показалось, что кто-то ее зовет. Она зажгла свет и стала выбираться из постели.

Алан Китсон перепрыгнул сразу несколько ступенек лестницы и схватил Тома в охапку. Мальчик кричал и вырывался, но постепенно

обмяк и только всхлипывал. Почему-то было понятно — скоро он не успокоится.

Дядя Алан отнес Тома наверх, к тете, и спустился закрыть дверь и извиниться перед нижними жильцами. Потом опять поднялся к себе на второй этаж объяснить соседям, что случилось, — понимаете, просто племянник жены ходит во сне. Потом пришлось лезть наверх к миссис Бартоломью. Дверь была открыта, но на цепочке. Бледная, дрожащая, взволнованная домовладелица выслушала его объяснения, но, казалось, не поверила или просто не поняла. Она задавала странные вопросы, повторяла одно и то же, и Алан Китсон потерял всякое терпение. Поспешно пожелав ей спокойной ночи, он вернулся к себе в квартиру.

Тем временем тетя Гвен уложила Тома в постель, принесла ему аспирин и горячее молоко. Услышав шаги мужа, она вышла в коридор.

— Я побуду с ним, пока он не заснет. Он совсем расклеился. Такое потрясение! Очнулся и не мог понять, где находится. Один, в темноте, в чужой прихожей, не понимая, как он здесь очутился.

— Посмотри, — дядя Алан протянул ей старомодные ботинки с коньками. — Вот что было у него в руках.

Тетя Гвен была ошарашена.

— Зачем они ему понадобились? Даже если он ходил во сне?

— Где он их раздобыл, вот что я хотел бы знать, — дядя Алан с удивлением рассматривал коньки. — Начищены, смазаны маслом, а все-таки кажется, что на них не катались лет пятьдесят или сто. Думаю…

— Не вздумай расспрашивать мальчика. Обещай мне, Алан. Его нельзя тревожить.

— Хорошо. Если это его коньки — а они явно не наши — я просто положу их завтра в чемодан.

Тетя Гвен вернулась было к Тому, но вспомнила еще кое-что странное.

— Когда он закричал, мне показалось, что он кого-то звал.

— Ты имеешь в виду, маму или папу?

— Нет, он звал кого-то по имени.

— Не может быть, он просто вскрикнул.

Глава 26

ИЗВИНЕНИЕ

Тому и раньше случалось засыпать в слезах, но утром все оказывалось не так уж страшно. Новый день — новые надежды! Но сегодняшнее утро оказалось всего лишь продолжением вчерашнего кошмара. Горе и ужас никуда не делись.

Наступила суббота, он упустил свой последний шанс. Сад для него потерян, сегодня он возвращается домой.

Слезы брызнули из глаз, Том плакал и никак не мог остановиться. Зашла тетя Гвен, обняла его.

— Том, скажи мне, что случилось!

Вдруг ему захотелось поделиться с ней своим горем. Возможно, это принесет облегчение. Но было уже поздно — рассказ получился бы

слишком длинным и неправдоподобным. И он продолжал молча глотать слезы.

Том позавтракал в постели, словно больной. А Китсоны за завтраком говорили только о нем.

— Он не может ехать один на поезде в таком состоянии, — заявила тетя Гвен. — Может быть, отвезти его на машине?

Дядя Алан не возражал. Но в субботу утром он работал, так что поездка откладывалась до обеда. Лонгам послали телеграмму.

Позавтракав, Том встал и оделся, потому что лежать и думать стало совсем невмоготу. Он вышел из спальни, как раз когда дядя Алан собирался на работу. Тому сообщили о перемене планов, он только кивнул.

Дядя Алан простился и ушел, тетя Гвен закрыла за ним дверь. Почти сразу же послышался его голос за дверью — он с кем-то разговаривал. Через несколько минут дядя вернулся с расстроенным видом.

— Наша старушенция никак не угомонится.

— Миссис Бартоломью? Что на этот раз?

— Она требует извинений за вчерашний переполох. Я уже извинился вчера и охотно повторил извинения сегодня, но она требует, чтобы мальчик явился сам.

— Это возмутительно! Как она может! Я не отпущу Тома! Я пойду сама! — тетя Гвен кипела гневом.

Она шагнула к двери, но муж остановил ее.

— Гвен, успокойся. Она наша квартирная хозяйка. Не надо ее сердить.

— Все равно!

— Я сам попробую ее успокоить.

— Не надо, — вдруг произнес Том тусклым безжизненным голосом. — Я схожу к ней. Я должен. Я не боюсь.

— Том, я тебя не отпущу, — закричала тетя.

— Я пойду.

Лучше встать с постели, чем лежать и плакать. Лучше делать, что-то, даже неприятное, чем совсем ничего не делать — как ни странно, от этого становится легче.

Что-то в голосе Тома заставило дядю и тетю согласиться.

Немного попозже Том поднялся на один этаж и позвонил в квартиру миссис Бартоломью.

Миссис Бартоломью открыла дверь, и они, наконец, оказались лицом к лицу друг с другом. Он так себе ее и представлял: маленькая, морщинистая, седая. Только блестящие, черные глаза оказались неожиданностью. Чернота этих глаз почему-то встревожила Тома.

— Что скажешь? — она первая нарушила молчание.

— Я пришел извиниться, — начал Том.

Она прервала его:

— Тебя зовут Том? Твой дядя упомянул об этом. А как твоя фамилия?

— Лонг. Я хочу извиниться…

— Том Лонг… — она протянула руку и дотронулась кончиками пальцев до его рукава, нажала посильней, чтобы почувствовать ткань рубашки, кожу под ней и кости под кожей. — Ты настоящий, мальчик из плоти и крови, племянник Китсонов. А вчера…

Том изо всех сил старался не испугаться этой странной старухи.

— Я очень сожалею о вчерашнем…

— Своим криком ты разбудил меня среди ночи.

— Я уже сказал, что сожалею.

— Ты звал кого-то, — настаивала миссис Бартоломью, — назвал чье-то имя.

Ее голос звучал нежно, ласково, радостно. Том никогда бы не подумал, что старушка может так говорить.

— Том, ты не понял? Ты звал меня: Хетти — это я.

Слова звучали бессмысленно, но черные глаза притягивали Тома. Он покорно вошел вовнутрь и очутился в крошечной прихожей. На стене висел знакомый готический барометр.

— Это же барометр из прихожей Мельбурнов! — Том говорил как во сне.

Миссис Бартоломью подтолкнула его в гостиную. Над камином висел большой коричневатый фотографический портрет молодого человека с самым обыкновенным лицом — такого вряд ли запомнишь. Но Том его узнал, хотя и видел только при лунном свете.

— Это же Барти-младший!

— Правильно. Снято вскоре после нашей свадьбы.

До Тома доходило с трудом. Значит, Барти-младший и покойный мистер Бартоломью — одно и то же лицо?

Он тяжело плюхнулся на стул.

— Вы вышли замуж за Барти-младшего? Так кто же вы?

— Я же говорю тебе, Том, — терпеливо повторила миссис Бартоломью. — Я Хетти.

— Но Хетти была маленькой девочкой во времена королевы Виктории.

— Да, я родилась в викторианскую эпоху. Что здесь странного?

— Но Виктория взошла на трон в 1837 году!

— Это было задолго до моего рождения. Я родилась в конце ее царствования. Когда я была маленькой девочкой, королева была уже немолода. Я принадлежу поздневикторианской эпохе.

— Я не понимаю… не понимаю… сада больше нет, а барометр тут… вы говорите, что вы Хетти… Что случилось после нашей последней встречи? Когда мы доехали на коньках до самого Или.

— Да что ты? — возразила миссис Бартоломью. — Я видела тебя и после этого. Ты что, забыл? Похоже, ты не знаешь всей нашей истории, надо тебе рассказать.

Она начала свой рассказ, но Том почти не слушал, что она говорит, его больше интересовало, как она говорит. Он вглядывался в ее движения, изучал ее наружность. Черные глаза, точно, были как у Хетти. Он начал замечать знакомые жесты, интонацию, манеру смеяться и все больше узнавал свою маленькую подружку.

Прервав рассказ миссис Бартоломью, Том неожиданно наклонился к ней и прошептал:

— Вы были Хетти! Вы и есть Хетти! Настоящая Хетти!

Она улыбнулась и кивнула.

Глава 27

ИСТОРИЯ ДЛЯ ТОМА ЛОНГА

— Это случилось в 1895 году, в год великих морозов, — рассказывала Хетти Бартоломью. — Мы с тобой, Том, пробежали на коньках весь путь до Или. На обратном пути встретили Барти, и он подвез нас домой.

Она улыбнулась.

— Я никогда толком не разговаривала с Барти, всегда робела в большой компании, да я и сейчас такая. Но в тот день все было по-другому: мы остались вдвоем, болтали и понемногу узнавали друг друга. Барти любил говорить, что прежде чем повернуть двуколку к дому, он почти решил жениться на мне.

А потом он сделал мне предложение, и я согласилась, а тетя Мельбурн только рада была сбыть меня с рук.

Мы поженились на Иванов день, меньше чем через год после великих морозов. В канун Иванова дня, накануне свадьбы я паковала вещи и вспомнила про коньки и про тебя, Том. Я всегда держала коньки в тайнике, как и обещала, хотя очень давно тебя не видела. Я написала записку с объяснением и положила вместе с коньками.

— Я нашел записку, — сказал Том. — Подписанную и датированную.

— Канун Иванова дня, конец прошлого века. Было очень душно и жарко, собиралась гроза. Я не могла уснуть, все думала о завтрашней свадьбе. В первый раз я задумалась обо всем, что покидаю, — о детстве, о любимом саде, о тебе, Том. Приближалась гроза, сверкнула молния, я встала с постели и подошла к окну. При вспышках молний были ясно видны и луга, и вязы, и даже берег реки. И я подумала — надо взглянуть на сад, мне страшно хотелось его увидеть. Я пошла в пустую спальню, окна которой выходили в сад, в запасную спальню.

— Знаю, о чем вы говорите! Однажды я просунул туда голову сквозь дверь.

— Я стояла у окна и смотрела в сад. Гроза была уже совсем близко, сверкали молнии. Тисы, ель, теплица — все было видно как днем. И тут я заметила тебя.

— Меня? — закричал Том. — Но как? Когда? Я вас не видел.

— Ты не смотрел наверх. Думаю, ты гулял в саду — появился откуда-то сбоку и прошел через лужайку к дому. Ты выглядел почти прозрачным, как луч лунного света. Как всегда в пижаме, это же была пижама, правда? В то время мальчики спали в ночных рубашках, я раньше и не видела пижам. Твоя пижамная куртка была расстегнута, это

я запомнила. Ты дошел до крыльца и, наверно, вошел в дом, больше я тебя не видела. Я стояла у окна и говорила себе: "Он ушел, но сад остался. Сад останется навсегда. Он никогда не изменится". Ты помнишь ель, Том, всю обвитую плющом? Много раз я стояла под этой елью в ветреную погоду и чувствовала, как под ногами поднимается земля, словно дерево напрягает корни, как мускулы. В тот день гроза разыгралась не на шутку. Порыв ветра, удар молнии прямо в дерево — Том, это было ужасно! Ель упала.

Она замолчала. Том вспомнил, как тихо стало, когда упала ель, вспомнил крик из окна на втором этаже.

— Я поняла, что сад все время меняется, потому что все изменяется, кроме нашей памяти.

— А что было потом? — спросил Том.

— На следующий день Авель ругался, потому что ель упала прямо на грядки со спаржей, а я не вспомнила ни о ели, ни о тебе, Том, ведь это был день моей свадьбы. Мы с Барти поженились и стали жить на одной из ферм его отца. Мы были очень, очень счастливы.

— А дальше?

— Дела у нас шли хорошо, гораздо лучше, чем у моих кузенов. Сперва все трое продолжали отцовское дело, потом Хьюберт и Эдгар вышли из дела, остался один Джеймс. Он женился, но жена умерла, дела шли все хуже и хуже, наконец, он решил эмигрировать. Перед отъездом он распродал все — дом, мебель, оставшуюся землю. Мы с Барти пришли на аукцион. Дом очень изменился. У Джеймса всегда было туго с деньгами. Сначала он продал оба луга, потом фруктовый сад, а потом и наш сад. Сад исчез. На месте тисов и лужайки выросли дома с крошечными садиками. Ни один тис не уцелел. Кроме Каверзы. Ты, наверно, видел Каверзу в одном из этих садиков.

— Значит, это Каверза, — сказал Том.

— Барти купил на аукционе все, что мне захотелось, — барометр, старинные напольные часы, я всегда любила слушать, как они бьют. В детстве я иногда притворялась, что перепутала время, и вставала раньше всех, раньше служанок, еще до восхода солнца, — и шла играть в сад.

— Как вы могли увезти часы? — удивился Том. Их же нельзя сдвинуть с места.

— Их и не надо было двигать. Барти купил дом — он всегда покупал то, что мне нравилось, если только мог, конечно. Он сказал: "Без сада это больше не господский дом", разделил его на квартиры и стал сдавать жильцам.

— И вы переселились сюда?

— Не сразу. Нам хорошо жилось на ферме. У нас родилось двое детей — мальчиков. Они оба погибли на Великой войне — сейчас ее называют Первой мировой войной, — миссис Бартоломью не заплакала, она давным-давно выплакала все слезы. — Потом, через много лет, умер Барти, и я осталась одна. Тогда-то я и переселилась сюда и с тех пор живу здесь.

Миссис Бартоломью замолчала, словно досказала свою историю до конца.

— И с тех пор вы часто путешествуете назад во Времени? — подсказал Том.

— Путешествую во Времени?

— Возвращаетесь в Прошлое?

— Доживешь до моих лет, Том, поймешь — старики живут в Прошлом. Вспоминают, видят сны.

Том кивнул. Он многое понял: почему в саду всегда стояла прекрасная погода, почему Время делало скачки — иногда убегало далеко вперед, иногда возвращалось назад. Это зависело от того, о чем именно вспоминала миссис Бартоломью.

А может, не одна миссис Бартоломью была в ответе за то, что сад каждую ночь оживал. Не зря же она сказала Тому, что до нынешнего лета сад никогда не снился ей так часто, никогда она так ясно не вспоминала детство. Она снова ощутила, насколько же нужен был маленькой Хетти товарищ для игр и место, где можно играть.

— Но ведь и со мной этим летом происходило то же самое.

Миссис Бартоломью, казалось, говорила и о нем, ему тоже очень нужен был друг и место, где можно спокойно поиграть. Его мечта носилась по огромному дому, прокрадывалась в сны миссис Бартоломью и возвращала ей из далекого прошлого маленькую Хетти. Миссис Бартоломью снова стала ребенком, снова попала в сад — и Том вместе с ней.

— Но последние ночи, перед самой последней — вам же не сад снился, вам снилась зима и коньки.

— Да, — согласилась миссис Бартоломью, — я вспоминала Или. Никогда не была я так далеко от дома. Мне снилось, что я стала совсем взрослой, мне снился Барти, а о тебе и о саде я почти не вспоминала.

— Ну, это не ваша вина, — решил Том. — Вы же действительно стали взрослой. В предпоследнюю ночь, на обратном пути вы говорили только с Барти, а на меня внимания не обращали.

— С каждой зимой ты становился все тоньше и тоньше, а в тот раз, когда мы подъехали к дому, совсем исчез.

— А прошлой ночью… — в голосе Тома не было горечи.

— Прошлой ночью мне снилась наша свадьба и переезд на ферму.

— Прошлой ночью я спустился, открыл дверь в сад и увидел — сада больше нет. Вот почему я вскрикнул. Я звал вас, но никак не думал, что вы меня услышите.

— Ты меня разбудил. Я знала, это Том зовет на помощь, только не могла этого понять. Я же не верила, что ты настоящий. До сегодняшнего утра не верила.

— Мы оба настоящие, — сказал Том. — Тогда и Сейчас. Как сказал ангел: "Времени уже не будет".

Снизу донесся бой часов. Часы пробили два, и миссис Бартоломью, понимавшая их язык, сказала, что, наверно, уже одиннадцать и тетя его заждалась. Том спустился к себе в квартиру и попросил разрешения выпить чаю с миссис Бартоломью. Тетя Гвен была слишком удивлена, чтобы возражать, и даже ни о чем не спросила.

Том вернулся к миссис Бартоломью. Она заварила чай, достала тминное печенье, и они уселись рядышком, чтобы всласть поболтать о саде.

Том спросил об Авеле. Оказалось, он женился на Сюзанне, они жили счастливо, и у них было много детей. Том рассказал миссис Бартоломью, что Авель тоже мог его видеть.

— Надо же! — поразилась миссис Бартоломью. — А тетя Мельбурн вечно насмехалась над Авелем, говорила, что он туп, как корова на лугу.

— Коровы меня тоже видели, — с чувством произнес Том, — а вот она никогда.

Миссис Бартоломью от души рассмеялась, теперь она могла позволить себе смеяться над теткой.

— Знаешь, я тебя все-таки не послушалась. Ты же запретил мне вырезать значки и инициалы на деревьях, но после того как ты научил меня залезать на Каверзу, я вырезала на стволе нашу общую эмблему — длинного тощего кота в шляпе. Поверь мне, это выглядело забавно. Я так тебе и не призналась.

— Вот бы залезть на забор, хорошенько рассмотреть Каверзу. Интересно, след на дереве сохранился?

— Вполне возможно.

Они взахлеб вспоминали сад, пока напольные часы не пробили полдень. Тому давно было пора идти. Тетя покормит его, а потом — домой.

— Обязательно приезжай еще! — попросила миссис Бартоломью. — Приезжай вместе с братом, которого я видела в Или, как его зовут?

— Питер.

Том виновато подумал, что совсем позабыл о брате. Сперва от ужаса, что сад исчез, потом от изумления и восторга, вновь обретя сад в воспоминаниях миссис Бартоломью.

Он снова присел и рассказал миссис Бартоломью о Питере и о мечте брата узнать все-все об их приключениях в саду.

— Обязательно привози брата, — решительно заявила миссис Бартоломью. — Непременно передай, что я его жду.

Том пообещал. Ему вдруг страшно захотелось домой. Его ждет теплая встреча, а потом он отведет Питера в сторонку, лучше всего во двор, и шепнет:

— Я расскажу тебе секрет того сада, и, знаешь, Питер, Хетти приглашает тебя в гости.

Надо было все-таки прощаться. Тетя Гвен уже тревожно поглядывала с лестницы на верхний этаж. Том ее заметил, и миссис Бартоломью тоже.

— До свидания, миссис Бартоломью! — Том церемонно пожал ей руку. — Большое спасибо за угощение.

— Буду с нетерпением ожидать нашей следующей встречи, — чинно отвечала миссис Бартоломью.

Том медленно спустился по лестнице. На площадке он помедлил, но вдруг повернулся и, прыгая через две ступеньки, побежал наверх, туда, где ждала его Хетти Бартоломью.

Потом тетя Гвен так описывала это мужу:

— Они обнялись, как будто знали друг друга долгие-долгие годы — а ведь познакомились только сегодня утром! И еще кое-что, Алан, хотя это звучит совершенно бессмысленно… Конечно, миссис Бартоломью такая согнутая, маленькая старушка, не выше Тома, но знаешь, на прощание он обнял ее просто как ровесницу.